

Федеральное государственное автономное образовательное
учреждение высшего образования
«Новосибирский национальный исследовательский
государственный университет»

На правах рукописи

Подопригора Василий Вячеславович

Структура сюжетики и жанр

Летописи волынских Мономаховичей XIII века

Специальность 10.01.01 – Русская литература

Диссертация на соискание ученой степени
кандидата филологических наук

Научный руководитель
доктор филологических наук
Дергачева-Скоп Елена Ивановна

Новосибирск – 2017

Оглавление

Введение.....	3
Глава 1. Галицко-волынское историческое повествование в составе южнорусского летописного свода конца XIII в.: актуальные проблемы исследования.....	14
1.1. Галицко-волынское историческое повествование XIII в. как летописный текст в исследовательской традиции XIX – первой половины XX в.....	14
1.2. Галицко-волынская летопись XIII в. в текстологических и генетических аспектах в исследованиях второй половины XX – начала XXI в.....	40
Глава 2. Традиционные элементы жанровой и сюжетной структуры Летописи волынских Мономаховичей.....	64
2.1. Жанровая топика летописно-исторического повествования в Летописи волынских Мономаховичей и её авторские модификации	64
2.2. Историко-литературная интерпретация авторской декларации в Летописи волынских Мономаховичей и структура сюжетики.....	103
Глава 3. Летопись волынских Мономаховичей как авторское литературное произведение. К проблеме жанра.....	121
3.1. Летопись волынских Мономаховичей в южнорусском летописном своде конца XIII в.: уровни обработки текста	121
3.2. К вопросу о реконструкции формата и состава протографа Летописи волынских Мономаховичей. Хлебниковский список	133
3.3. Летопись волынских Мономаховичей как авторское историческое повествование меморатного типа	138
Заключение	197
Список источников	203
Список использованной литературы.....	206
Список сокращений	226

Введение

Актуальность темы и степень её изученности. Проблема структуры сюжетики Летописи волынских Мономаховичей XIII в. (далее – *ЛвМ*)¹ и вопросы специфики её жанра как авторского концептуального единства не летописного, а меморатного характера ставятся впервые.

ЛвМ, сохранившаяся в составе южнорусского летописного свода конца XIII в., представляет собой уникальное явление среди памятников старшего летописания как по объему и характеру сообщаемых исторических сведений, так и по тому литературному и поэтическому характеру, на который неоднократно обращали внимание её исследователи².

Развивающееся в настоящее время изучение памятников старшего летописания как целостных литературных произведений³ демонстрирует, что фактор авторского начала был определяющим в формировании концепции летописного свода и способах цитирования его источников⁴.

¹ Мы предпочитаем сохранить за памятником название «летопись», поскольку повествование, даже основанное на обыденной человеческой памяти, а не на погодной сетке за счет проявляющейся в нем хронологии всегда приобретает «внутреннюю форму рассказа летописного» – *Дергачева-Скоп Е. И.* Из истории литературы Урала и Сибири XVII в. Свердловск, 1965. С. 94.

² «Вообще, эта летопись состоит не из сухих, отрывочных, погодных записей разнообразных событий; а имеет характер цельного произведения, сосредоточивающегося на известных местностях, рассказа, отличающегося живостью, сравнительною полнотою и удивительною, сравнительно с другими летописями, пластичностью, яркостью и резкостью характеристик» (*Иконников В. С.* Опыт русской историографии: В 2-х тт., в 4-х книгах. Т. II. Кн. 1: Репринтное издание 1891–1908 гг. СПб., 2007. С. 586).

³ Укажем здесь, прежде всего, диссертацию В. А. Мельничук, посвященную поэтике Свода игумена Моисея как авторского концептуального произведения – *Мельничук В. А.* Киевская великокняжеская летопись XII века: образно-повествовательная структура свода игумена Моисея: автореф. дис. <...> канд. филол. наук. Екатеринбург, 2013. 26 с.

⁴ Еще А. А. Шахматов, подчеркивая авторский характер летописных памятников, отмечал, что их исследование «должно начинаться с определения личности составителя свода (времени, места, обстоятельств, при которых он работал)» – *Шахматов А. А.* Разбор сочинения И. А. Тихомирова: «Обозрение русских летописных сводов Руси северовосточной» // Записки Императорской академии наук по историко-филологическому

Интерпретация уникальных чтений летописных сводов, целостность которых доказана (или даже предполагается исследователем), в перспективе их авторской телеологии, приводит к выводу, что их авторы-составители стремились придать концептуальное единство истории всего княжеского рода, а не только лишь отдельного княжения.

Списки южнорусского свода конца XIII в., в составе которого как последовательно расположенные компоненты выделяются ПВЛ, Киевский свод игумена Моисея и *ЛвМ*, возводятся к двум восходящим к общему протооригиналу старшим спискам: Ипатьевскому (далее – *Ип*) первой четверти XV в. (БАН, 16.4.4) и Хлебниковскому (далее – *Хл*), датируемому второй половиной XVI в. (РНБ, F.IV.230). Хотя оба списка были обнаружены Н. М. Карамзиным практически одновременно – в 1809 г., *Ип*, как более ранний, был положен в основу первых изданий южнорусского свода⁵, а также первого отдельного издания его третьей части, которое было выпущено А. С. Петрушевичем во Львове⁶.

Что касается списка *Хл*, то внимание исследователей истории летописания в начале изучения свода привлекала только его первая часть, содержащая ПВЛ. А. А. Шахматовым были выделены чтения *Хл*, общие как с *Ип*, так и с другими списками ПВЛ (*Лавр* и *Радзивил*)⁷. Лингвистические особенности ПВЛ в составе *Хл* были проанализированы в исследовании В. М. Греченко-Журавской⁸.

отделению. Т. IV, № 2. Отчет о сороковом присуждении наград графа Уварова. СПб., 1899. С. 108.

⁵ ПСРЛ. Т. 2: Ипатьевская летопись. СПб., 1843 г.; Летопись по Ипатскому списку. Издание Археографической комиссии. СПб., 1871; ПСРЛ. Т. 2: Ипатьевская летопись. СПб., 1908.

⁶ *Петрушевич А. С.* Волыньско-Галицкая летопись, составленная с концем XIII века (1205–1292). Львов, 1871.

⁷ *Шахматов А. А.* Обзорение русских летописных сводов XIV–XVI вв. М.; Л., 1938. С. 103–118.

⁸ *Греченко-Журавська В. М.* Хлебніковський список Іпатіївського літопису «Повісті временних літ» у порівнянні з давньоруським протографом (південнословянські та староукраїнські нашарування): автореф. дис. <...> канд. філол. наук: 10.02.01 / Греченко-Журавська Вікторія Михайлівна. Днепропетровск, 1996.

Археографическое описание рукописи *Хл* впервые было выполнено Шахматовым для издания второго тома ПСРЛ в 1908 г.⁹ При подготовке его переиздания новое описание списка было сделано М. Б. Клоссом¹⁰, связавшим историю бытования *Хл* и его более поздних копий с Киево-Печерской лаврой. Исследование особенностей почерка и орфографии ПВЛ в составе *Хл* принадлежит В. М. Греченко-Журавской¹¹.

Что касается Галицко-волынской части *Хл*, то она привлекалась к исследованию пока только в лингвистическом отношении, в частности, в статье В. Ю. Франчук¹², где наряду с новациями, выдающими западнорусское происхождение списка, были отмечены и те языковые явления, которые оказались утрачены в *Ип* и могут быть возведены к протооригиналу обоих списков.

После появления первых работ по истории южнорусского летописного свода XIII в. (исследование К. Н. Бестужева-Рюмина¹³ и др.), касавшихся и его галицко-волынской части, в науке разрабатывались преимущественно проблемы состава её источников, реконструкции их границ и установления этапов редактирования свода. В появившихся в XX в. работах М. Д. Приселкова, Л. В. Черепнина, В. Т. Пашуто, А. И. Генсёрского, И. П. Еремина, В. К. Романова, А. Н. Ужанкова, Н. Ф. Котляра, П. П. Толочко был с различной степенью доказательности установлен круг возможных протографов, обозначены редакционные слои текста. В трудах этих и других исследователей были сделаны попытки выяснения исторического контекста,

⁹ Шахматов А. А. Предисловие // ПСРЛ. Т. 2: Ипатьевская летопись. СПб., 1908. С. VIII–XI.

¹⁰ Клосс Б. М. Предисловие к изданию 1998 г. // ПСРЛ. Т. 2: Ипатьевская летопись. М., 1998. С. G–H.

¹¹ Греченко-Журавська В. М. Хлебниковський список Іпатіївського літопису «Повісті временних літ»... С. 6–13.

¹² Франчук В. Ю. Хлебниковский список Галицко-Волинской летописи как лингвистический источник // Галицко-Волинская летопись. Текст, комментарий, исследование / Сост. Н. Ф. Котляр, В. Ю. Франчук, А. Г. Плахонин; Под ред. Н. Ф. Котляра. СПб., 2005. С. 61–75.

¹³ Бестужев-Рюмин К. Н. О составе русских летописей до конца XIV в. СПб., 1868.

определившего появление источников повествования, а также высказаны предположения об их авторской атрибуции.

Несмотря на жанровое своеобразие памятника и его практически изолированное положение в генеалогической системе русского летописания, в трудах исследователей XIX–XXI вв., *ЛвМ* практически не осознавалась как целостный текст¹⁴, отличающийся как по жанровой специфике, так и по составу известий от основных линий летописания. Практически все исследования оценивали её как компиляцию различных по времени и происхождению протографов, структурирующую так называемую в исследовательской традиции Галицко-Волынскую летопись.

К тому же *ЛвМ*, будучи частью южнорусского свода, рассматривалась почти исключительно как официальный княжеский летописный свод, чему способствовало и обращение первых её исследователей и издателей к редакции, представленной в более раннем *Ин*¹⁵. Изучение её текста проводилось методами исторического источниковедения (см. работы ученых-историков М. Д. Приселкова, Л. В. Черепнина, В. Т. Пашуто, Н. Ф. Котляра и др.), а своеобразие памятника получало интерпретацию только в сфере той или иной политической ситуации. Такой подход вполне справедлив либо на уровне текста всего южнорусского свода конца XIII в., либо – его гипотетических источников (среди которых, действительно, могли быть документы и официальные летописцы различных местных центров или

¹⁴ Однако еще в XIX в. высказывались соображения о целостности *ЛвМ*. Так, К. Н. Бестужев-Рюмин видел в ней претензии «на целостность и некоторый так сказать прагматизм» и признавал, что ее автор «имел в виду нечто более стройное, чем простая погодная летопись» – *Бестужев-Рюмин К. Н. О составе русских летописей до конца XIV в.* СПб., 1868. С. 151; 157. В. С. Иконников также отмечал, что «эта летопись состоит не из сухих, отрывочных, погодных записей разнообразных событий; а имеет характер цельного произведения». – *Иконников В. С. Опыт русской историографии: В 2-х тт., в 4-х книгах. Т. II. Кн. 1: Репринтное издание 1891–1908 гг.* СПб., 2007. С. 586.

¹⁵ Именно *Ин* был положен в основу первых изданий южнорусского свода: ПСРЛ. Т. 2: Ипатьевская летопись. СПб., 1843 г.; Летопись по Ипатскому списку. Издание Археографической комиссии. СПб., 1871; ПСРЛ. Т. 2: Ипатьевская летопись. СПб., 1908; а также отдельного издания его третьей части: *Петрушевич А. С. Волинско-Галицкая летопись, составленная с концем XIII века (1205–1292).* Львов, 1871.

княжеских семейств), но не вполне соответствует характеру самого памятника (*ЛвМ*).

Преобладание интереса к отдельным фрагментам галицко-волынского слоя южнорусского свода привело к тому, что прочтение *ЛвМ* как целостного и уникального в жанровом отношении повествования так и не стало исследовательской задачей. Несмотря на выраженный в повествовании авторский характер, его жанровое и концептуальное своеобразие во всем объёме *ЛвМ* не стало предметом специальной разработки.

Разделение памятника на «галицкую» и «волынскую» части с середины XIX в. прочно утвердилось в исследовательской традиции. Многие работы, посвященные так называемому «Летописцу Даниила Галицкого», составляющему оказавшуюся более популярной у исследователей первую половину памятника, зачастую оставляли без внимания его связи с частью, традиционно считающейся «волынской».

Ценные наблюдения о жанре протографов *ЛвМ* как весьма своеобразных литературных памятников начали появляться уже в середине XX в. в работах Д. С. Лихачева, И. П. Еремина, А. Н. Ужанкова, а также некоторых зарубежных исследователей (M. Font, J. Komendová).

На данном этапе после проделанной историками летописания детальной реконструкции источников *ЛвМ* мы переходим к её изучению как единого повествования. Поэтому первостепенное значение имеет обращение к интерпретации текста в аспекте его *целостности* (обеспечиваемой авторской телеологией), а не только на уровне *фрагментов*. Иными словами, мы применили при анализе текста подход, в большей степени направленный на интеграцию, а не на стратификацию различных его уровней.

При описании памятника средневековой исторической прозы как сюжетного повествования нами учитываются различные компоненты, участвующие в структурировании его сюжета: топосы, «общие места», цитаты из различных источников (летописцев, исторических повестей, переводной хронографии, внелетописных памятников, например, жанров

торжественного красноречия) и т. д. Поэтому при подходе к историческому повествованию мы обращаемся к понятию «сюжетики», которое используется нами не в теоретическом (как «система сюжетов произведения»¹⁶ или «национальная матрица сюжетов»), а в практическом аспекте: как появляющееся в летописном по своему генезису повествовании качество «сюжетности».

Источниковой базой нашего исследования стала третья часть южнорусского летописного свода конца XIII в. – Летопись волынских Мономаховичей (*ЛвМ*), изучаемая, прежде всего, по списку *Хл* (вторая половина XVI в.). В ходе исследования мы также обращались к списку *Ип* (первая четверть XV в.), сводам, представляющим как близкие, так и иные летописные традиции (Лаврентьевская, Новгородская I, Густынская летописи), а также к текстам всемирноисторических сочинений (древнерусский перевод «Хроники» Иоанна Малалы, Тихонравовский хронограф XVI в. и др.).

Объект исследования – Летопись волынских Мономаховичей XIII в. (*ЛвМ*) в составе южнорусского летописного свода конца XIII в.

Предмет исследования – авторские способы структурирования сюжета и жанра Летописи волынских Мономаховичей XIII в. (*ЛвМ*) как целостного литературного произведения.

Ярко выраженный литературный характер памятника и его жанровая уникальность, которой обусловлено своеобразие его временной структуры и способов обработки источников, может получить объяснение только в ходе прочтения *ЛвМ* как авторского произведения. Этим обусловлена **основная цель диссертационной работы** – исследование жанровой и сюжетной структуры *ЛвМ* в перспективе авторской телеологии.

¹⁶ «Древнерусское произведение может включать не один, а несколько сюжетов, связанных фабульно или тематически» – *Силантьев И. В.* Сюжет как фактор жанрообразования в средневековой русской литературе. Новосибирск, 1996. С. 9.

Поставленной цели соответствует решение **ряда задач**:

выявить в *ЛвМ* авторский характер модификаций традиционных стилистических компонентов, участвующих в структурировании её жанра (топика летописно-исторического повествования);

уточнить характер форматирования протографа *ЛвМ* в обоих старших списках южнорусского свода;

показать специфику временной структуры и способов цитирования протографов *ЛвМ* на основе списка *Хл* в связи с её жанровым своеобразием;

объяснить жанровую уникальность *ЛвМ* в ее обусловленности авторской телеологией;

рассмотреть выводы исследований в XIX–XXI вв., касающихся различных аспектов изучения памятника, в связи с длительной и сложной историей его изучения.

Методологическая и теоретическая база исследования. В соответствии с заявленной целью нами избран системный подход, в рамках которого использованы следующие методы: 1) структурно-типологический метод, направленный на выявление в повествовании топика летописно-исторического повествования; 2) герменевтический метод, обеспечивающий необходимую интерпретацию различных уровней текста; 3) историко-литературный метод, устанавливающий связь предложенных интерпретаций с тенденциями литературного процесса.

Описание сюжетности средневекового повествования (в её неразрывной связи с жанром) как многокомпонентного единства было обеспечено обращением к исследованиям жанрово-стилистической топика древнерусской литературы (работы А. С. Орлова, Д. С. Лихачева, О. В. Творогова, Т. Р. Руди и др.).

Подход к историческому повествованию как авторскому литературному сочинению позволил подтвердить, что элементы различных традиционных летописных стилей, отчужденных от жанра-протографа, становятся здесь авторскими и в соответствующем контексте могут

формировать не только иной жанр, но и обеспечить новое концептуальное единство (см. работы Е. И. Дергачевой-Скоп¹⁷).

Научная новизна диссертации

В результате исследования впервые:

– *ЛвМ* по списку *Хл* избрана в качестве основного текста для выявления авторской телеологии, определившей её жанровое своеобразие;

– на материале *ЛвМ*, рассмотренной как целостное произведение, поставлена проблема авторских способов структурирования сюжета при формировании жанра средневекового исторического повествования;

– предложена интерпретация авторской концепции жанра памятника, через что получает объяснение своеобразие временной структуры и способы цитирования источников в *ЛвМ* как повествовании меморатного типа.

Теоретическая значимость исследования. В диссертации на конкретном материале *ЛвМ* обосновываются теоретические принципы изучения форм фиксации исторической памяти в жанрах литературы средневековой Руси, которые тем самым включаются в построение истории русской литературы. Диссертационное исследование продолжает разработку проблем выявления авторской телеологии в структурировании сюжетики исторического повествования как многокомпонентного единства.

Практическая значимость исследования. Материалы и результаты диссертации могут быть использованы при научном изучении древнерусского летописания и истории жанров средневековых литератур; в разработках к курсам «История древнерусской литературы», для подготовки

¹⁷ См., например: Дергачева-Скоп Е. И. Заметки о жанре «Истории Сибирской» С. У. Ремезова. Статья 1 // Вопросы русской и советской литературы Сибири (Материалы к «Истории русской литературы Сибири»). Новосибирск, 1971. С. 48–70; Заметки о жанре «Истории Сибирской» С. У. Ремезова. Статья 2 // Проблемы литературы Сибири XVII–XX вв. (материалы к «Истории русской литературы Сибири»). Новосибирск, 1974. С. 5–23; Сибирские летописи в исторической прозе XVII века: текст-контекст // Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2002. Т. 1, вып. 1. С. 3–12; Древнерусский четий сборник как жанровая система (канон и творческие модификации) // Письменное наследие и информационные технологии. Е1'MANUSCRIPT-2015. Международная научная Школа (Новосибирск, Академгородок, 10–28 ноября 2015 г.): Материалы. Новосибирск, 2015. С. 61–63.

спецкурсов по источниковедению русской литературы. Используемые в исследовании методы могут быть применены при научном изучении памятников раннего древнерусского летописания.

Степень достоверности исследования определяется как привлечением достаточного числа источников, среди которых представлены летописные своды XV–XVII вв. и памятники всемирно-исторической хронографии, так и внимательным учетом текстуальных и кодикологических особенностей двух главных списков южнорусского свода конца XIII в.

Апробация результатов исследования. Основные положения и результаты исследования были представлены в форме докладов и сообщений на заседаниях кафедры древних литератур и литературного источниковедения Гуманитарного факультета ФГАОУ ВО «Новосибирский национальный исследовательский государственный университет», а также на международных и всероссийских конференциях, в том числе: на 49 Международной научной студенческой конференции «Студент и научно-технический прогресс» (НГУ, Новосибирск, 16–20 апреля 2011 г.); Всероссийской научной конференции «Нарративные традиции славянских литератур: от Средневековья к Новому времени» (4–8 июня 2012 г.); конференции «Рубежи филологии», посвященной 50-летию Гуманитарного факультета НГУ (Новосибирск, 5 октября 2012 г.); 50 юбилейной Международной научной студенческой конференции «Студент и научно-технический прогресс» (НГУ, Новосибирск, 13–19 апреля 2012 г.); 51 Международной научной студенческой конференции «Студент и научно-технический прогресс» (НГУ, Новосибирск, 12–18 апреля 2013 г.); 52 Международной научной студенческой конференции «Студент и научно-технический прогресс» (НГУ, Новосибирск, 11–18 апреля 2014 г.); IV Международной научно-богословской конференции «Церковь. Богословие. История» (Екатеринбург, 5–6 февраля 2016 г.); 54 Международной научной студенческой конференции (НГУ, Новосибирск, 16–20 апреля 2016 г.); XII Всероссийской научной конференции

«Дергачевские чтения – 2016. Русская словесность: диалог культурно-национальных традиций» (Екатеринбург, 13–14 октября 2016 г.); III Всероссийской научной конференции «Актуальные проблемы отечественной истории, источниковедения и археографии», посвященной памяти академика РАН Н. Н. Покровского (Новосибирск, 13–14 октября 2017 г.).

На защиту выносятся следующие положения:

1. Летопись волынских Мономаховичей (*ЛвМ*) в составе южнорусского свода конца XIII в. представляет собой целостное литературное произведение, жанровая уникальность которого обусловлена определенной авторской телеологией, связанной с меморатной основой памятника.

2. Привлечение текста *ЛвМ* по Хлебниковскому списку (XVI в.) оказывается продуктивным не только для выявления авторской телеологии, определившей специфику временной структуры повествования, его жанровое и концептуальное своеобразие, но и для установления исторической личности автора.

3. Выбор жанровой формы произведения может быть объяснен историко-литературной интерпретацией авторской декларации о причастности *ЛвМ* к традициям классической раннехристианской хронистики, в первую очередь к наследию Евсевия Кесарийского.

4. Автором всей *ЛвМ* был книжник, работавший в последних десятилетиях XIII в. и длительное время находившийся при князе Владимире Васильковиче. Он создавал свое повествование для Мстислава Даниловича – одного из младших сыновей Даниила Романовича и преемника своего двоюродного брата, Владимира Васильковича, на владими́ро-волынском столе, в связи с чем в сюжетной структуре повествования и характеристиках героев была особо акцентирована тема княжеского «братолюбия». В диссертации предложена новая гипотеза о личности автора, позволяющая

говорить о нем как о выходе из Зимненского Святогорского (Печерского) монастыря.

Структура диссертации. В соответствии с целями и задачами исследования работа состоит из введения, трех глав, заключения, списка сокращений, списка источников и списка использованной литературы, включающего 189 наименований.

Глава 1. Галицко-волынское историческое повествование в составе южнорусского летописного свода конца XIII в.: актуальные проблемы исследования

1.1. Галицко-волынское историческое повествование XIII в. как летописный текст в исследовательской традиции XIX – первой половины XX в.

Поскольку наша работа посвящена только третьей, волынской, части южнорусского свода конца XIII в.¹⁸, основное внимание мы уделим истории специального изучения именно этой части свода, лишь в малой степени касаясь вопросов исследования других его компонентов.

А. А. Шахматов первоначально относил составление южнорусского свода к концу XIII в. Однако позднее он был вынужден изменить датировку на начало XIV в., в чем, по мнению ряда ученых (А. С. Орлов, А. Н. Насонов, М. Д. Приселков), не было необходимости: «Определение времени составления сборника XIV веком, очевидно, зависит главным образом от предположения о влиянии на него общерусского свода начала XIV в.»¹⁹.

Галицко-волынское повествование XIII в. в двух древнейших списках этого южнорусского свода было обнаружено в 1809 г. Н. М. Карамзиным, введено им в научный оборот и привлечено к работе над «Историей государства Российского». Используя его как исторический источник и сопоставляя даты, проставленные в *Ип*, со сведениями польских хроник,

¹⁸ Чтения Ипатьевского списка (БАН. 16.4.4) цитируются в круглых скобках с указанием номера столбца по изданию: ПСРЛ. Т.2: Ипатьевская летопись. М., 1998. При цитировании текста по Хлебниковскому списку (РНБ. F.IV.230) мы пользуемся его факсимильным воспроизведением по изданию: Harvard Library of Early Ukrainian Literature. Texts: Volume 8. The Old Rus' Kievan and Galician-Volhynian Chronicles: The Ostroz'kyj (Xlebnikov) and Cetvertyns'kyj (Pogodin) Codices. Cambridge, 1990 (далее – The Old Rus' Kievan and Galician-Volhynian Chronicles с указанием номера страницы издания).

¹⁹ Орлов А. С. О галицко-волынском летописании // ТОДРЛ. Т. 5. М.; Л., 1947. С. 23. Приселков, не разделявший мнение Шахматова о создании в XIV в. общерусского митрополичьего свода (Владимирского полихрона), относил составление протооригинала *Ип-Хл* к концу XIII в. В дальнейшем мы будем придерживаться этой датировки.

Карамзин обнаружил расхождения в датировках известных событий и сбои в хронологии летописного рассказа *Ин*. Карамзин выявил неточность уже в дате известия, которым открывается Галицко-волынское повествование – сообщения о смерти Романа Галицкого (1201 г. согласно *Ин*) – согласно другим источникам, Роман Мстиславич погиб в 1205 году²⁰.

Позднее К. Н. Бестужев-Рюмин обратил внимание на целостность Галицко-волынского повествования XIII в. и его отличия от традиционных летописных сводов, отметив, что его составитель «имел в виду нечто более стройное, чем простая погодная летопись»²¹. Однако именно в исследовании Бестужева-Рюмина была впервые поставлена проблема реконструкции литературных протографов Галицко-волынского повествования, надолго определившая дальнейшее направление его изучения. Предположив отражение в составе памятника нескольких источников, среди которых могли быть отдельные повести о Калкской битве, Батыевом побоище и о смерти волынского князя Владимира Васильковича, официальные документы и показания самовидцев, Бестужев-Рюмин пришел к заключению, что «Волынская летопись» все-таки имеет форму свода, хотя и «с претензиями на целостность и некий, так сказать, прагматизм»²².

В то же время разбиение повествования на две части, «Волынскую» и «Галицкую», о чем впервые в весьма неопределенных выражениях высказался Н. И. Костомаров²³, и которое с тех пор прочно утвердилось в

²⁰ Карамзин Н. М. История государства Российского. М., 1991. Т. 2. С. 560.

²¹ Бестужев-Рюмин К. Н. О составе русских летописей до конца XIV в. СПб., 1868. С. 151.

²² Там же. С. 157.

²³ «Мне кажется, что всматриваясь в переход тонов в слоге летописи и в характере рассказа, летопись раздвояется именно 1261 годом <...> в прежней половине летописи летописец рассказывает, имея как будто в виду на первом плане личность Данила и Галицкую Русь, а с этого времени рассказ возвращается около Владимира Волынского и князей этого края...» (Костомаров Н. И. Лекции по русской истории. Ч. 1. СПб., 1861. С. 50–51). Стоит отметить, что первая часть устоявшегося двойного наименования летописи (Галицко-волынская) восходит, по-видимому, к титулу Даниила Галицкого, с которым Костомаров связывал одну из частей памятника. Л. В. Черепнин и В. Т. Пашуто установили, что летописание Даниила Романовича правильнее связывать не с Галицкой землей, а с Западной Волынью (Холм). Об истории формирования самого термина

работах историков летописания в XX в., уже у Бестужева-Рюмина вызывало сомнения²⁴.

На начальных этапах изучения состава и генеалогии известий южнорусского свода, восходящих к галицко-волынскому источнику, так или иначе, затрагивались две проблемы. Во-первых, отражает ли весь комплекс данных известий единую летописную традицию, возможно ли установить характер этого источника, проследить и реконструировать эволюцию летописания в Юго-Западной Руси. Во-вторых, насколько уместно говорить об однородности самого Галицко-волынского повествования южнорусского свода в пределах XIII в.

Путь к решению этих проблем напрямую связан с ответом на вопрос, что представляет собой сам южнорусский конца XIII в.: составленную одномоментно компиляцию различных источников, в которой известия одного протографа чередуются с другими, либо сборник, включающий несколько крупных самостоятельных памятников (ПВЛ, Киевская великокняжеская летопись конца XII в. и Галицко-волынское повествование XIII в.).

Долгое время среди историков летописания преобладало представление о едином источнике всех «галицко-волинских» известий свода (А. А. Шахматов, М. Д. Приселков и А. С. Орлов). Галицко-волинский протографический источник *Ин-Хл* представлялся в виде обширного свода, содержавшего известия местной тематики за два столетия. При этом предполагалось его воздействие (в разной степени) на все три крупные части свода.

Хотя в трудах Шахматова состав известий южнорусского свода за XIII в. не стал предметом специального анализа, стоит остановиться на его взглядах, поскольку как его непосредственные продолжатели

«Галицко-волинская летопись» в науке см. *Аристов В. Ю.* Коли і як виник Галицько-Волинський літопис? // *Ruthenica*. Т. 11. 2012. С. 172–175.

²⁴ *Бестужев-Рюмин К. Н.* О составе русских летописей... С. 157.

(М. Д. Приселков, А. И. Генсёрский), так и оппоненты (А. С. Орлов) отталкивались именно от его построений.

А. А. Шахматов полагал единство известий о событиях в Юго-Западной Руси в одном из протографических источников *Ин-Хл* и считал, что в его рассказе за XIII в. Галицко-волынское повествование отразилось уже не в своем первоначальном виде, а было сведено с другими источниками составителем протографа *Ин-Хл*²⁵. Что касается состава известий XIII в., то источником, отразившимся в ряде сообщений южнорусской тематики, Шахматов первоначально, судя по его работам 1900–1901 гг., считал черниговскую летопись, составленную около 1284 года²⁶. Посредником между черниговской и галицкой летописями в свою очередь выступил южнорусский (киевский) свод, составленный в 1223–1231 гг.

Еще до своего включения в основной, по Шахматову, источник южнорусского свода, гипотетический общерусский митрополичий Полихрон начала XIV в., эта черниговская летопись пополнила изложение обоих компонентов южнорусского сборника: Киевского свода 1198 г. и Галицко-Волинской летописи XIII в.²⁷. Из рассуждений Шахматова следует, что составитель сборника использовал фрагменты черниговской летописи, прежде всего, для освещения событий нашествия татар на южнорусские земли (битва на Калке, взятие Батыем Киева, Чернигова и Козельска). Именно к этой черниговской летописи первоначально было отнесено исследователем и множество известий местной «галицкой» тематики²⁸, где были задействованы как младшие Ольговичи – сыновья Игоря Святославича,

²⁵ По объяснению самого Шахматова составитель протографа обоих списков в освещении событий XIII в. предпочел Галицко-волинский свод Суздальскому, «руководствуясь своими местными интересами» (*Шахматов А. А.* Предисловие // ПСРЛ. Т. 2. М., 1998. С. V).

²⁶ Взгляды Шахматова этого периода нашли отражение в статье: *Шахматов А. А.* Общерусские летописные своды XIV и XV веков // ЖМНП. Седьмое десятилетие, часть СССXXXII, 1900, ноябрь. – СПб. 1900. – С. 170.

²⁷ Шахматов предполагал более сильное его воздействие на рассказ XII в. и менее сильное – на Галицко-волинскую летопись (Там же. С. 171).

²⁸ В том числе и не вошедшие в состав южнорусского сборника, но известные по другим летописным сводам.

недолгое время в первых десятилетиях XIII в. занимавшие столы в Галицкой Руси, так и представитель старшей ветви Ольговичей – Михаил Всеволодович Черниговский. Объясняя интерес черниговского летописца к событиям в Галицком княжестве, Шахматов заметил, что, во-первых, сыновья Игоря Святославича находились в родстве по женской линии с угасшей к концу XIII в. местной династией Ростиславичей, а во-вторых, Михаил Всеволодович был женат на дочери первого князя объединенной Галицко-волынской земли Романа Мстиславича ²⁹.

Позднее, как можно судить по рассуждениям Шахматова, опубликованным в «Обзрении русских летописных сводов XIV–XV веков», ученый предположил иной путь попадания известий о нашествии татар в южнорусский сборник: напрямую из гипотетического митрополичьего Полихрона начала XIV в. ³⁰

Комплекс известий XIII в. ³¹, по А. А. Шахматову, через посредство Владимирского Полихрона оказался в составе южнорусского свода. Как известно, с датой составления этого Полихрона Шахматов был вынужден связать и время создания самого протографа *Ин-Хл*, отодвинув её на первую половину XIV в. Здесь исследователь уже более определенно высказался по поводу его галицко-волынского источника, который «был изложен почти без

²⁹ По этой же причине Шахматов и некоторые сообщения южнорусского сборника о Данииле Романовиче возводил именно к черниговскому летописанию, в том числе знаменитую похвалу молодому князю в статье о Калкской битве (Там же. С. 162), хотя в предполагаемое Шахматовым время составления черниговского источника свода отношения Даниила и Михаила Всеволодовича были враждебными.

³⁰ Шахматов временем создания митрополичьего свода считал 1423 г. (*Шахматов А. А. Общерусские летописные своды XIV и XV веков // ЖМНП. Седьмое десятилетие. Часть 331. 1900, сентябрь. СПб., 1900. С. 165–168*), но предполагал существование и более ранних его редакций.

³¹ В предисловии к изданию *Ин* в ПСРЛ, а также в «Обзрении русских летописных сводов» Шахматов упоминает в этом ряду только статьи о взятии Козельска, Чернигова и Киева (*Шахматов А. А. Обзорение русских летописных сводов XIV–XVI вв. М.; Л., 1938. С. 79*).

указания годов и составлен в самом конце XIII или начале XIV в. на Волыни»³².

Однако дальнейших уточнений его характера и состава Шахматов не предпринял, вероятно, полагая, что этот свод охватывал известия как XII, так и последующего века, и был завершен практически одновременно с датой создания самого протографа *Ин-Хл*. Вопрос об обстоятельствах, времени и месте составления последнего не был подробно освещен Шахматовым, на него попытался предложить ответ М. Д. Приселков.

Поскольку А. А. Шахматова интересовали, прежде всего, источники общерусских сводов, которые в свою очередь представлялись ему отдельными местными летописцами, в его работах повествование о волынских Мономаховичах еще не было осознано как отдельный литературный памятник. При этом Шахматов обратил внимание на искусственный характер датировок в списке *Ин* и подчеркивал сохранение первоначального характера её текста именно в *Хл*: «Как видно из Хлебниковского списка, галицко-волынская летопись была изложена не в хронологической сети, без определенного указания дат от сотворения мира (влияние того или иного нерусского летописания?)»³³.

Последнему редакционному слою южнорусского свода («Галицкой летописи») были посвящены две статьи А. С. Орлова³⁴. Академик Орлов, поставивший в своих работах вопрос о связях галицко-волынского летописания с другими памятниками литературы XIII в., предположил существование несколько иного вида местного свода, который был основан на ПВЛ и не вошел в состав протографа *Ин-Хл*. Начальной частью его Орлов

³² Шахматов А. А. Предисловие к изданию 1908 г. // ПСРЛ. Т. 2: Ипатьевская летопись. М., 1998. С. V.

³³ Шахматов А. А. Летописи (статья из Нового энциклопедического словаря Брокгауза-Ефрона, том XXV) // Шахматов А. А. Обзорение русских летописных сводов... С. 364).

³⁴ Орлов А. С. К вопросу об Ипатьевской летописи // ИОРЯС. Т. 31. Л., 1926. С. 93–126; Орлов А. С. О галицко-волынском летописании // ТОДРЛ, Т. 5. М.; Л., 1947. С. 15–35.

считал ПВЛ в редакции, сохранившейся в «Летописце Русских царей»³⁵, где она была объединена с переяславской летописью. «Летописец Русских царей» был, по мнению ученого, основан именно на той редакции ПВЛ, которая бытовала в Галицкой Руси, но составитель протографа *Ин-Хл* по неясным причинам предпочел ей другую. Исходя из рассуждений Орлова, ещё до начала летописной деятельности при дворе Даниила Романовича уже должен был существовать основанный на ПВЛ галицко-волынский свод, который был доведен до 1213 г. и составлен между 1214 и 1219 гг. Исследователь предположил также, что в состав «Летописца Русских царей» наряду с ПВЛ галицкой редакции должна была войти и Галицко-волынская летопись XIII в., где неоднократно подчеркивается царский титул Романа Мстиславича. Эти выводы для нас особенно ценны, поскольку из них следует, что *ЛвМ* представляла собой несколько иное направление исторического повествования, не пересекающееся с линией официального княжеского летописания Юго-Западной Руси.

По наблюдениям Орлова, на основе ПВЛ галицко-волынского происхождения (или редакции), судя по ряду лингвистических фактов и деталей рассказа о событиях 1138–1219 гг.³⁶, галицким же редактором, «хорошо помнившим имя Романа Мстиславича Галицко-Волынского и места боев Даниила Романовича за свой удел» был составлен «Летописец Русских царей»³⁷, который и вошел в протограф так называемого Архивского сборника³⁸.

³⁵ Который в свою очередь дошел до нас в составе Архивской рукописи XV в. (РГАДА, ф. 181, оп. № 1, собр. МГАМИД, 279/658), где также содержится хронографический свод галицко-волынского, по обоснованной версии А. С. Орлова, происхождения.

³⁶ Орлов предполагал его переяславское происхождение. (*Орлов А. С. К вопросу об Ипатьевской летописи // ИОРЯС. Т. 31. Л., 1926. С. 31*).

³⁷ Исследователь писал: «...редакция известий 1138–1219 г. произведена человеком, хорошо помнившим имя Романа Мстиславича Галицко-Волынского и места боев Даниила Романовича за свой удел» (Там же, С. 32). Исследователь имел в виду ошибку летописца в известии о вокняжении в Киеве Романа Ростиславича, который неверно назван Мстиславичем (1172 г.), а также именование жителей города Торжка «тръчанами» (т.е. жителями Торческа)

³⁸ Выводы о составлении в Галицкой Руси протографа всего Архивского сборника впоследствии вызвали возражения. Так, Д. С. Лихачев не разделял мнения Орлова о

Важным для дальнейшего изучения Галицко-волынского повествования XIII в. достижением Орлова стали его наблюдения над воздействием на стиль памятника образцов переводной книжности. На выводы Орлова впоследствии опирались (в том числе и как на признак, датирующий те или иные редакционные слои) А. И. Генсьорский, Л. В. Черепнин, В. Т. Пашуто, А. Н. Ужанков, А. А. Пауткин, А. П. Толочко и др. Именно Орловым был установлен наиболее полный для своего времени объем прямых цитат, лексических и фразеологических заимствований в «Галицкой летописи», находящих параллели в переводных источниках³⁹ и поставлен вопрос, в каком виде эти памятники могли быть известны её составителям: в своих отдельных текстах или же в составе хронографической компиляции.

В статье «О галицко-волынском летописании», вышедшей в 1947 г., Орлов уже более уверенно и определенно ответил на вопрос о переводных источниках стиля летописи. Русскую глоссу о происхождении язычества в Литве, внесенную в хронографическую компиляцию⁴⁰, Орлов посчитал свидетельством составления оригинала Архивского⁴¹ и Виленского хронографов именно в Галицко-волынской Руси, «где интересовались литовским язычеством, как это видно по сведениям 1250 гг. Галицкой летописи»⁴². Влияние стилистики и фразеологии переводной исторической

возможности редактирования в Галицко-волынских землях переяславской летописи (*Лихачев Д. С. Галицкая литературная традиция в Житии Александра Невского // ТОДРЛ. Т. 5. М.; Л., 1947. С. 55*).

³⁹ Среди них исследователем были указаны Хроники Малалы и Георгия Амартола, хронографическая редакция «Александрии», «История Иудейской войны», библейские книги.

⁴⁰ В Архивском списке данный фрагмент выделен заголовком «Указъ же поганской прельсти сице иже Совия богомъ нарицаютъ», в Виленском – «Скажем поганьскыа прелести быти сицево и в Литве нашей» (*Истрин В. М. Александрия русских хронографов. Исследование и текст. М., 1893. С. 360*).

⁴¹ Ученый доказывал сложение в Галицко-волынской Руси оригинала Архивского сборника во всем его составе, включая Толковый Апокалипсис, русский Летописец (ПВЛ с переяславским продолжением), «Сборник» типа Изборника 1073 г. и перевод Пчелы. В окончательном виде сборник сложился, по мнению академика, в XV – начале XVI вв.

⁴² *А. С. Орлов. О галицко-волынском летописании... С. 26. Согласно выводам Н. И. Милютенко, соединение Хронографа с Летописцем Переяславля Суздальского*

литературы на летопись Орлов объяснил знакомством составителя с протографом Архивского сборника.

Как было отмечено выше, Шахматов не успел выработать определенного мнения о месте и мотивах составления протографа *Ип-Хл*, а, следовательно, не могли быть сформулированы надежные критерии для внутреннего анализа текста. М. Д. Приселков указал на вероятные обстоятельства возникновения южнорусского свода, связав их с событиями церковной истории Руси конца XIII в. В своем очерке «Летописание Западной Украины и Белоруссии» окончательным этапом сложения свода исследователь назвал 1290-е гг. Свод был составлен в связи с вопросом о будущем Киевской митрополии в конце XIII в.⁴³ по инициативе галицко-волынского князя Юрия Львовича, стремившегося обосновать с его помощью свои права на «замещение кафедры Киева и сохранение здесь пребывания митрополита»⁴⁴.

Приселков отказался от гипотезы Шахматова о Владимирском Полихроне начала XIV в. как звене, связывающем повести о татарском нашествии в южнорусском своде с общерусским летописанием. Известия, отнесенные Шахматовым к Полихрону, Приселков возводил непосредственно к одному из ростово-суздальских сводов начала XIII в. Включение сведений этого источника произошло, по его мнению, на этапе составления именно протографа *Ип-Хл*, а не более ранней версии Галицко-

произошло не на Волыни, а уже во Владимире Суздальском при участии митрополита Кирилла II. (См. *Милютенко Н. И.* Летописец Переяславля Суздальского в летописании Северо-Восточной Руси нач. XIII в. автореф. дисс. <...> канд. филол. наук. СПб., 1992. С. 15).

⁴³ *Приселков М. Д.* Летописание Западной Украины и Белоруссии // *Приселков М. Д.* История русского летописания XI–XV вв. СПб., 1996. С. 294.

⁴⁴ *Приселков М. Д.* История русского летописания XI–XV вв. СПб., 1996. С. 99. Тематика известий *ЛвМ* не дает ощутимого подтверждения мнению исследователя о стремлении ее автора доказать первенство галицко-волынских князей в церковно-политических делах. Ее известия о событиях церковной истории отрывочны и ограничены местными делами (Ип., 739–740). Приселков, будучи в первую очередь историком летописания, и не стремился выявить целей автора с опорой на данные одного из главных источников свода, а только предположил мотивы его составления с учетом политической ситуации конца XIII – начала XIV в.

волынской летописи. Составитель южнорусского свода должен был дополнить волынское повествование XIII в. ростово-суздальскими известиями, вероятно, для придания своду общерусского характера.

Позднее в исследовании А. Ю. Бородихина источник Галицко-волынской редакции Цикла повестей о нашествии Батыя был уточнён как владимирский свод Ярослава Всеволодовича, еще не подвергшийся соединению с ростовскими летописными материалами⁴⁵. Вывод о привлечении столь ранней версии владимирского летописания позволяет признать более вероятным включение известий о татарском нашествии не составителем всего южнорусского свода в конце XIII в., а именно автором его галицко-волынского источника.

М. Д. Приселков разделял мнение Шахматова о существовании единого галицко-волынского источника южнорусского свода, который представлял собой последовательное изложение истории княжений Ростиславичей в Галицкой земле (Володаря и Василька Ростиславичей, Владимира Володаревича, Ярослава Осмомысла), а затем – потомков Романа Мстиславича. Предполагая непрерывное развитие летописания (вернее, «придворной историографии») в Галицкой Руси в течение двух столетий, Приселков представлял местный свод в целостном виде. В разной степени его сведения должны были отразиться на всех трех частях южнорусского свода конца XIII в.

Рассматривая Галицко-волынское повествование в контексте общерусского летописания, М. Д. Приселков, однако, отличал его в жанровом отношении от традиционного летописания: «Самая манера построения исторического повествования без летописной сети годов весьма напоминает нам обычную в Византии форму исторических повествований императорских историков, из трудов которых, хотя и немалочисленных за время русского подчинения Византии, ни один не был переведен на русский

⁴⁵ См. *Бородихин А. Ю.* Цикл повестей о нашествии Батыя в летописных и летописно-хронографических сводах XIV–XVII вв.: дисс. <...> канд. филол. наук: 10.01.01 / Бородихин Андрей Юрьевич. Новосибирск, 1989 (машинопись). С. 114.

язык»⁴⁶. Такой тип повествования исследователь считал специфичным именно для местной литературной традиции и видел его истоки в рассказе об ослеплении Василька Теребовльского: «Итак, можно думать, что галицко-волинское летописание конца XIII в. усвоило и повторяло ту форму исторического повествования без приурочения к годовой сети, которую мы видели у основоположника этого летописания, Василия, в начале XII в.»⁴⁷.

Работа по выявлению протографов и редакционных слоев Галицко-волинского повествования XIII в., необходимость которой остро осознавалась Приселковым, была продолжена в середине XX в. историком Л. В. Черепниным и львовским лингвистом А. И. Генсёрским.

Поскольку исследование Генсёрского в большей мере явилось продолжением работ А. А. Шахматова, то мы проанализируем его выводы в первую очередь. Львовский исследователь воспользовался отвергнутой Приселковым гипотезой Шахматова и попытался объяснить связь южнорусских источников Полихрона с протографом *Ин-Хл* и рядом общерусских сводов (Воскресенская, Львовская, Тверская летописи и т.д.), а также южнорусскими источниками «Истории» В. Н. Татищева.

В своем исследовании, вышедшем в 1958 году⁴⁸, Генсёрский применил ретроспективный метод реконструкции этапов сложения летописного свода, двигаясь от его конца к началу. В ходе наблюдений над сменой политических тенденций в тексте, особенностями языка и стиля ученый пришёл к выводам о поэтапном сложении Галицко-волинской летописи, которая представлялась ему цепью последовательно наслаивавшихся друг на друга и дополнявшихся княжеских сводов. В названной работе было выделено пять таких редакционных слоев, связываемых исследователем с тем или иным княжеским двором.

⁴⁶ Приселков М. Д. История русского летописания XI–XV вв. С. 96.

⁴⁷ Там же. С. 291.

⁴⁸ Генсёрський А. І. Галицько-Волинський літопис (Процес складання, редакції і редактори). Київ, 1958.

Датой последней редакции летописи Генсёрский считал 1292 г., время вокняжения во Владимире Волынском Мстислава Даниловича – одного из младших сыновей Даниила Галицкого. Редактор, близкий к этому князю, внёс, по мнению исследователя, несколько вставок в предшествующий свод, завершавшийся статьями 1289 г. по хронологии *Ип*⁴⁹. Сам этот свод был составлен раньше – где-то в 1285–86 гг. летописцем, близким ко двору Владимира Васильковича. В свою очередь этому, «владимиристо-волынскому», своду предшествовал свод старшего Даниловича – Льва, который, по мнению Генсёрского, завершался известием о победном завершении войны Конрада Семовитовича с Лестько Казимировичем⁵⁰.

Выводы А. С. Орлова о составлении хронографической компиляции в Юго-Западной Руси в 1260-х гг. были восприняты Генсёрским как основной датирующий признак при установлении времени создания редакции, предшествовавшей сводам Льва, Владимира и Мстислава.

Именно с этой датой – серединой 1260-х гг. – ученый связал ряд довольно разноплановых фактов – доведение перечня владимиристо-волынских

⁴⁹ Рубежом, где заканчивался свод 1289 г., Генсёрский считал рассказ о походе Юрия Львовича из Берестья и о победе берестейских крамольных бояр. В статье 1289 г. исследователь видит неприязнь к действиям Льва Даниловича, тогда как последний редактор, работавший, по мнению Генсёрского, по заказу Мстислава, проявил себя лояльным ко Льву.

⁵⁰ Исследователь полагал, что в Хлебниковском и Погодинском списках сохранилась даже сама формула, завершающая этот свод: «и тако възвратися (*Кондрат*) въ своаси съ честию великою, хваля и славля въ Троици Отца и Сына и Святаго Духа въ вся веки агиос» (*Генсёрський А. І. Галицько-Волинський літопис... С. 9; цитируемый фрагмент по Хл – The Old Rus' Kievan and Galician-Volhynian Chronicles. P. 375*). Помимо того, что победа польского князя в междоусобице не самая подходящая концовка для русского княжеского свода, употреблённая здесь доксологическая формула завершает именно эпизод победоносного возвращения Кондрата Семовитовича, а вовсе не может трактоваться как формула завершения свода. Сам Генсёрский был вынужден оговориться, что этим же редактором были по завершении свода описана смерть и погребение в Кракове Лешка Казимировича. Действительно, в этом месте известия создают впечатление приписок, продолживших свод (большинство из них посвящено событиям на Западе). Однако же, вызывает возражения само предположение Генсёрского, что работа редакторов заключалась лишь во внесении незначительных вставок и уточнений без попыток при этом «выровнять» политическую тенденцию редактируемого текста. По нашему мнению, более правомерно предполагать здесь внесение известий некоего летописного источника, из которого согласно намерению автора были исключены годовые датировки событий.

епископов до епископа Козьмы⁵¹ при отсутствии упоминаний о епископе Евсегении⁵², посмертную характеристику Василька Романовича (известие 1248 г. по *Ин*), подчеркивание юного возраста князей, Божественного покровительства героям в отдельных воинских сюжетах, а также некоторые выражения и слова, показавшиеся исследователю характерными для манеры составителя. Этот свод, по мнению Генсёрского, завершался статьей, помещенной в *Ин* под 1266 г., а его составление было датировано исследователем тем же календарным годом.

Интересны рассуждения Генсёрского о начальной редакции «Галицкой летописи». Как мы отметили выше, при её обособлении исследователь обращался к гипотезе Шахматова о митрополичьем общерусском своде начала XIV в. Правда, тот южнорусский источник, который лёг в основу Полихрона для описания событий XIII в., Генсёрский считал не черниговским, а киевским великокняжеским летописцем. По его мнению, в этом источнике освещались действия киевских князей, которыми в это время по-прежнему оставались смоленские Ростиславичи. Эта летопись должна была завершаться изложением событий 1240 г., т.е. взятием Киева татарами. К числу заимствованных из неё известий в Галицко-волинской летописи Генсёрский относил фрагменты Повестей о битве на Калке и нашествии Батыя (в том числе известия о падении Переяславля и Чернигова, а также о взятии Киева)⁵³.

В то же время исследователь предположил возможность и обратной связи между двумя источниками. Так, текст Повести о битве на Калке в

⁵¹ Имена епископов, бывших «в лета Даниила и Василька Романович» в кафедрах стольных городов каждого из братьев (Владимир-Волинский и Холм), помещены перед повестью о битве на Калке. В *Ин* этот перечень читается под 1223 г.

⁵² Чего, следуя логике рассуждений исследователя, можно было ожидать от составителя свода 1286 г. Между тем, отсутствие имени Евсегения в перечне владимирских епископов вполне объясняется из самого текста: автор перечисляет только епископов, бывших только «в лета же Данила и Василка Романович» (*The Old Rus' Kievan and Galician-Volhynian Chronicles*. P. 316). Евсегений же, по всей видимости, был поставлен на владимирскую кафедру уже при Владимире Васильковиче. Поэтому перечень епископов в данном случае не может быть использован в качестве датирующего признака.

⁵³ *Генсѡрський А. І. Галицько-Волинський літопис... С. 19.*

Полихроне Генсёрский возводил именно к галицкой летописи (а не черниговской, как полагал Шахматов), считая содержащиеся в ней похвалы в адрес Даниила, восходящими к оригинальному тексту повести. Фрагмент повести, сообщающий о передаче волости пересопницкого князя Мстислава Немого в собственность Даниила⁵⁴ и сохранённый в летописях, отразивших, по Шахматову, известия Полихрона (Софийской I, Воскресенской и др.) также должен свидетельствовать о первоначальном галицком происхождении повести.

Спорное объяснение было дано исследователем другому факту – общему в *Ип-Хл* и Софийской I (а также Новгородской IV и Воскресенской летописям) чтению «лют бо бе бой у Чернигова», употребленному в двух группах источников в совершенно различных контекстах. В первом случае эта фраза читается в известии о походе Даниила против Михаила Всеволодовича Черниговского⁵⁵. В Софийской I и Новгородской IV данный фрагмент помещен в известии о взятии Чернигова татарами в 1239 г. Генсёрский объяснил общее чтение воздействием первой редакции галицкой летописи на киевский источник Полихрона, предположив, что киевскому летописцу «понравилась эта фраза, которую он нашел в галицкой летописи, и потому он выписал ее полностью (вместе с описанием примирения), но, опустил ее при описании похода Даниила»⁵⁶.

В результате Генсёрский пришел к спорному выводу, что если текст киевского источника Полихрона заканчивался на описании событий 1246 г., то его составитель должен был располагать некоей самостоятельной редакцией галицкой летописи, более ранней, чем представленная в *Ип-Хл*. Исследователь предположил, что именно её текст каким-то образом уже в середине XIII в. оказался в распоряжении киевского летописца. Известия южнорусского свода после 1234 г.⁵⁷, по логике исследователя, испытывали

⁵⁴ «Ему же поручивше по смерти свою волость, дая князю Данилови» (Ип., 744).

⁵⁵ Черниговский поход Даниила, по расчетам М. С. Грушевского, пришелся на 1234 г.

⁵⁶ *Генсёрський А. І.* Галицько-Волинський літопис... С. 21.

⁵⁷ По хронологии *Ип*.

уже обратное влияние этой же киевской летописи⁵⁸. Значит, где-то до этой даты должна была доходить первая редакция галицкой летописи. Её составление Генсёрский, к сожалению, не придававший большого значения ошибочности хронологии *In*, датировал 1234 г.

При спорности выводов о процессах сложения текста, безусловно важным итогом работ Генсёрского явилась постановка проблем авторской (в его терминологии – редакторской) атрибуции сводов, составивших, по его представлениям, галицко-волынский редакционный слой южнорусского свода. Но поскольку исследователя интересовали в первую очередь сохранившиеся следы его протографических источников – отдельных княжеских сводов, то основное внимание он уделил отражению политических пристрастий и стилистических примет, характеризующих авторов именно этих предполагаемых источников. Таким образом, исследователь подошел к памятнику исключительно с источниковедческих позиций, анализируя его как типичный летописный свод.

Несмотря на детальную проработку, заключения Генсёрского о составе и редакциях памятника практически не были сколько-нибудь поддержаны или развиты как в работах советских, так и современных российских и украинских исследователей. Иная картина формирования текста (в границах повествования о княжении Даниила Романовича) дана в статье Л. В. Черепнина, в которой впервые был выделен Летописец Даниила Галицкого в качестве самостоятельного источника свода. Однако и исследование Черепнина следовало тому же направлению: поиску и реконструкции его гипотетических протографов.

В вышедшей в 1941 г. статье исследователем был поставлен вопрос, что представлял собой этот Летописец Даниила – «постепенно нарастающую

⁵⁸ К следам этого влияния исследователь относил известия о взятии Ярославом Всеволодовичем Киева (1235 г.) и рассказ о нашествии Батыя на Черниговщину.

погодную запись событий его княжения или же единое, композиционно цельное литературное произведение»⁵⁹.

Подчеркивая позднее происхождение хронологической сетки *Ип*, Черепнин определил Летописец Даниила как «летописный свод в виде цельного повествования»⁶⁰. При этом исследователь лишь попутно заявил о его композиционной целостности⁶¹, охарактеризовав его, тем не менее, как **свод** различных источников и подойдя к его анализу с соответствующих позиций. Поэтому на выявлении источников и редакционных слоев Черепнин и сосредоточил основное внимание в своём исследовании. Его выводы во многом определили интересы и методы всех последующих исследователей Летописца Даниила Галицкого и в целом Галицко-волынской летописи XIII в.

Стоит также отметить, что с появлением статьи Черепнина, представления о едином галицко-волынском источнике южнорусского свода, который соединял бы в себе известия как XII, так и XIII в., в историографии отошли на второй план. Однако при этом сама возможность его существования до сих пор не получила аргументированного опровержения или доказательства⁶². Летописание в Галицко-волынской Руси теперь стало связываться исключительно с дворами волинских Романовичей, а в

⁵⁹ Черепнин Л. В. Летописец Даниила Галицкого // Исторические записки, № 12. М., 1941. С. 230.

⁶⁰ Там же. С. 231. По справедливому замечанию А. С. Орлова, такая характеристика достаточно противоречива, поскольку подразумевает не совсем ясное соотношение цельности и компилятивности (Орлов А. С. О галицко-волынском летописании... С. 16).

⁶¹ «Присматриваясь к летописному тексту, мы можем обнаружить целый ряд случаев, когда летописец при изложении отдельных исторических фактов попутно затрагивает более ранние или же, наоборот, позднейшие события. Это свидетельствует о едином композиционном плане и о том, что перед нами не собрание летописных записей, регистрирующих текущие события, а их позднейшая литературная обработка» (Черепнин Л. В. Летописец Даниила Галицкого... С. 231). Характеризуя «Летописец Даниила» как целостное произведение, Черепнин перечислил также круг идей, связывающих текст памятника в единое повествование, не избежав при этом некоторой модернизации.

⁶² Хотя некоторые исследователи (В. Т. Пашуто) и пытались доказать, что соединение летописания Даниила Галицкого и Киевского великокняжеского свода не имело механического характера и Свод Рюрика Ростиславича был отредактирован с позиций Романа и Романовичей, что вызвало пополнение свода Моисея галицко-волынскими известиями XII в.

настоящее время преобладает мнение об отсутствии до XIII в. какой-либо самостоятельной летописной традиции в Юго-Западной Руси⁶³.

Вкратце перечислим основные итоги исследования Черепнина. Возникновение самостоятельного княжеского Летописца Даниила исследователь относил к середине XIII в., когда князю удалось утвердиться в Галицко-волыньских землях и достигнуть соглашений с западными и восточными соседями. Отметив особый интерес его автора к истории города Холма⁶⁴, исследователь предположил, что весь текст «Летописца» сложился в 1256–57 гг. при местной епископской кафедре при участии епископа Иоанна⁶⁵. В задачи составителя свода входило прославление побед Даниила Романовича над местными мятежными боярами и татарской ордой Куремсы.

Состав источников «Летописца» представлялся Черепнину в следующем виде. В тексте начальной части памятника ученый выделил «отдельную повесть о судьбе малолетних наследников кн. Романа

⁶³ См. *Котляр Н. Ф.* Київський літопис XII століття. Історичне дослідження. Київ, 2009. С. 45–46.

⁶⁴ См. известия под 6756 и 6743 годами по *Ип.*

⁶⁵ Пристальное внимание автора к Холму еще не доказывает, что свод возник именно там. Епископ Иоанн, по сообщению летописи, до своего поставления на Холмскую кафедру служил при соборе Успения Богородицы во Владимире-Волыньском. Перечисление волыньских епископов в летописи, на наш взгляд, имело целью показать преемственность между новообразованной Холмской епархией и Владимиро-Волыньской кафедрой.

На сомнительность версии об участии в составлении летописного свода, а тем более в его авторстве, холмского епископа Иоанна, по нашему мнению, указывает употребление по отношению к нему титула «блаженный» (*Ип.*, 846). Эпитет «блаженный» в древнерусском языке при упоминании духовного или светского лица имел значение «покойный, почивший, блаженной памяти» (*Словарь русского языка XI–XIV вв.* Выпуск 1 (А-Б). М., 1975. С. 232) и входил в некрологическую формулу, сопровождавшую известия о преставлении архиереев (а иногда и князей). См. известия о кончине черниговского епископа Пантелеимона (*Ип.*, 309), Нифонта Новгородского (*Ип.*, 483), киево-печерского архимандрита Поликарпа (*Ип.*, 626), «блаженным» именуется в *Ип.* митрополит Никифор в статьях 1184, 1198 гг., поскольку ко времени составления свода Моисея (1198 г.) митрополит, видимо, уже преставился (см. *Панова В. И.* Митрополиты и епископы Руси в XII веке по материалам Ипатьевской летописи. Воронеж, 2016. С. 197). В отношении живых архиереев употреблялся титул «священный» (о митрополитах и епископах), «преосвященный» (о митрополитах). Об архиерейской титулатуре в старшем русском летописании см. *Фомина Т. Ю.* Епископская власть в домонгольской Руси: истоки, становление, развитие. М., 2014. С. 125–129.

Мстиславича»⁶⁶. Эта повесть была посвящена событиям первого «мятежа» в Галицкой земле в начале XIII в. и рассказывала о вступлении Игоревичей на местные столы, бегстве Романовичей в Польшу и Венгрию и последовавшей за этим борьбе венгерского короля с сыновьями Игоря Святославича Новгород-Северского. Её создание Черепнин датировал временем вскоре после изгнания Игоревичей из Галича, Владимира и Теребовля, то есть 1211 годом. Возникла она, по его мнению, в среде той части галицкого боярства, которая «вначале пыталась сбросить венгерское иго при помощи черниговских князей, а затем, недовольная последними выставила кандидатуру на галицкий стол Даниила, рассчитывая в виду его малолетства захватить власть в свои руки»⁶⁷. Возможным автором этой повести исследователь, без какой-либо аргументации, называл упомянутого в тексте «премудрого книжника» Тимофея.

При составлении «Холмского свода» 1256–1257 гг. эта, самая ранняя, повесть оказалась разбита более поздними вставками. К их числу Черепнин отнес похвалу Роману Мстиславичу Галицкому, известия, предположительно восходящие к местному летописанию Пинска и Белза, а также к каким-то западным источникам⁶⁸. Завершалась эта повесть сообщением о поражении Игоревичей и приглашении Даниила Романовича на галицкий стол боярами Галича и Владимира.

По мнению Черепнина, в повествовании Летописца о галицких событиях первого десятилетия XIII в. нашли отражение сведения двух источников, использованных при составлении «Холмского свода». Одним из них была первичная «повесть о галицком мятеже», согласно которой Даниил был возведен на княжение в Галиче местными боярами, другим – Холмский свод 1256–57 гг., где инициатива в посажении Даниила приписывается

⁶⁶ Черепнин назвал ее «Начальной галицкой повестью» (Летописец Даниила Галицкого... С. 246).

⁶⁷ Там же. С. 244.

⁶⁸ Вставными эти известия исследователь признавал лишь на том основании, что они отходят от основной темы – «галицкого мятежа».

венгерскому королю⁶⁹. Выведение на первый план короля и вообще внимание к событиям на Западе⁷⁰ автора свода 1256–57 гг. Черепнин считал отражением тогдашней политики Даниила, поскольку в это время князь готовился к совместным с западными государями действиям против татар⁷¹.

Другим самостоятельным источником, вошедшим в состав «Летописца», Черепнин считал отдельную Повесть о битве на Калке⁷². Её автором, по мнению исследователя, был очевидец событий, который сам мог происходить из Юго-Западной Руси и находиться в близких отношениях с Романовичами.

Сюжеты «Летописца» о войнах Даниила с польским князем Лестьком Белым, венгерским королём и их галицкими союзниками Черепнин также выделил в качестве отдельного литературного источника, назвав его «второй

⁶⁹ Там же. С. 243.

⁷⁰ Так, сообщение о попытке женитьбы Даниила на дочери венгерского короля Андрея, Елизавете, и ее дальнейшем прославлении как святой («юже ныне святу наречют, именем Альжбета»), Черепнин посчитал вставкой редактора именно «Холмского свода».

⁷¹ Впрочем, эти заключения наталкиваются на противоречия в самом тексте. Если составитель свода 1256–57 гг. был так внимателен к подчеркиванию «любви» венгерского короля (а здесь действует король Андрей, уже умерший к предполагаемому времени составления «Холмского свода», отец потенциального союзника Даниила, Белы IV) к Романовичам в изложении событий начала XIII в., почему он не исключил из свода весьма красноречиво осуждающие венгров места: насилие воеводы Бенедикта над галичанами, неудачный поход короля Белы на Галич и т.д. Абсолютно неуместным в свете предположения Черепнина также выглядит реплика тысяцкого Дмитра Батыю после взятия Киева: «время ти есть на Угры уже поити» (*The Old Rus' Kievan and Galician-Volhynian Chronicles*. P. 334). Таким образом, из повествования становится ясно, что в опустошительном нашествии татар на Венгрию не последнюю роль сыграл военачальник Даниила Галицкого.

Кроме того, замечание летописца, что у венгерского короля не было сына на момент пребывания малолетнего Даниила при его дворе, неверно фактически. У Андрея к этому времени уже родился наследник, будущий король Бела IV. Упомянутое летописцем «преднее имя» его дочери Елизаветы – Кинга – не встретилось нам в других, в том числе венгерских источниках. Возможно, если предположить еще более поздний этап работы автора, то он мог допустить контаминацию имен дочерей двух разных венгерских королев: Елизаветы и ее племянницы, дочери Белы IV, Кунигунды (Кинги), супруги Болеслава Стыдливого, известной своей праведной жизнью и умершей в 1292 г. Так или иначе, сам летописный текст не дает подтверждения мнения Черепнина о «прозападной» ориентации составителя свода 1256–57 гг.

⁷² Более детальный анализ источников повествования о битве на Калке в южнорусском своде был позднее предпринят в статье В. К. Романова. *Романов В. К.* Статья 1224 г. о битве при Калке в Ипатьевской летописи // *Летописи и хроники*, 1980. М., 1981. С. 79–103.

галицкой повестью»⁷³. Эта повесть была написана по свежим следам описываемых событий, между 1238 и 1245 гг., и представляла собой «публицистическое произведение, вышедшее из княжеского окружения и направленное против галицких бояр»⁷⁴. Составителем свода 1256–57 гг. этот рассказ оказался разбит на две части и дополнен сведениями других источников⁷⁵ настолько, что в дошедшем тексте эту повесть «почти невозможно выделить <...> в ее первоначальном виде»⁷⁶. Вплетение этого источника в состав свода, по наблюдениям Черепнина, привело к дублировке ряда известий⁷⁷. Эта повесть должна была завершаться сообщением о победе Даниила над Ростиславом Черниговским в сражении под Ярославлем в 1245 г.

Среди прочих источников Летописца Черепнин упомянул также рассказ о поездке Даниила в ставку Батыя на Волгу, который, по его мнению, также мог изначально существовать в виде самостоятельной повести, цикл воинских повестей, посвященных войнам волынских князей с ятвягами, а также официальные документы.

Таким образом, Черепниным были выделены в Летописце Даниила три редакционных слоя, датированных 1211 г. («Начальная повесть»), 1238–45 гг. («вторая галицкая повесть») и 1256–57 гг. («Холмский свод»).

С исследования Черепнина начинается поиск и реконструкция протографических источников Галицко-волынского повествования XIII в. методами логико-смыслового анализа текста. Эта работа была продолжена

⁷³ К этому источнику Черепнин относил сообщения под 6720–21, 6725, 6727, 6733–35 гг. по хронологии *Ип* (Летописец Даниила Галицкого... С. 246).

⁷⁴ Там же. С. 251.

⁷⁵ В их ряду Черепнин перечислил гипотетическое местное летописание Пинска, Чарторыйска и Луцка, повествование о польском походе Романовичей под 6737 г., Повесть о Батыевом нашествии, а также сведения «какого-то источника черниговского происхождения» (Там же. С. 248).

⁷⁶ Там же.

⁷⁷ Там же. С. 248, 250. Здесь уместно говорить только о тематической близости излагаемых эпизодов, а не о полной их дублировке, поскольку описываются разные события: 1223 и следующего года (по хронологии М. С. Грушевского).

как историками В. Т. Пашуто, Н. Ф. Котляром, П. П. Толочко, так и литературоведом А. Н. Ужанковым.

В. Т. Пашуто в вышедшей в 1950 г. монографии «Очерки по истории Галицко-Волынской Руси» предложил реконструкцию состава источников всего Галицко-волынского повествования XIII в., попытавшись выявить в его составе следы завершенных редакций и различных княжеских летописцев. Как и Генсьорский, Пашуто связывал их появление с деятельностью того или иного из местных князей, представляя себе Галицко-волынское повествование официальным княжеским сводом, претерпевавшим постоянное редактирование.

Звеном, связывающим галицкое летописание XIII в. с общерусским, Пашуто считал гипотетический Киевский свод 1238 г.⁷⁸, из которого галицкий книжник – сторонник Романовичей изъясил места, откровенно враждебные Роману Мстиславичу⁷⁹. При этом изложение событий XII в. в киевском источнике этот редактор дополнил «кусками галицко-волынского повествования»⁸⁰. Не совсем ясно, о каком повествовании здесь идет речь, поскольку существование княжеского летописца Романа Пашуто отрицал.

Составитель восстанавливаемого Пашуто Киевского свода 1238 г. проявлял особенный интерес к судьбе князей «Ростиславова племени» – Мстислава Романовича, Мстислава Мстиславича Удатного⁸¹, Владимира

⁷⁸ Существование Киевского летописца, продолжавшего изложение до 1237 г. (т.е. до прибытия из Никеи нового митрополита – Иосифа) и послужившего одним из источников Новгородской I летописи, предположил еще М. Д. Приселков (История русского летописания XI–XV вв. С. 97).

⁷⁹ Следует заметить, что текст не дает этому ощутимых подтверждений, поскольку множество враждебных Роману мест читается в Киевском своде. См. например, статью 1188 г. о борьбе за галицкий стол, крестоцелование Романа Мстиславича Ольговичам в 1196 г. и т.д. К тому же можно добавить, что сводчик, по-видимому, совсем не произвел какой-либо последовательной идеологической обработки текста Киевского свода, сохранив в его составе многочисленные похвалы противнику Романа и его сыновей – Рюрику Ростиславичу. Отдельно мы рассмотрим этот вопрос в разделе 3.1.

⁸⁰ Пашуто В. Т. Очерки по истории Галицко-Волынской Руси. – М., 1950. – С. 17.

⁸¹ К известиям Киевской летописи 1238 г. исследователь возводил даже свидетельство о «недостойном поведении» одного из старших князей, Мстислава Мстиславича, после поражения на Калке. Хотя именно для Повести о Калкской битве как в редакции *Ин-Хл*, так и в зависимых от нее (Воскресенская, Московский свод XV в.) характерно

Рюриковича. Известия о сражениях, в которых участвовали Ростиславичи (в том числе и о битве на Калке), Пашуто возводил именно к этому источнику. Таким образом, составитель свода 1238 г. должен был иметь устойчивую связь с центрами, где княжили князья-Ростиславичи (Смоленск, Киев, Новгород, Галич, Москва, Переяславль), а также быть в курсе «важнейших событий рязанских, черниговских, и, вероятно, суздальских»⁸².

Эту гипотетическую летопись Пашуто считал непосредственным продолжением свода Рюрика Ростиславича, использованным при составлении одной из редакций галицко-волынского свода. По мнению исследователя, летописание в Киеве должно было продолжаться и после утраты киевского стола Рюриком Ростиславичем, по-прежнему в стенах Выдубицкого монастыря, с настоятелем которого Даниил Романович мог иметь устойчивые связи⁸³. Из Выдубицкого монастыря киевский свод мог легко попасть в волынский Холм, новую столицу княжества Даниила⁸⁴.

Резюмируя рассуждения Пашуто о Киевском летописном своде 1238 г., можно отметить, что они во многих пунктах оказываются текстологически уязвимы⁸⁵. Кроме того, для первой трети XIII в., т.е. времени значительного упадка прежнего могущества смоленских Ростиславичей⁸⁶, маловероятна их

подчеркивание инициативы младших князей (особенно Даниила Галицкого, Олега Курского) и довольно критическое отношение к старшим (как к киевскому Мстиславу Романовичу, так и к Мстиславу Мстиславичу Удатному). Отражение официального летописания Киева, если таковое и велось в первой половине XIII в., можно предполагать в статье о побоище на Калке в редакции *Лавр*, где об участии младших князей в битве вообще не сообщается, а киевский князь Мстислав охарактеризован как «старый, добрый» (Лавр., 446–447). См. *Fennell J. L. I. The Tatar Invasion of 1223: Source Problems // Forschungen zur Osteuropäischen Geschichte. Bd. 27. Berlin, 1980. P. 19.*

⁸² См. *Пашуто В. Т.* Очерки по истории Галицко-Волынской Руси. С. 24–25.

⁸³ Исследователь опирался здесь на единственное в тексте упоминание о кратковременном пребывании Даниила в Выдубицком монастыре перед поездкой к Батью на Волгу.

⁸⁴ Там же. С. 45.

⁸⁵ См. *Бородихин А. Ю.* Цикл повестей о нашествии Батыя в летописных и летописно-хронографических сводах... С. 51.

⁸⁶ *Mouchard F. La maison de Smolensk. Une dynastie princière du Moyen Âge russe 1125–1404. Paris, 2015. P. 120.*

инициатива в создании такого грандиозного летописного свода, который по своему масштабу представлялся Пашуто общерусским.

Среди источников «Холмского свода», по мнению Пашуто, мог быть и отдельный летописец Мстислава Мстиславича Удатного, который в 1219–1226 гг. занимал галицкий стол. Автору летописца Мстислава мог быть близок книжник Тимофей-киевлянин, отождествляемый исследователем с упомянутым в летописи духовником князя. Известия о деятельности Мстислава Мстиславича в галицко-волынском своде, по мнению ученого, особенно пострадали в ходе работы редактора, близкого Романовичам.

Пашуто скорректировал датировку Летописца Даниила Галицкого, которую дал Черепнин, предположив появление его первой редакции уже в 1246 г. в Холме. В это время Даниил Романович объединил под своей властью земли Юго-Западной Руси⁸⁷. Главной целью его официального свода ученый считал оправдание идеи об «отчинном праве князя Даниила Романовича не только на Волынь и Галичину, но и на первенство в Киевщине и всей Руси»⁸⁸. На этом этапе в свод и был включен весь возведённый исследователем к Киевскому своду 1238 г. комплекс сведений (вплоть до рассказа о татарском разорении Рязанской, Суздальской и Черниговской земель). Известие о татарском взятии Киева Пашуто посчитал по происхождению галицким⁸⁹, не попытавшись объяснить его проникновение в иные летописные своды.

⁸⁷ Пашуто В. Т. Очерки по истории Галицко-Волинской Руси. С. 30.

⁸⁸ Там же. Как и в других случаях, мотивы составления летописных сводов зачастую объяснялись историками-источниковедами с большой долей модернизации, что становится очевидно при внимательном обращении к самому летописному тексту. Автор летописи скорее сожалеет об утрате Даниилом Романовичем первенства в Русской земле («его же отец бе царь в Русской земли, иже покори Половецкую землю и воева иные страны все. Сынъ того не прия чести...» – *The Old Rus' Kievan and Galician-Volhynian Chronicles*. P. 341), чем пытается как-то утвердить его среди прочих русских князей. Подобные мотивы были совершенно неуместны в ситуации 1240-х гг., когда Даниилу перед угрозой потери Галича пришлось ехать в Орду за ярлыком только на свои вотчинные земли (осень 1245 г.).

⁸⁹ На том основании, что оно не вошло в состав Новгородской I летописи старшего извода и в «Польскую историю» Яна Длугоша, а, значит, его не было в составе её Киевского источника, реконструируемого Пашуто.

Другим самостоятельным источником «Холмского свода» Пашуто считал повесть, посвященную деятельности вдовы Романа Мстиславича⁹⁰. Этот источник появился около 1219 г. и был использован составителем свода 1246 г. Методы его работы с протографами исследователь представлял себе так: «Составитель летописи <...> отобрал подходящие тексты, затем раздробил их на хронологически близкие части и сплел друг с другом, составив таким образом связное повествование, к которому добавил события семейной княжеской хроники»⁹¹. В этот свод вошли письменные и устные источники, атрибутируемые разным авторам или упомянутым в летописи информаторам – тысяцкому Демьяну, стольнику Якову, дворскому Андрею, боярину Мирославу и др. В отрезках летописного повествования единой тематики, в частности, в рассказе о борьбе Даниила с черниговскими князьями, Пашуто видел следы цельных самостоятельных источников.

Свод 1246 г., появившийся во время укрепления власти Даниила в Южной Руси, не сохранился в своем первоначальном виде, а оказался сильно переработан уже следующим редактором – холмским епископом Иоанном⁹². Составитель продолжения свода 1246 г. особое внимание уделил участию главного наследника и старшего сына Даниила, Льва, во внешней политике Романовичей – походах в Чехию, на ятвягов и татар, – сделав несколько вставок⁹³. Причем его редактура, по мнению Пашуто, сказалась и в частичной перегруппировке материалов свода 1246 года⁹⁴. В результате

⁹⁰ А не событий «галицкого мятежа», как ранее полагал Л. В. Черепнин.

⁹¹ Пашуто В. Т. Очерки по истории Галицко-Волынской Руси. С. 74.

⁹² Исследователь так характеризовал способ его работы: «Владыка Иван, как правило, не вел погодного записывания событий, а составлял свою летопись на основе известного числа сюжетно законченных текстов» (Очерки по истории Галицко-волынской Руси. С. 101). Версия об участии холмского епископа Иоанна в составлении свода представляется нам наименее аргументированной. Тем не менее, она была принята О. П. Лихачевой и с некоторыми оговорками А. Н. Ужанковым.

⁹³ Там же. С. 100.

⁹⁴ Так, Пашуто полагал, что тексты из заключительной части свода 1246 г., излагающие историю церковной иерархии во времена Даниила и Василька и построения Холма, оказались переставлены в другие места свода. Свое предположение ученый аргументировал следующим образом: «Такая перестановка объясняется тем, что город Холм выгорел во время набега Куремсы и епископ Иван оказался вынужденным, вставляя

работы холмского (епископ Иоанн) и следующего владимирского редактора первоначально «связное описание истории церковно-политических отношений в юго-западной Руси» утратило свой оригинальный вид.

Следующим этапом редактирования «Холмского свода» стала его обработка во Владимире-Волынском. После смерти Даниила Романовича последняя редакция его княжеского летописца оказалась при дворе его брата Василька, державшего владими́ро-во́лынскій удел. Там летопись «была переработана и продолжена с целью показать роль владимирского княжения и самого князя Василько Романовича в политической жизни Юго-Западной Руси»⁹⁵.

Завершающей ступенью редакторской работы над протографом всего южнорусского свода исследователь считал именно присоединение «волынского» продолжения к «Холмскому своду». При этом мнение Приселкова о составлении последней редакции свода по инициативе Юрия Львовича исследователь отрицал⁹⁶.

Тот стык, где переплелись два независимых летописца – ранний «холмский» и продолживший его «владимирский» – Пашуто видел в рассказе о нашествиях Бурандая (1260–1261 гг. по хронологии *Ип*), относя к каждому из предполагаемых источников тот или иной отрезок текста⁹⁷.

описание Холма, сделанное Кириллом, отмечать перемены, вызванные пожаром; разумеется, при этом епископ Иван надлежащим образом обрисовал свою деятельность по восстановлению городских святынь (Там же. С. 98). Первоначально рассказ о строительстве Холма находился там, где в тексте содержится отсылка на него, то есть в повествовании о «ратии Куремсине». При этом он включал в себя фрагмент об упразднении епископской кафедры в Угровске и поставлении в Холме епископа Иоанна (ныне читающийся в статье 1223 г. по хронологии *Ип*). Современный польский историк А. Юсупович также придерживается мнения, что изложение истории Холма принадлежит двум разным редакторам (*Юсупович Адриан*. «Богу же изволившю Даниль созда градъ Холмъ»: когда и как Холм стал столичным городом // *Rossica Antiqua*. № 1(9), 2014. С. 47).

⁹⁵ Там же, С. 103.

⁹⁶ «Нет веских данных следовать за учеными, утверждающими, что в начале XIV в. был создан свод Юрия Львовича и что дошедший до нас текст – часть этого свода» (Там же, С. 102).

⁹⁷ По мнению И. П. Еремина, исследователь проводил эту операцию достаточно произвольно: его «анализ сводится к простому распределению текста между этими двумя источниками. В результате такой операции разным авторам приписываются «куски» текста, теснейшим образом связанные между собою не только по своему литературному

«Волынское» продолжение «Холмского свода», по предположению Пашуто, формировалось следующим образом. Летописание Василька Романовича⁹⁸, которое в свою очередь пользовалось несколькими источниками, не было оформлено в отдельный свод. Волынский редактор, вписавший имя Василька в нескольких известиях «Холмского свода», работал уже при его сыне Владимире Васильковиче. Этот же редактор сократил свод, убрав неактуальные и избыточные сведения, в частности, договор Даниила с венгерским королем о бракосочетании Романа Даниловича с эрцгерцогиней Гертрудой Бабенберг («обет велик»). Окончание летописи Василька и начало летописца его сына Пашуто видел в известии о вокняжении Владимира на Волыни. В свою очередь для «Летописца Владимира Васильковича» исследователь перечислил следующие источники еще более дробного и гипотетического характера: «антитатарская обличительная повесть» о нашествии Ногая и Телебуги, владимирская княжеская летопись и какая-то литовская летопись.

Таким образом, в исследованиях XIX – первой половины XX вв. *ЛвМ*, несмотря на то, что её отличия от древнерусской летописной традиции были отмечены достаточно рано, изучалась преимущественно как памятник официального летописания. Основной задачей исследований этого времени стала реконструкция её источников, которые в работах историков летописания представлялись самостоятельными общерусскими и местными княжескими летописными сводами, историческими повестями и т.д.

оформлению, но и по содержанию» (*Еремин И. П.* Волынская летопись 1289–1290 г. // ТОДРЛ, Т. 13. М.; Л., 1957. С. 107).

⁹⁸ Еремин в цитированной статье обоснованно критиковал предположение о самом существовании отдельного летописца Василька (Там же. С. 108).

1.2. Галицко-волынская летопись XIII в. в текстологических и генетических аспектах в исследованиях второй половины XX – начала XXI в.

В последовавших с конца 1950-х гг. работах *ЛвМ* (точнее, её отдельные источники) привлекает внимание исследователей уже как уникальный памятник литературы. И. П. Еремин, которому принадлежит один из первых опытов анализа памятников раннего летописания как цельных литературных произведений, в своей статье⁹⁹ критически оценил выводы историков о составе «Волынской летописи». Напомним, что и Генсёрскому, и Пашуто она представлялась сводом различных источников: самостоятельных княжеских летописцев Василька Романовича, Владимира Васильковича и Мстислава Даниловича или, по терминологии Пашуто, тематически единых «повестей».

Полемизируя с точкой зрения Пашуто, Еремин доказывал единовременное составление всей «Волынской летописи» трудами одного автора в 1289–1290 гг. Сомневаясь в отражении в тексте каких-либо самостоятельных источников, Еремин утверждал, что «единство темы» на отрезках текста, принимаемых его предшественниками за отдельные повести (о Бурандаевой рати и литовских делах), выдержано далеко не столь последовательно.

Еремин также отметил стилистическое сходство первой части гипотетической «Повести о Куремсе и Бурундае» с предшествующим повествованием, что, по его мнению, доказывает ее принадлежность к «летописи Даниила»¹⁰⁰. Рассказ о второй «Бурандаевой рати» Еремин посчитал принадлежащим уже владими́ро-волынскому летописцу. Обратив внимание на использование некоторых характерных выражений («убийство его сице скажемь», «и тако бысть конец убитья его») в цикле рассказов, посвященных жизнеописаниям литовских князей, и в остальном

⁹⁹ Там же. С. 102–111.

¹⁰⁰ Там же. С. 104.

«Волынском» повествовании, исследователь посчитал их убедительными доказательством единого авторства этой части памятника.

Еремин, что отличает его исследование от предшествующих, впервые описал «Волынскую летопись» как единый авторский текст, а не компиляцию различных источников или цепь наслаивавшихся друг на друга княжеских летописцев. «Нет оснований рассматривать дошедший до нас текст Волынской летописи как свод. <...> Волынская летопись в дошедшем до нас тексте не обнаруживает достоверных следов спайки, вставок, перегруппировки повествовательного материала» – писал исследователь¹⁰¹. Обратив внимание на ретроспективный характер изложения в ряде её известий¹⁰², а также отсутствие подробного рассказа о событиях 1261, 1270–1271, 1283 г., исследователь пришел к выводу, что памятник был написан одномоментно, не ранее 1289–1290 г. Повесть о преставлении Владимира Васильковича и обширная похвала князю, по мнению Еремина, были написаны уже после смерти Владимира, в начале правления Мстислава Даниловича.

Итак, Еремин пришел к очень важному выводу, что так называемая «Волынская летопись» изначально представляла собой целостную историю княжеских правлений, хронику, а не велась в виде текущих погодных записей и не может с большой степенью доказательности быть рассмотрена как свод отдельных летописных или внелетописных памятников. В отношении её авторской атрибуции Еремин воздержался от каких-либо определенных выводов, ограничившись замечанием, что автор её был, по всей вероятности, духовным лицом¹⁰³.

¹⁰¹ Там же, С. 109.

¹⁰² Таковы сообщения о появлении в 1264 г. «звезды хвостатой», о правлении Тройдена (умершего в 1282 г.) в Литве и его войне с поляками в 1278 г., походе Льва Даниловича на Новгородок, событиях 1286–1287 гг.

¹⁰³ «Об авторе Волынской летописи уверенно сказать можно только то, что он был горячим сторонником князя Владимира Васильковича, был в курсе всех событий его княжения и лично его знал, что человек он был начитанный, хорошо усвоивший практику и традиции летописного дела, – видимо, местный монах или священник» (Еремин И. П. Волынская летопись 1289–1290 г. С. 116).

Работа Еремина о «Волынской летописи» явилась последней частью его «трилогии», посвященной проблемам поэтики южнорусского летописания XI–XIII вв., где ПВЛ, «Киевская» и «Волынская» летописи были рассмотрены как целостные литературные произведения. В последней части южнорусского свода Еремину ещё виделась в первую очередь летописная структура, а не особый тип исторического повествования. Поэтому исследователь, прежде всего, обратил внимание на отражение в памятнике именно традиционных типов повествования («первичных жанров»), сложившихся ещё в летописании Киевской эпохи – погодных записей, летописных рассказов и повестей. Единство текста памятника Еремин увидел целиком, однако, следуя уже сложившейся в историографии традиции, совершенно не привлекал к своему анализу Летописец Даниила Галицкого.

Выводы Еремина о едином, авторском характере памятника, пусть только и одной из его частей, однако, не были развиты или даже учтены при дальнейшем его изучении. Не оказался востребованным и сам подход к изучению *ЛвМ* как целостного повествования. Напротив, можно сказать, что занимающиеся в настоящее время изучением памятника исследователи-историки Н. Ф. Котляр, П. П. Толочко, А. П. Толочко продолжили работу по поиску протографов Галицко-волынского повествования, начатую ещё Л. В. Черепниным, А. И. Генсёрским и В. Т. Пашуто.

В целом в источниковедческих исследованиях не было высказано каких-либо принципиально новых гипотез о составе и источниках *ЛвМ*. Последовавшие за трудами Черепнина и Пашуто работы (за исключением А. Н. Ужанкова) только вносили некоторые коррективы и уточнения в построения предшественников.

Н. Ф. Котляр, наиболее подробно в настоящее время разрабатывающий проблемы источников всего галицко-волынского повествования XIII в.¹⁰⁴,

¹⁰⁴ Котляр Н. Ф. Галицко-волынская летопись (источники, структура, жанровые и идейные особенности) // Древнейшие государства Восточной Европы. 1995 г. М., 1997. С. 80–165; Композиция, источники, жанровые и идейные характеристики Галицко-Волынской летописи // Галицко-Волынская летопись. Текст. Комментарий. Исследование.

касается и вопросов их жанровой специфики. В отличие от Пашуто, в рассуждениях которого термин «повесть» в отношении источников свода остался без четкого определения¹⁰⁵, Котляр говорит о литературном характере повестей, составляющих, по его мнению, свод, и пытается на основе метода логически-смыслового анализа указать их текстуальные границы. Тем не менее, понимание жанра как Галицко-волынского повествования в целом, так и его источников в его рассуждениях остается достаточно размытым. Так, исследователь использует термины «светские жития князей», «воинские повести», «историко-литературные повести, посвященные деяниям галицких князей» и т. п.

Неоднократно подчеркивая композиционную целостность и чёткость Галицко-волынского повествования, Котляр, тем не менее, полагает, что при его позднейшем редактировании были допущены «неудачные попытки перегруппировки материала <...>, неловкие изменения, вызванные внесением хронологической последовательности во все известные списки»¹⁰⁶. Такая оценка работы «позднейших редакторов» свода приводит исследователя к выводу, что главной их целью было внесение хронологии и придание памятнику «вида настоящей летописи»¹⁰⁷, что может быть справедливо только в отношении редакции *Ип*.

Предложенные Черепниным, Пашуто и Котляром гипотезы о составе источников *ЛвМ* развивает также украинский историк П. П. Толочко¹⁰⁸. В целом согласившись с выводами предшественников о наличии в тексте

СПб., 2005. С. 30–60; О возможной природе нетрадиционности структуры и формы Галицко-Волынской летописи // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. № 2 (24), июнь 2006. С. 36–54.

¹⁰⁵ «Повестью мы называем и простое (устное) повествование, включенное в летопись, и, <...> исторический памятник сложного состава» (*Пашуто В. Т.* Очерки по истории Галицко-Волынской Руси. С. 73).

¹⁰⁶ *Котляр Н. Ф.* Композиция, источники, жанровые и идейные характеристики... С. 35.

¹⁰⁷ Такие заключения объясняются первоочередным интересом к сохранности в дошедшем тексте его источников и недостаточным вниманием к авторской телеологии, отразившейся во временной структуре, пропуске годовых датировок и т.д.

¹⁰⁸ *Толочко П. П.* Русские летописи и летописцы X–XIII вв. СПб., 2003.

разновременных слоев¹⁰⁹, в которых отразилась работа различных летописных центров, исследователь внес некоторые коррективы в атрибуцию её протографов.

Так, вопреки выводам Черепнина и Пашуто, начальную часть *ЛвМ* (предположительно возникшую около 1212 г.) Толочко предлагает считать по своему происхождению не галицкой, а волынской, поскольку её сюжеты концентрируются вокруг деяний «княгини Романовой». При этом её автор постоянно осуждает враждебных ей галичан как «безбожных», «неверных» и «льстивых»¹¹⁰. В итоге ученый определяет этот источник как «повесть о великой княгине Романовой»¹¹¹, в которую позднее были вставлены некоторые другие известия, например, касающиеся Игоревичей.

В отличие от Н. Ф. Котляра¹¹², П. П. Толочко не считает целесообразным выделение какой-либо единой тематики в дальнейшем повествовании: «Совершенно невозможно обозначить комплекс известий за 1218–1228 гг. единым названием»¹¹³. В границах этого рассказа исследователь видит отражение двух тенденций: волынской, связанной с Даниилом Романовичем, и галицкой, сфокусированной на делах Мстислава Удатного. К предполагаемому летописанию Мстислава Мстиславича¹¹⁴ Толочко относит некролог этому князю¹¹⁵, обличение боярина Жирослава (1226 г.), статьи 1218 и 1219 г., описывающие победу Мстислава и Даниила

¹⁰⁹ Однако в целом сложение летописи Толочко представляет себе иначе, чем Котляр: «вряд ли правомерно утверждать, что волынские и галицкие книжники намеренно сочиняли повести, которые позже усилиями редакторов-сводчиков, были объединены в повествовательную хронику» (Русские летописи и летописцы... С. 271).

¹¹⁰ Там же. С. 229–230.

¹¹¹ Там же. С. 230.

¹¹² Видевшего в известиях этого времени использование особой условно названной «Повести о собирании Даниилом волынской отчины».

¹¹³ Толочко П. П. Русские летописи и летописцы... С. 237.

¹¹⁴ Мнение о причастности книжника, близкого к Мстиславу Мстиславичу Удатному, к составлению источников южнорусского свода было высказано еще в XIX в.: «Мы думаем, что Мстиславов духовник отец Тимофей был сочинителем Ипатиевской летописи своих времен» (Зубрицкий Д. И. История древнего Галичско-Русского княжества. Часть третья. Львов, 1855. С. 99).

¹¹⁵ Статья 1228 года по хронологии *Ип.*

над венгерским воеводой Фильнием. В эпилоге последнего рассказа честь победы над венграми отдана Мстиславу, а известие о прибытии Даниила с дружиной лишь к концу сражения показывает последнего, по мнению исследователя, в ироническом свете¹¹⁶. Однако более обстоятельных доказательств существования галицкого летописца Мстислава Удатного, что предполагало бы привлечение параллельных летописных текстов, в его работе не приводится¹¹⁷.

Согласившись с Н. Ф. Котляром в обособлении в составе Летописца Даниила фрагмента повествования, посвященного отвоеванию Даниилом Романовичем галицкого стола, Толочко видит его начало под 1229 г. по хронологии *Ип*. Здесь идет речь о возвращении Даниила из похода в Польшу и приглашении его на княжение галицкими боярами. Сообщения об участии Даниила в южнорусских и польских событиях, по мнению ученого, являются вставными (кроме известий о походах Даниила в Киевскую и Черниговскую земли, датированных в *Ип* 1234 и 1235 г.). Эту «повесть» Толочко также считает неправомерным называть галицкой, поскольку её автор проявил

¹¹⁶ «Данилови бо приехавшу въ мале дружине с Демяном тысяцкым, не бе бо приехал въ время то (*т.е. во время сражения Мстислава с венграми*), потом же приеха Даниль къ Мъстиславу» (The Old Rus' Kievan and Galician-Volhynian Chronicles. P. 316).

¹¹⁷ Между тем, некоторые следы источника, сочувствующего Мстиславу Мстиславичу могут указать известия Густынской летописи. Здесь обнаруживается множество уникальных сведений о делах Мстислава Удатного, которыми составитель *Густ* дополнил сведения протографа *Ип-Хл* (а в некоторых случаях и предпочел последним). Так, в *Густ* сообщается о двукратном посольстве Лестька к Мстиславу с просьбой принять галицкое княжение, в то время как *Ип-Хл* упоминает лишь об одном (Ип., 731). В известии *Густ* 1218 г. о битве Мстислава Удатного у стен Галича с войсками королевича Коломана перечисляются союзники Мстислава: «А Мстислав уже собрався со великою силою, имый со собою Данила Романовича, зятя своего, и его брата Василка, и Володымера Рюриковича, Ростислава Давыдича, и Ростислава, сына Мстислава Киевьскаго...» (Густ., 114). В *Ип-Хл* столь подробный перечень отсутствует. В той же статье сообщается о помолвке дочери Мстислава Марии с королевичем Белой как условия освобождения плененного русскими Коломана, который находился в неволе у Мстислава «целое лето». В *Ип-Хл* нет подробного рассказа о пленении самого Коломана Мстиславом. По ее версии в плен попадает только руководивший обороной Галича венгерский воевода Фильний. В известии *Густ* 1225 г. упоминается об обручении Марии Мстиславовны и Белы. Наконец, под 1228 г. *Густ* содержит известие о болезни, постриге и кончине Мстислава Мстиславича по пути в Киев (Густ., 116), в то время как в *Ип-Хл* об этом упомянуто вскользь: «потом же Мъстиславъ великый удатный князь умре» (Ип., 752).

внимание к событиям во Владимире Волынском, а к галичанам был настроен враждебно.

Вставки в повествование о Батыевом нашествии, посвященные судьбе Михаила Черниговского, исследователь считает также по происхождению волынскими, о чем свидетельствует «ненавязчивое, но последовательное введение в число действующих лиц Василька Романовича»¹¹⁸. Толочко видит четкое сюжетное завершение этого волынского источника в эпизоде борьбы за галицкий стол и победы Даниила над Ростиславом Черниговским в сражении под Ярославлем¹¹⁹.

В авторской атрибуции завершающей части Летописца Даниила Толочко идет вслед за Пашуто, приписывая её создание духовному лицу по причине частых упоминаний о божественной помощи Даниилу в сражениях и активности князя в церковном строительстве. По замечанию исследователя, «заключительная часть Галицкого Летописца является не чем иным, как Холмской владычной летописью»¹²⁰. Однако в отличие от предшественников, Толочко отрицает её ретроспективное составление: «Наблюдение над текстом не указывает на то, что весь он составлен задним числом. Наоборот, в ряде мест вполне определенно чувствуется рука современника событий. Его сведения всегда подробны, наполнены именами участников военных кампаний, маршрутами походов, названиями городов, оказавшихся в районе военных действий»¹²¹.

В ходе своих наблюдений Толочко, незначительно расходясь с выводами предшественников о сегментировании самого текста, пересматривает выводы об атрибуции его источников. Исследователь предлагает считать Летописец Даниила произведением в большей степени

¹¹⁸ Толочко П. П. Русские летописи и летописцы... С. 246.

¹¹⁹ Там же. С. 252–253.

¹²⁰ Там же. С. 260.

¹²¹ Там же. Однако здесь есть и приметы ретроспективности изложения. Например, в традиционно считающемся завершением «Холмской летописи» рассказе о первом пришествии Бурандая упоминается обещание Даниила украсить икону Спасителя в городе Мельнике, о которой автор замечает «и ныне стоит в велице чести» (Ип., 847).

летописцев Волыни, а не Галицкой земли. Центр летописания в Галиче он связывает только с двором князя Мстислава Мстиславича Удатного, на дочери которого был женат Даниил Романович, почему галицкие записи и оказались в распоряжении личного летописца Даниила. По этой причине весь памятник, как пишет исследователь, более правомерно называть «Волынско-Галицкой летописью»¹²².

Выводы Толочко о характере и составе источников «волынского» продолжения Летописца Даниила оказываются ближе выводам Еремина, чем Пашуто и Котляра: «Некоторые историки продолжают отыскивать в ней литературные повести, но это скорее дань традиции, чем выяснение объективной реальности. Волынская летопись изначально писалась как хроника княжеских правлений, а не составлялась впоследствии из самостоятельных литературных повестей»¹²³. Склоняется исследователь и к признанию единого авторства всей «волынской» летописи¹²⁴ и отсутствию в её составе следов летописания старшего сына Даниила Галицкого – Льва.

Практически во всех работах, посвященных составу источников галицко-волынской части *Ин-Хл*, так или иначе затрагиваются проблемы её жанрового характера, сделаны попытки вписать памятник в тот или историко-литературный контекст. Так, М. Д. Приселков высказался о близости галицко-волынского повествования византийским императорским историям. Особое место памятника среди жанров древнерусского исторического повествования подчеркивали Д. С. Лихачев, А. Н. Ужанков, А. А. Пауткин, Т. В. Гимон.

Жанровую специфику Галицко-волынского повествования XIII в. в системе русского летописания впервые попытался описать Д. С. Лихачев. В своих выводах он опирался на заключения Черепнина о композиционном

¹²² Там же. С. 261.

¹²³ Там же.

¹²⁴ Вероятными авторами исследователь считает волынского епископа Евсегения, либо не названного по имени духовника князя Владимира. См. *Толочко П. П.* Летопись Владимира Васильковича и ее автор // *Восточная Европа в Древности и Средневековье. Автор и его текст. Материалы XV чтений памяти В. Т. Пашуто.* М., 2003. С. 249.

единстве текста, лежащего в основе одного из его протографов – Летописца Даниила Галицкого. Его выводы о специфике памятника основывались именно на наблюдениях над этой его частью.

Согласившись с мнением Приселкова о близости галицко-волынской традиции исторического повествования к типу византийских императорских хроник¹²⁵, Лихачев привел его культурно-историческое обоснование: князя Юго-западной Руси в XIII в. «стремятся подражать византийским императорам и вводят у себя придворную хронографию, отчасти сходную с византийской»¹²⁶. Ученый считал Летописец Даниила образцом «княжеских жизнеописаний», сложившихся не ранее XIII в. В рамках этого условного типа Лихачев указал близкую параллель Летописцу Даниила в литературе XIII в. – Житие Александра Невского. Устанавливая типологическую близость этих памятников, Лихачев сделал вывод об их принадлежности галицкой литературной школе XIII в., сложившейся вокруг русского митрополита Кирилла II, который до своего поставления и переезда из разоренного Киева на Северо-Восток служил печатником при Данииле Романовиче. При этом исследователь разделял оспариваемую рядом ученых (И. П. Еремин, Ю. К. Бегунов, В. К. Васильев) и не находящую ощутимого текстологического подтверждения гипотезу Н. И. Серебрянского о древнейшей редакции Жития Александра Невского в виде светской повести «о мужестве Александра», где совершенно отсутствовали бы элементы агиографического стиля.

По наблюдениям Д. С. Лихачева, между двумя памятниками обнаруживаются сходства в композиционном построении (ограничивающиеся, правда, наличием в обоих текстах вступлений,

¹²⁵ Лихачев не указывал типологически сходных с Галицко-волынским летописанием произведений византийской литературы, а также, видимо, не делал различий в своих рассуждениях между всемирноисторическими переводными хрониками Амартола и Малалы, известными в Древней Руси, и собственно историями правлений византийских императоров (*Лихачев Д. С. Русские летописи и их культурно-историческое значение. М.; Л., 1947. С. 250, 255–256*).

¹²⁶ Там же. С. 255

прославляющих предков Даниила и Александра)¹²⁷, близость отдельных мотивов и фразеологии, а также воздействие стиля переводных сочинений. Источником стилистических параллелей ученый, вслед за Орловым, считал хронографическую компиляцию середины XIII в., сохранившуюся в Архивском сборнике (Иудейский хронограф), а также древнерусский перевод «Девгениева деяния».

И Житие Александра в своей предполагаемой древнейшей редакции, и «жизнеописание» Даниила Галицкого исследователь объединил в рамках условного жанрового типа, возникшего в русской литературе во второй половине XIII в.

По нашему мнению, Д. С. Лихачев стремился доказать скорее принадлежность двух произведений (рассматривая Летописец Даниила вне непосредственных связей с «волынским» повествованием и опираясь на гипотезу о светском характере «древнейшей редакции» Жития Александра Невского) к одной литературной школе, чем общность их жанра. Между тем, ранние редакции Повести о житии Александра и Летописец Даниила отличаются расхождениями именно жанрового плана. Мы имеем в виду явно авторскую житийную топику¹²⁸, а также стремление к абстрагированию повествования в агиографическом духе в Житии, контрастирующие с точностью и конкретностью деталей Галицко-волынского повествования. Тем не менее, выводы Лихачева имеют большую ценность для нашего исследования, поскольку свидетельствуют о неоднородности и динамизме древнерусского исторического повествования XIII в., где шёл непрерывный поиск новых форм фиксации исторической памяти.

¹²⁷ В Житии в этой функции, по мнению Лихачева, выступает «Слово о погибели Русской земли», сопровождающее Житие только в двух известных списках. Текстологические доказательства изначальной самостоятельности Слова и Жития см. *Бегунов Ю. К.* Памятник русской литературы XIII века «Слово о погибели Русской земли». М.: Л., 1965. С. 71–83.

¹²⁸ Вступление от лица «самовидца возраста» князя, топоним «авторского смирения», которые были сохранены даже при включении Жития в летописные своды.

Иную точку зрения на тенденции литературного процесса, определившие жанровое своеобразие памятника, высказал Я. С. Лурье, который не считал памятник жанровой новацией литературы XIII в. По его мнению, в произведении актуализируются жанровые формы, выработанные древнейшим летописанием: «Наиболее архаические формы летописания сохранились во второй части Ипатьевской летописи, представляющей собой Галицко-волынскую летопись XIII в. Это – повествование без дат подобное тому, которое, как предполагал Шахматов, существовало в Киеве до середины XI в. Богаче, чем в других летописях XII–XV вв. отражена в Галицко-волынской летописи и фольклорно-эпическая традиция...»¹²⁹. Однако само по себе обращение автора *ЛвМ* к фольклорным сюжетам и мотивам¹³⁰, а также отсутствие дат еще не доказывает архаичность жанра.

Выводы Лихачева о появлении в русской литературе XIII в. княжеской биографии, светского жизнеописания, были развиты А. А. Пауткиным, посвятившим проблемам поэтики Галицко-волынской летописи XIII в. несколько специальных статей¹³¹. Пауткин развивает идею Лурье об архаичных жанровых истоках памятника. Исследователь возводит подобный тип повествования к очень ранней традиции¹³². Сохранившимся его образцом он считает повествование о Святославе Игоревиче в ПВЛ, которое,

¹²⁹ Лурье Я. С. К изучению летописного жанра // ТОДРЛ. Т. 27. Л., 1973. С. 87.

¹³⁰ Впрочем, отражение эпической традиции в Галицко-волынской летописи ограничивается только легендой об Отроке и Сырчане и похвалой Роману Мстиславичу.

¹³¹ Пауткин А. А. Галицкая летопись как памятник литературы Древней Руси. М., 1990; *его же*. Афористические максимы в Галицко-волынской летописи и польско-латинская литературная традиция // Древняя Русь и Запад. М., 1996. С. 88–91; *его же*. Южнорусские летописцы и переводная историческая литература // Герменевтика литературы Древней Руси. Сб. 9. М., 1996. С. 127–134; *его же*. Летописный портрет Даниила Галицкого: литературное заимствование, живописная традиция или взгляд очевидца? // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2002, № 1(7). С. 70–74.

¹³² Хотя ученый и не отрицает, что Галицко-волынская летопись имеет аналоги в византийской и западной традициях, предполагая даже возможное отражение в памятнике традиций античного исторического повествования (См. Пауткин А. А. Беседы с летописцем. Поэтика раннего русского летописания. М., 2002. С. 60).

по его мнению, восходит к некоему изначально цельному биографическому сочинению¹³³.

Изучая «воинские повествования» южнорусского свода, А. А. Пауткин предположил устойчивое существование жанра княжеского жизнеописания на протяжении XI–XIII вв. К этому типу им отнесены включенные в летопись повествования об Изяславе Мстиславиче и Данииле Галицком, которые «явственно выделяются на фоне традиционного летописного рассказа не только тематически, но и особым стилевым качеством, яркой индивидуальностью манеры их создателей, которых разделяет целый век»¹³⁴. В дальнейшем, со второй половины XIII и в XIV в. жанр биографии князей-полководцев, по мнению Пауткина, эволюционировал в княжеское житие¹³⁵.

В настоящее время А. Н. Ужанков попытался критически пересмотреть построения историков, пытавшихся на основе логико-смыслового анализа текста составить представление о структуре Галицко-волынского повествования XIII в. и его источниках¹³⁶.

А. Н. Ужанков отталкивается от выводов Черепнина и Пашуто о текстологических границах Летописца Даниила и рассуждений Лихачева о его жанровой природе. При этом исследователь подошел к памятнику с принципиально новых позиций. Согласно его подходу, Летописец Даниила «изначально задумывался с четким конечным результатом, именно как княжеское жизнеописание, а не летопись», а значит «построен по иным законам, нежели летопись, и методологический прием его исследования должен быть также иным»¹³⁷.

¹³³ Пауткин А. А. Древнерусские летописи XI–XIII вв.: вопросы поэтики: дисс. <...> д. филол. н.: 10.01.01 / Пауткин Алексей Аркадьевич. М., 2003. С. 49–51.

¹³⁴ Пауткин А. А. Беседы с летописцем... С. 45.

¹³⁵ Там же. С. 63.

¹³⁶ «Вычленение в составе «Летописца Даниила Галицкого» отдельных повестей носит, как мне кажется, искусственный характер» – пишет Ужанков. Летописные повести «как правило, помещались в летописи и летописные своды под одним годом, имели свою фабулу и четко выраженную идею. Ни одному из этих параметров не соответствуют выделенные Н. Ф. Котляром повести» (Ужанков А. Н. Проблемы историографии и текстологии древнерусских памятников XI–XIII вв. М., 2009. С. 305).

¹³⁷ Там же. С. 288–289.

Ужанков пересмотрел выводы историков-источниковедов о составе источников Летописца Даниила, но при этом, последовательно подчеркивая его жанровое своеобразие, выявил в нём следы двух этапов редакторской работы. В их выделении исследователь, по существу, незначительно расходится с выводами Пашуто о редакции Летописца 1246 г., участии в её создании Киевского митрополита Кирилла II и наличии в тексте Летописца второго редакционного слоя 60-х гг. XIII в.

Ужанков отказался от обособления в Летописце Даниила текстового слоя, относящегося к первым десятилетиям XIII в.¹³⁸, сопоставив известия этого времени в южнорусском своде с данными Софийской I, Новгородской IV, Воскресенской и Львовской летописей. Отсутствие в *Ин-Хл* ряда статей, читающихся в этих сводах¹³⁹, должно свидетельствовать, что их южнорусские известия не имели отношения к местному летописанию Галича и Волыни. Исследователь согласился с предположением Пашуто об использовании Киевского свода 1238 г. одним из авторов Летописца Даниила. Именно этот Киевский свод и был, по мнению ученого, единственным именно летописным источником в распоряжении автора, использованным наряду с воспоминаниями очевидцев и участников событий.

Существование прочих протографов Летописца Даниила, современных описываемым фактам, Ужанков отрицает. По его наблюдениям, все повествование вплоть до рассказа о событиях 1247 г. составлялось одномоментно. Суммировав ретроспективные упоминания о ряде событий¹⁴⁰

¹³⁸ Его составление было датировано Л. В. Черепниным 1211 г., а Н. Ф. Котляром – 1212 г.

¹³⁹ Второй поход Ольговичей на Галич, приглашение галичанами Ярослава Всеволодовича Переяславского на галицкий стол, поход в 1207 г. из Галича Владимира Игоревича на помощь Всеволоду Чермному Киевскому, вокняжение в Галиче Ростислава Рюриковича и т.д.

¹⁴⁰ Сообщение о прославлении Елизаветы Венгерской (1207), именование Бертольда (брата венгерской королевы Гертруды Меранской) аквилейским патриархом (1210), перечень сыновей Даниила (1213), гибель в борьбе с поляками одного из воинов Даниила (1213), казнь Даниилом венгерского воеводы Фильния (1217).

в изложении истории начала XIII в.¹⁴¹ исследователь попытался доказать единовременное составление всего текста Летописца вплоть до рассказа о событиях 1247 календарного года. Связь между сообщениями 1245 и 1250 г. (по хронологии *Ип*) о мученичестве Михаила Черниговского¹⁴², должна указывать на то, что Летописец вплоть до статьи 1250 г. «представляет собой неразрывный текст, который принадлежит одному автору»¹⁴³. Из того обстоятельства, что события, изложенные на протяжении всей первой части Летописца, не содержат отсылок к событиям, произошедшим после 1247 г., ученый и сделал вывод, что «автор заканчивал свою работу в 1247 г. событиями начала этого же года»¹⁴⁴.

Согласно заключениям Ужанкова, автор «первой редакции», работавший над текстом «Летописца», завершил свой труд сообщением о браке Льва Даниловича с дочерью Белы IV. Таким образом, автор, замыслив свой труд как «литературное жизнеописание» Даниила Романовича, довел его только до определенного рубежа деятельности своего героя – поездки к Батью, получения ярлыка на галицкое княжение, бракосочетания Льва Даниловича с дочерью Белы и наречения печатника Кирилла русским митрополитом. Летописец не был завершен, потому что сам печатник-митрополит Кирилл и был автором всей его первой части. Выехав на поставление в Никею, он, по мнению А. Н. Ужанкова уже более не возвращался ко двору Даниила. Только спустя около 16 лет после его отъезда неоконченный Летописец был продолжен, но уже другим книжником.

¹⁴¹ Н. Ф. Котляр считает эти отсылки следами редакторских вставок, с чем справедливо не соглашается А. Н. Ужанков: «Очень искусное их вплетение в канву текста с помощью различных литературных приемов сразу снимает вопрос о позднейших вставках и свидетельствует о принадлежности их одному автору» (Проблемы историографии и текстологии... С. 311–312).

¹⁴² Сообщение в статье 1250 г. отсылает к ранее описанным событиям: «...Михаила, князя Черниговского, не поклонившуся кусту со своимъ бояриномъ Федоромъ, ножемъ заклана быста, еже преде сказахом кланяние ихъ, еже венець прияста мученицы» (Ип., 808).

¹⁴³ Проблемы историографии и текстологии... С. 315.

¹⁴⁴ Там же. С. 316.

Ужанков подкрепляет атрибуцию памятника Кириллу следующими наблюдениями. Автор первой редакции Летописца, по его мнению, сопровождал князя в поездке в Орду, о чём должно свидетельствовать обилие деталей в рассказе об этих событиях. Главным доказательством авторства печатника Кирилла служит для Ужанкова фраза, подводящая итоги переговоров Даниила с ордынским ханом: «Поручена бысть земля его ему, иже беаху с нимъ» (Ип., 808). К сожалению, исследователь дает не вполне точное толкование этой фразе: «И поручена была его земля ему (*т.е. Даниилу – В. П.*) и тому, кто был с ним (*т.е. Кириллу – В. П.*)»¹⁴⁵. То есть, по мнению Ужанкова, речь здесь должна идти о том, что Батый подтвердил права Даниила на Галич, а автора данного текста, Кирилла, – на Киевский митрополичий стол¹⁴⁶. Более того, исследователь предположил, что Кирилл после возвращения на Русь из Никеи «взял с собою именно свой труд, точнее сказать, один из экземпляров, поскольку другой остался у Даниила Галицкого». Согласно его мнению, именно через первую редакцию «Летописца Даниила» во Владимирскую великокняжескую летопись 1252 г. (а затем и Московский свод 1480 г.)¹⁴⁷ проникли южнорусские известия за первую половину XIII века¹⁴⁸.

¹⁴⁵ Там же. С. 329. Здесь в обоих древнейших списках употреблена форма имперфекта множественного числа сказуемого «бяху» (в *Ип* – «беаху»), поэтому предложенное Ужанковым толкование, скорее всего, ошибочно. Из контекста не вполне ясно, относится ли летописное «иже беаху с нимъ» к землям, бывшим прежде во владении Даниила, либо к сопровождавшим его спутникам и их земельным наделам. Более вероятно, на наш взгляд, первое.

¹⁴⁶ Если принимать дату составления «первой редакции» Летописца Даниила, предлагаемую Ужанковым (1247 г.), то не вполне уместным выглядит применение в летописи в отношении Кирилла митрополичьего титула. Скорее всего, данный текст создавался уже после его поставления на Русскую митрополию в Никее и прибытия его на Русь в 1250 г. Стоит заметить, что А. Поппэ предложил иную датировку архиерейского поставления и возвращения на Русь Кирилла (См. в кн. *Щанов Я. Н.* Государство и церковь Древней Руси. М., 1989. С. 204–205).

¹⁴⁷ Ю. А. Лимонов, на которого здесь ссылается исследователь, предполагал несколько иной путь включения южнорусских известий во владими́ро-суздальское летописание, а именно через киевский свод XIII в., отредактированный при Михаиле Черниговском во время его кратковременного пребывания на Киевском столе (*Лимонов Ю. А.* Летописание Владимиро-Суздальской Руси. Л., 1967. С. 168–170).

¹⁴⁸ Проблемы историографии и текстологии... С. 347.

Нижней хронологической границей для времени работы сменившего Кирилла продолжателя Летописца Даниила Ужанков считает 1262 г.¹⁴⁹, когда спустя 16 лет его повествование было незначительно дополнено и завершено уже другим автором. Что касается личности продолжателя труда Кирилла, то Ужанков вслед за Пашуто подчеркивает его близость к Холмской епископской кафедре, но не отождествляет его напрямую с упоминаемым в тексте местным епископом Иоанном.

Продолжение Летописца должно было начинаться с сообщения о смерти польского короля Конрада Мазовецкого (Ип., 809–810) и охватывать рассказ о событиях середины XIII в., вплоть до конца 1260-х годов. Окончание «второй редакции», рассказывавшее о последних годах правления Даниила, по мнению Ужанкова, не сохранилось, а было сильно переработано уже следующим, владими́ро-волы́нским редактором.

Доказательством для выделения в тексте Летописца за 1201–1250 гг. (по хронологии *In*) слоя, отражающего работу второго редактора, для Ужанкова послужил ряд тематически и стилистически сходных мест. Тематическую переключку известий о создании епископской кафедры в Угровске (помещено в *In* под 1223 г.) и об основании Холма (под 1259 г.) исследователь объяснил иначе, чем Пашуто. Рассказ о перенесении епископской кафедры из Угровска в Холм (1223 г. по хронологии *In*) возник, по его мнению, не путем разбиения первоначально связного текста первой редакции¹⁵⁰, а представляет собой вставку, сделанную вторым редактором, которому целиком принадлежит и весь рассказ о построении Холма. «Совершенно очевидно, что вставка под 1223 годом, помещенная после перечня волы́нских епископов и обещания рассказать об основании Холма, сообщавшая о переводе в Холм епископа Иоанна, была призвана

¹⁴⁹ Опорой служит дата составления в Галицко-волы́нской Руси компилятивного хронографа («Иудейский хронограф» В. М. Истрина), предложенная А. С. Орловым.

¹⁵⁰ Как полагал В. Т. Пашуто.

компенсировать – пишет Ужанков – отсутствие сведений об Иоанне в статье 1259 года»¹⁵¹.

Среди других вставок, сделанных вторым редактором, исследователь указывает на похвалу Роману Мстиславичу в экспозиции «Летописца», стилистически сходной с концовкой известия о походе на ятвягов под 1251 г. (по датировке *In*). Правда, пытаясь доказать общее авторство этих двух отрывков, Ужанков допустил не вполне верное понимание смысла концовки второго¹⁵², как будто бы имеющей в виду Романа Мстиславича и отсылающей к упомянутой похвале¹⁵³. Очевидно, опираясь на наблюдения А. С. Орлова о воздействии стиля переводной хронографии в указанных фрагментах, Ужанков пытается связать выделяемый им редакционный слой с предложенной К. М. Оболенским, В. М. Истриным и А. С. Орловым датой составления протографа Виленского и Архивского списков – Хронографа 1262 г. Это побудило исследователя относить «хронографические» цитаты к работе лишь одного редактора – холмского продолжателя, сменившего Кирилла.

Уязвимым звеном версии о двух редакциях Летописца Даниила нам представляется её сильная зависимость от времени составления протографа Архивской компиляции (1262 г.). Эта дата не позволяет Ужанкову отнести «хронографические» цитаты Летописца к работе автора «первой редакции» 1246 г. Учитывая их обилие в тексте, пришлось бы предположить серьезную идейную (уподобление Даниила в его деяниях Роману Мстиславичу, т. е. придание семейно-династического характера биографии одного героя) и жанрово-стилистическую переработку текста «вторым редактором», обращавшимся к стилю переводных историй из Хронографа 1262 г. Это

¹⁵¹ Ужанков А. Н. Проблемы историографии и текстологии... С. 363.

¹⁵² «Си же написахом о Романе, древле бо писати си, ныне же zde вписано бысть в последняя» (Ип., 836).

¹⁵³ На ошибочность такого толкования указывает А. В. Горовенко (*Горовенко А.В. Меч Романа Галицкого. Князь Роман Мстиславич в истории, эпосе и легендах.* СПб., 2011. С. 234–235). Автор в этом месте продолжил прерванный рассказ об одном из сыновей Даниила, Романе Даниловиче, а отсылки к похвале Роману Мстиславичу здесь нет.

допущение, к тому же, заметно ослабляет аргументацию в пользу сближения «первой редакции» летописца Даниила с Житием Александра Невского и атрибуции обоих памятников митрополиту Кириллу II или его окружению.

Среди важных итогов исследований Ужанкова можно указать на то, что в качестве общей посылки в них избрано именно жанровое своеобразие произведения, а вошедший в состав летописного свода памятник рассматривается как пример особого жанра исторического повествования. При этом понимание его жанра как изначально монотематического княжеского жизнеописания («Летописец Даниила Галицкого»), по нашему мнению, несколько сужает перспективу. Допущение о его редактировании в 1260-е гг. ослабляет предложенное исследователем понимание специфики памятника. Выводы о двух редакционных слоях «Летописца» и участии в его создании митрополита Кирилла II во многом основываются на сильной историографической традиции, заложенной работами Л. В. Черепнина, В. Т. Пашуто и Д. С. Лихачева.

Интерес к более широкому жанрово-типологическому сопоставлению памятника с традициями европейского исторического повествования (венгерские *gesta*, средневековая чешская хроника продолжателя Козьмы Пражского) в настоящее время наметился в работах зарубежных исследователей¹⁵⁴. Из недавних исследований укажем на статью Й. Комендовой, изданную на русском языке¹⁵⁵. Несмотря на интересную постановку проблемы – поиск типологических параллелей памятнику в средневековой европейской (в данном случае – чешской) литературе, исследовательница, по-видимому, больше опиралась на список *In*, что

¹⁵⁴ См. Фонт М. «Житие» Даниила Романовича // Княжа доба: історія та культура. Вып. 2. Львів, 2008. С. 98–108; Komendová Jitka. Galician-Volhynian chronicle and the second sequel to Cosmas: the quest of new concepts in medieval historiography (Haličko-volyňský letopis a druhé pokračování Kosmovo. Hledání nových konceptů ve středověké historiografii) // Listy filologické (Folia philologica), 2008. Vol. 131, issue 3–4, pp. 441–452.

¹⁵⁵ Комендова Й. Жанр Галицко-Волынской летописи в типологической перспективе // Письменность Галицко-Волынского княжества: историко-филологические исследования Olomouc, 2016 С. 79–88.

привело ее к выводу о невозможности положительного определения её жанра¹⁵⁶.

Интерес представляют выводы исследований А. В. Майорова, посвященных внешней и внутренней политике волынских Мономаховичей и культурным процессам, происходившим на Руси и в Византии в конце XII – начале XIII вв.¹⁵⁷ Исследователь детально рассмотрел особенности княжеского именованья и семантику титулатуры Романовичей, характер внешнеполитических связей Галицко-волынского княжества с Западом и Византией в XII–XIII вв.

Воссоздание культурно-исторического контекста XIII в. имеет большое значение и для нашей работы, поскольку дает некоторые направления интерпретации текста *ЛвМ* – одного из немногих дошедших до нашего времени памятников литературы Юго-Западной Руси этой эпохи.

Из проведенного историографического обзора можно сделать вывод, что анализ галицко-волынкой части южнорусского летописного свода на уровне *фрагментов*, преобладавший в исследованиях историков и литературоведов в XIX–XXI вв., обусловил и соответствующее решение проблем, связанных с авторской атрибуцией и объяснением жанровой специфики текста. Так, автор всего повествования, традиционно называемого «Галицко-волынкой летописью», деятельность которого оценивалась исключительно как компиляторская, не интересовал ни Л. В. Черепнина, ни Н. Ф. Котляра, ни А. Н. Ужанкова. В построениях А. И. Генсёрского для него вообще не нашлось места. Напротив, основное внимание во всех рассмотренных исследованиях было уделено вопросам атрибуции только отдельных протографов повествования: Летописца Даниила Галицкого с его

¹⁵⁶ «...в поиске жанра, который мог бы наилучшим образом охарактеризовать Галицко-Волынскую летопись, мы сталкиваемся с основной проблемой – отсутствием первоначального текста памятника, следствием которой является множество гипотетических и неverified предположений» (Там же. С. 85–86).

¹⁵⁷ В настоящее время они изданы в виде монографии (*Майоров А. В.* Русь, Византия, Западная Европа: Из истории внешнеполитических и культурных связей XII–XIII вв. СПб., 2011).

тремя (Л. В. Черепнин) или двумя (В. Т. Пашуто, А. Н. Ужанков) редакционными слоями, «Волынской летописи» или источников еще более дробного и гипотетического характера («княжеских сводов» в терминологии А. И. Генсьорского и В. Т. Пашуто, «повестей» по Н. Ф. Котляру и П. П. Толочко).

Впервые к проблеме авторской атрибуции источников галицко-волынской части *Ип-Хл* обратился Л. В. Черепнин. Именно он предположил наличие в тексте свода самостоятельного Летописца Даниила Галицкого, выделив в свою очередь в нем несколько редакционных слоев. Исследователь предположил участие упоминаемого в летописи книжника Тимофея в создании одного из гипотетических источников Летописца. Этот Тимофей представлялся ему «идеологом той части боярства <...>, которая вначале пыталась сбросить венгерское иго при помощи черниговских князей, а затем, недовольная последними, выставила кандидатуру на галицкий стол Даниила»¹⁵⁸. Кроме того, Черепнин впервые выдвинул устоявшуюся к настоящему времени гипотезу об участии в составлении одной из редакций «Летописца» княжеского печатника Кирилла, отождествляемого с киевским митрополитом Кириллом II (1250–1282 гг.)¹⁵⁹.

Проблема авторства как всего произведения, так и его протографов, остается дискуссионной и в настоящее время. Именно поэтому, а также по причине генеалогической изолированности *ЛвМ* исследовательское внимание должно быть сосредоточено на его интерпретации как того самого «реально дошедшего текста», на важности исследования которого настаивал И. П. Еремин¹⁶⁰.

¹⁵⁸ Летописец Даниила Галицкого... С. 244.

¹⁵⁹ Наибольшую последовательность в этом отождествлении проявляет А. Н. Ужанков.

¹⁶⁰ Обосновывая продуктивность исследования летописного произведения (на примере Повести временных лет) в таком аспекте, исследователь писал: «Реально дошедший до нас текст «Повести» может стать предметом анализа и независимо от его родословной, ибо какую бы сложную историю ни пережил текст того или иного литературного произведения, текст этот в своей окончательной редакции никогда не теряет своего единства как по содержанию, так и по форме» (Еремин И. П. «Повесть временных лет»

Основная цель нашей работы требует подхода к тексту с учетом нескольких уровней его редактирования. Должны быть разграничены уровни отдельного литературного произведения и содержащего его сборника, в данном случае – официального летописного свода (формат которого последовательно выдержан в *Ип*).

Понимание самой *ЛвМ* (а не южнорусского свода конца XIII в.) как **официального** княжеского летописного свода, господствовавшее в науке со второй половины XX в., было вполне оправдано при решении задач реконструкции её источников, выявления редакционных слоев и объяснения политических тенденций, обусловивших направления редактирования её протографов. При этом неизбежно происходила утрата существенной части смыслового потенциала текста, который весьма далек от формата традиционного летописного свода, что было акцентировано в работах Лихачева и Ужанкова. Особый, отличающийся от традиций официального летописания облик произведения отмечали уже исследователи XIX и начала XX в., писавшие о литературном характере и поэтическом колорите памятника. М. П. Погодину, например, принадлежит такая его характеристика: «драгоценнейшая летопись, по характеру известий, заключает в себе множество подробностей, пропускаемых обыкновенно нашими летописателями, а иногда блещет даже поэзией»¹⁶¹.

Показательна в плане устоявшегося у историков летописания подхода характеристика, данная В. Т. Пашуто одному из предполагаемых протографов – «Холмскому своду» 1246 г. Его редактор «составлял княжеский летописный свод, призванный показать местному феодальному обществу руководящую роль данного князя (*т.е. Даниила Галицкого – В. П.*) во всей Руси»¹⁶². Интерпретация источника здесь проводится только в

как памятник литературы // *Еремин И. П.* Литература Древней Руси (Этюды и характеристики). М.; Л., 1966. С. 46).

¹⁶¹ Цит. по *Петрушевич А. С.* Волынско-Галицкая летопись, составленная с концем XIII века. 1205–1292. Львов, 1871. С. 18.

¹⁶² *Очерки по истории Галицко-Волынской Руси...* С. 80.

историко-политическом контексте: составление летописного свода рассматривается исключительно как официальный акт.

Действительно, официальные документы княжеских дворов были использованы при составлении памятника, но жанровый характер и своеобразие *ЛвМ* определяется не самими её источниками¹⁶³, а прежде всего особой авторской телеологией, выявление которой даст возможность интерпретации памятника как литературного произведения.

Традиционный подход к памятнику исторического повествования, сохранившему множество живых деталей и свидетельство личного, авторского отношения к героям и событиям, а также с прямо заявленной писательской позицией, как к официальному летописцу не вполне соответствует самому характеру *ЛвМ*. Во многом такому восприятию памятника исследователями способствовала судьба сочинения в рукописной традиции. После соединения с Киевским сводом Рюрика Ростиславича, *ЛвМ* функционировала уже как часть официального летописца, а в *Ин* ей были приданы и формальные признаки традиционной летописи: погодная сетка и киноварные заголовки, отмечающие начала княжений. К тому же текст *Ин* был положен в основу первых изданий южнорусского свода, что также способствовало вниманию исследователей именно к этому списку¹⁶⁴.

Жанровые определения галицко-волынского повествования, ранее предлагавшиеся в литературе¹⁶⁵, не вполне отражают его характер и, как

¹⁶³ В полном виде в летопись вошли только духовные грамоты Владимира Васильковича, по-видимому, актуальные для автора и его возможного адресата (князя Мстислава Даниловича). Документальные материалы в повествовании о событиях начала и первой половины XIII в. цитируются, как правило, выборочно. Например, договор между Даниилом и Белой IV о браке Романа Даниловича с австрийской эрцгерцогиней автор «за множество весь не писахомъ» (*Old Rus' Kievan and Galician-Volhynian Chronicles*. P. 307).

¹⁶⁴ Помимо изданий летописи ПСРЛ 1843, 1871 и неоднократно переиздававшегося издания 1908 г., *Ин* был положен и в основу издания отдельного текста Галицко-волынской летописи в переводе на русский язык в серии «Памятники литературы Древней Руси».

¹⁶⁵ «Светские жития князей», «собрание различных повестей» (Н. Ф. Котляр), «княжеское жизнеописание» (Д. С. Лихачев), «жизнеописание Даниила Галицкого» (А. Н. Ужанков), «близкое к жанру “gesta” произведение» (М. Фонт).

правило, используются исследователями только по отношению к его реконструируемым протографам.

Те же слова можно сказать и о соображениях историков-источниковедов о мотивах составления тех или иных гипотетических летописных сводов. Их выводы зачастую подвержены сильной модернизации и неизбежно наталкиваются на противоречия с данными самого текста, а то и ведут к непониманию его специфики. Показательно в этом плане устойчивое мнение о неуместности в тексте похвалы Роману Мстиславичу и легенды о половецких ханах-братьях Отроке и Сырчане: «...лиро-эпический текст Ипатьевской вовсе не связан органически с житием Даниила. Он вставлен позже и **довольно неумело**»¹⁶⁶; «Характерно, что это сказание как бы **разрезает текст и не связано с окружающим повествованием**»¹⁶⁷; «Поскольку автор так и не дал никаких фактических сведений о Романи, хотя исписал почти целую страницу <...>: рассказывать о княжении «приснопамятного самодержца» в Галиче он не мог или не хотел»¹⁶⁸.

Итак, в большинстве исследований XIX–XXI вв. интерес к Галицко-волынскому повествованию XIII в. южнорусского свода был сконцентрирован, главным образом, вокруг решения проблем реконструкции его источников. Основными объектами исследования при таком подходе, естественно, становились отдельные *фрагменты* текста, а не все повествование, посвященное правлению двух поколений династии Романовичей в Галицко-Волинской Руси XIII в. Соответствующим образом ставились и решались проблемы жанровой типологии и авторства, внимание исследователей было направлено на атрибуцию отдельных гипотетических протографов.

В отношении всего произведения комплекс проблем, связанных с выявлением его авторской телеологии, особенно актуален по причине

¹⁶⁶ Соловьев А. В. Заметки к «Слову о погибели Рускыя земли» // ТОДРЛ. Т. 15. М.; Л., 1958. С. 109.

¹⁶⁷ Истоки русской беллетристики. Возникновение жанров сюжетного повествования в древнерусской литературе. Л., 1970. С. 42, сноска 31.

¹⁶⁸ Горюхинов А. В. Меч Романа Галицкого... С. 222–223.

особого положения памятника в системе русского летописания и сильного проявления в нем авторского начала при множественности противоречивых гипотез, касающихся конкретной личности автора. Среди авторов произведения (точнее, его источников) обычно указывались имена киевского митрополита Кирилла II, холмского епископа Иоанна и владимирского Евсегения, либо же автору присваивались довольно общие и зачастую противоречивые характеристики ¹⁶⁹.

В силу достаточной изученности проблемы реконструкции протографов будут затронуты нами в небольшой степени. На первый план должен быть выдвинут анализ текста в его заданной автором целостности. Фрагменты, которые могут передавать сведения того или иного источника, при этом должны рассматриваться как цитата, осознанно отобранная и привлечённая в рамках авторской телеологии.

Выявление авторской телеологии предполагает обращение к герменевтическим методам и приемам той внутренней критики текста, которую В. В. Виноградов связывал с литературной эвристикой ¹⁷⁰.

Осознание целостности памятника средневекового исторического повествования, открывает новые перспективы его интерпретации. Даже канонические установки, как представляется, здесь преломляются через личность писателя. Именно эта особенность дает возможность выявить авторскую телеологию в структурировании памятника исторического повествования.

¹⁶⁹ «Некоторые думают, что летопись писана духовными лицами <...>. По нашему убеждению, вернее другое предположение, приписывающее составление ее светским лицам» (*Дашкевич Н. П.* Княжение Даниила Галицкого по русским и иностранным известиям. Киев, 1873. С. 3–4). Д. С. Лихачев полагал, что автором «Летописца Даниила» был «начитанный дружинник, соединяющий в своих писаниях приемы дружинной поэзии с формулами светской воинской повести» (*Лихачев Д. С.* Русские летописи и их культурно-историческое значение. М.; Л., 1947. С. 254).

¹⁷⁰ «Критика текста смыкается с эвристикой, то есть с учением о системе приемов, помогающих определять и находить автора сочинения путем систематизации и расшифровки данных текста...» (*Виноградов В. В.* О языке художественной литературы. М., 1959. С. 259–333).

Глава 2. Традиционные элементы жанровой и сюжетной структуры летописи волынских Мономаховичей

2.1. Жанровая топика летописно-исторического повествования в летописи волынских Мономаховичей и её авторские модификации

Изучение композиционных, сюжетных и стилистических «общих мест» летописного жанра имеет давнюю традицию в медиевистике. При этом основное внимание, как правило, уделялось «общим местам» малых жанров, развивавшихся в рамках летописания: воинских повестей, «повестей о княжеских преступлениях» (термин Д. С. Лихачева) и т.д. Жанровая топика летописно-исторического повествования в широком смысле ещё не получила такой детальной разработки как в парадигматическом аспекте, предполагающем выявление состава, комплекса наиболее характерных топосов, так и в синтагматическом, т. е. в выяснении их функций в повествовании.

В исследованиях топики средневековой русской литературы отчетливо выделяется несколько подходов, актуализирующих тот или иной аспект этого понятия. Многозначность семантики понятий «топика» и «топос» была заложена ещё в трудах Э. Р. Курциуса, который и ввёл их в терминологию литературоведения¹⁷¹. При этом в исследовательских работах сами эти понятия не всегда получают четкое определение, поскольку понимание «общих мест» литературы формировалось в отечественной научной традиции ещё до вхождения терминов «топика» и «топос», введенных Курциусом, в широкий оборот.

¹⁷¹ Первоначально в рассуждениях Курциуса сам термин «топос» по отношению к литературным текстам не был терминологической метафорой, а относился именно к тем «общим местам», которые, по наблюдениям немецкого филолога, напрямую перешли из античной риторики в литературную практику европейского Средневековья. Сам Курциус понимал содержание понятия «топика литературы» очень широко и не дифференцированно, включая в него риторические топосы-аргументы, поэтические формулы собственно литературного происхождения и «имперсональные» образы-архетипы.

Обращение медиевистов к исследованию топики имело целью, прежде всего, решение задач типологии, предполагало выявление в конкретных текстах некоторых типологически обусловленных моделей повествования. В самом широком плане задачей исследования топики является конструирование комплекса типических элементов жанра, литературы, национальной¹⁷² или еще шире – религиозной (христианской) культуры.

В литературоведческих исследованиях часто отмечается недостаточная определенность самих терминов «топика» и «топос»¹⁷³, что объясняется существованием нескольких научных традиций, развивавших разные подходы к исследованию топосов и «общих мест». Укажем на некоторые основные направления, получившие развитие в отечественной медиевистике.

Достаточно недавно оформился подход к изучению «общих мест», который можно определить как генетический. Его главной целью является установление генезиса тех или иных «общих мест» литературных жанров, поиск их внелитературных истоков.

На материале фразеологии, устойчивых словосочетаний проблема происхождения «общих мест», «типических формул» летописного повествования, их перехода из сферы древнерусского быта, из обыденной речевой практики в сферу литературы была поставлена в статьях О. В. Творогова¹⁷⁴.

Примерами исследований, в которых поставлена задача поиска генетических истоков «общих мест» летописного повествования на уровне

¹⁷² См. *Панченко А. М.* Русская культура в канун Петровских реформ / *Панченко А. М.* Я эмигрировал в Древнюю Русь. Россия: история и культура. Работы разных лет. СПб., 2008. С. 306.

¹⁷³ См. *Руди Т. Р.* Топика русских житий (вопросы типологии) // *Русская агиография: исследования, публикации, полемика.* СПб., 2005. С. 60; *Конявская Е. Л.* Проблема общих мест в древнеславянских литературах (на материале агиографии) // *Ruthenica.* Т. 3. 2004. С. 81–82.

¹⁷⁴ *Творогов О. В.* Задачи изучения устойчивых литературных формул Древней Руси // *ТОДРЛ.* Т. 20. М.; Л., 1964. С. 37; *его же* Традиционные устойчивые словосочетания в Повести временных лет // *ТОДРЛ.* Т. 18. М.; Л., 1962. С. 279–281.

мотивов можно назвать также недавние статьи Е. А. Мельниковой¹⁷⁵ и П. А. Ролланда¹⁷⁶. Выполненные на материале определенной группы текстов, жизнеописаний первых русских князей в составе ПВЛ, эти исследования ставят основной акцент на задачах выяснения генезиса летописного повествования и поиска его связей с формами исторической памяти, восходящими к «дописьменному историзму»¹⁷⁷.

В отечественной традиции одним из первых исследований топики стала статья А. С. Орлова¹⁷⁸, посвященная «общим местам» определенного литературного жанра (воинской повести), которая положила начало жанрово-типологическому направлению.

В дальнейшем этот подход показал свою плодотворность в установлении типологических моделей агиографических жанров в исследованиях Т. Р. Руди, В. К. Васильева, О. В. Панченко и др. Он ориентирован в первую очередь на создание типологии древнерусских литературных жанров с построением некоторых инвариантных жанровых моделей. Идея о продуктивности этих моделей в литературе основана на представлении о системном характере употребления топосов в произведениях определенного типа. Особенно плодотворным оказалось изучение в таком аспекте памятников агиографии с их жанровыми подтипами (преподобническое, мученическое житие и т.п.).

Наконец, третье направление исследований топики можно условно определить как культурологическое (культурно-типологическое). Такой подход к «общим местам» средневековой русской литературы был заявлен в 1980-х гг. в статье А. М. Панченко. Здесь топосы рассматриваются не

¹⁷⁵ Мельникова Е. А. Историческая память в устной и письменной традициях (Повесть временных лет и «Сага об Инглингах») // Древнейшие государства Восточной Европы, 2001 год: Историческая память и формы ее воплощения. М., 2003. С. 48–92.

¹⁷⁶ Ролланд П. А. Модели повествования в «Повести временных лет» // ТОДРЛ. Т. 60. СПб., 2009. С. 259–266.

¹⁷⁷ В упомянутых работах сам термин «топика» не используется. Мельникова предпочитает термин «сюжетообразующий мотив», а Ролланд – «повествовательный элемент». Но речь здесь идет, по сути, о топосах – устойчивых элементах жанра.

¹⁷⁸ Орлов А. С. Об особенностях формы русских воинских повестей (кончая XVII в.) // ЧОИДР. 1902, кн. 4. С. 1–50.

столько как константы жанра, но выводятся их на более широкий уровень, т. е. уровень национальной культуры, поскольку ставится задача проследить процесс их эволюции на пространстве русской культуры в целом. Тот или иной топос, эвристически выделяемый в литературных произведениях разного времени, служит инструментом для выявления типичных элементов национальной культуры и их актуализации в ходе её развития. Топика культуры определяется как «запас устойчивых форм», которыми располагает культура, и которые остаются «актуальны на всем её протяжении»¹⁷⁹. Топос в национальной культуре выступает уже не только как эстетическая, но и как аксиологическая категория: «чрезвычайно важно, что в них (*loci communes*) нераздельно слиты аспект поэтический и аспект нравственный. Возможно, следует говорить не просто о топике искусства, а о национальной аксиоматике»¹⁸⁰. При таком понимании содержание понятия «топос» оказывается почти тождественным таким категориям, как архетип, мифологема и т. п.

Пересечение смыслового наполнения терминов «топос» и «общее место», столь часто отмечаемое в литературе, по нашему мнению, вызвано различной традицией их использования в медиэвистике и классической филологии.

Для внесения ясности в понимание данных терминов применительно к средневековой эстетике следует иметь в виду их функции в эстетике античной. Обратимся для этого к рассуждениям С. С. Аверинцева, изложенным в статье «Риторика как подход к обобщению действительности».

Аверинцев отмечал, что «...для античного риторического взгляда на вещи *κοινος τοπος* есть нечто абсолютно необходимое, а потому почтенное. Общее место – инструмент абстрагирования, средство упорядочить, систематизировать пестроту явлений действительности, сделать эту пестроту

¹⁷⁹ Панченко А. М. Топика и культурная дистанция // Историческая поэтика. Итоги и перспективы изучения. М., 1986. С. 309.

¹⁸⁰ Там же. С. 246.

легко обозримой для рассудка»¹⁸¹. Топос в античном литературном сознании был тесно связан с поэтикой «синкрисиса», основанной на сопоставлении явлений по некоторым предельно абстрактным признакам («общие места»). Поэтика сопоставления «имела своей “сверхзадачей” <...> эффект восхождения от конкретного к абстрактному, к универсалиям»¹⁸². Поэтикой синкрисиса, как доказывает Аверинцев, была обусловлена и структура литературных жанров, таких как классическая античная биография. Эта структура чётко формулировалась в позднеантичных руководствах по риторике, где каждая рубрика биографии, каждый пункт «несет в себе самом потенцию синкрисиса: «происхождение» для того и разбито на четыре составляющих, чтобы сразу же усмотреть, что такой-то герой превосходит такого-то по признаку «народа» или «отечества», но уступает ему по признаку «предков» или «родителей»¹⁸³.

В литературе и искусстве раннего Средневековья, что свойственно культуре идеационального типа, ориентировавшейся на воспроизведение первообраза («эстетика тождества»), эстетическая функция топоса становится во многом иной. «Общее место» служит здесь не столько сопоставлению различных явлений по неким абстрактным признакам, сколько для напоминания об идеальном первообразе, к воспроизведению которого стремился средневековый писатель¹⁸⁴.

Если для жанров биографического и исторического повествования, сложившихся в античности, определяющее значение имела поэтика синкрисиса, то для средневековых – уподобления (так называемый принцип *imitatio*, литературный этикет). Средневековый писатель стремился в первую очередь вызвать у читателя узнавание в событии или эпизоде биографии

¹⁸¹ См. Аверинцев С. С. Риторика как подход к обобщению действительности // Аверинцев С. С. Риторика и истоки европейской литературной традиции. М., 1996. С. 159.

¹⁸² Там же. С. 163.

¹⁸³ Там же. С. 164.

¹⁸⁴ Руди Т. Р. Топика русских житий... С. 63.

героя идеального первообраза или исторического примера, к различиям он был не столь внимателен ¹⁸⁵.

В связи с очень широкой семантикой самого термина «топос» в медиевистике, вызванной различием исследовательских подходов, мы сформулируем удобное для наших целей определение термина. Разграничение «топосов» и «общих мест» мы будем проводить по линии их семантической нагруженности. Так, топос, каким бы ни было его конкретное выражение в тексте, всегда подразумевает отсылку к некоторой парадигме, целостной семантической структуре. Топос всегда входит в системные связи с другими элементами этой структуры, даже если не всегда можно наблюдать полное воплощение всей топической системы в конкретном тексте. Выделяя тот или иной топос в литературном произведении, следует «прочитывать» его именно как значимую для автора и для читателя отсылку к определенной концептуальной парадигме (например, к чину святости в агиографии).

В отличие от топоса «общее место» ¹⁸⁶ удобно рассматривать как некоторый речевой штамп, интертекстуальные связи которого с той или иной парадигмой, системой (жанровой или внежанровой) могут быть ослаблены. Итак, имея в виду понимание «общего места» в античной и средневековой эстетике, можно достаточно надежно разграничить собственно топосы и традиционные словосочетания (формулы) ¹⁸⁷. Переход топоса в статус

¹⁸⁵ Об этом, в частности, свидетельствует продуктивность принципа *translatio nominis* в средневековой агиографии и красноречии (см. *Панченко О. В.* Поэтика уподоблений (к вопросу о «типологическом» методе в древнерусской агиографии, эпидейктике и гимнографии) // ТОДРЛ, Т. 54. СПб., 2003. С. 494).

¹⁸⁶ Это различие проводится также и в риторике, где именно «*argumentorum loci (общие суждения)*», отвлеченные от определенной ситуации, называются “*loci communes*” и используются для амплификации ораторского произведения <...>. Переносившиеся из одного текста в другой, они становились набором формул, которые употреблялись независимо от содержания» (*Буланин Д. М.* Античные традиции в древнерусской литературе XI–XVI вв. München, 1991. С. 217–218).

¹⁸⁷ Необходимость подобного разграничения была давно осознана в медиевистике. Так, О. В. Творогов предложил различать «устойчивые словосочетания» и «традиционные ситуативные формулы» (*Творогов О. В.* Задачи изучения устойчивых литературных формул Древней Руси // ТОДРЛ. Т. 20. М.; Л., 1964. С. 32), Е. Л. Конявская считает, что «для “общих мест” целесообразно сохранить термин “топос”, а повторяющиеся слововыражения уместно называть формулами» (*Конявская Е. Л.* Проблема общих

«формулы», «окаменелости» (по выражению А. Н. Веселовского) свидетельствует о том, что литература утрачивает интерес к творческой разработке той или иной идеи, образа и т. д.

Если говорить о жанровой топике, то здесь топосом является наиболее устойчивый в ходе исторического развития жанра его структурный элемент, тогда как его мотивное или словесное воплощение может значительно варьировать и претерпевать трансформацию в ходе эволюции жанра.

Жанровый топос правомерно рассматривать в соответствии с его риторической и коммуникативной природой, т. е. как структурный элемент текста, который служит для развития определенной темы, введение которого **побуждает** автора к обращению к соответствующим сюжетам, мотивам, цитатам, стилистическим формулам. При этом не стоит переоценивать устойчивость и шаблонность самих этих мотивов, стилистических формул и цитат, поскольку топика при своей устойчивости обнаруживает и способность к творческому развитию ¹⁸⁸.

Удачное определение термина, учитывающее большую вариативность воплощения топика, было предложено Д. Чижевским: «τόποι – это не жесткие формулы, но скорее лишь темы, которые каждый писатель может разрабатывать по-своему, в некотором роде рамки, которые оставляют место для весьма разнообразного содержания, оправа, в которую можно и должно заключить всевозможные конкретные украшения» ¹⁸⁹.

Представление о системности топосов в средневековых исторических сочинениях не является модернизацией, а вполне адекватно средневековому историческому и литературному сознанию. Характерным примером отношения средневекового автора к самому жанру исторического

мест... С. 83). Однако не все исследователи настаивают на таком строгом разграничении (См. *Ранчин А. М.* О принципах герменевтического изучения древнерусской словесности // *Древней Русь: вопросы медиевистики.* 2001. № 2 (4). С. 21; *Руди Т. Р.* Топика русских житий... С. 61).

¹⁸⁸ *Руди Т. Р.* Топика русских житий... С. 451–452.

¹⁸⁹ Цитата приводится в переводе Д. М. Буланина (*Античные традиции в древнерусской литературе...* С. 218).

повествования как целостному и имеющему свои элементы выступают слова одного из авторов хроники Продолжателя Феофана. Византийский писатель использует для характеристики своего повествования пространственную метафору: «Феофан завершил повествование царствованием куропалата Михаила <...>. Мы же, как бы добавляя к голове прочие члены, представляем свою историю не полузаконченной, но *полной* и передаем для потомков следующих поколений»¹⁹⁰. Писатель здесь уподобляет свое повествование телу. Эту метафору, достаточно устойчивую в византийской литературе, следует понимать именно как стремление писателя к достижению «соразмерности членов» в *рассказанной* истории.

Рассматривая *ЛвМ* как особую жанровую разновидность исторического повествования и концептуально выстроенное произведение, мы опираемся на понимание средневековой истории как системы, в которой все жанрово-стилистические элементы скреплены единой историософской концепцией, выдвинутое Е. И. Дергачевой-Скоп в ходе исследования жанровой специфики «Истории Сибирской» С. У. Ремезова. В нём показано, как многокомпонентный летописный жанр становится моножанром, все компоненты которого представляют единое целое, объединенное авторской концепцией¹⁹¹.

Именно установка на системность топики в жанрах исторического повествования, а не столько на её повторяемость и устойчивость¹⁹² должна быть положена в основу изучения памятника как авторского произведения.

¹⁹⁰ Продолжатель Феофана..., 2009. С. 7. В другом месте писатель развивает эту метафору: «Тело истории, не объясняющей причин событий, пусто и бессильно» (Каждан А. П. История византийской литературы (850–1000 гг.). Эпоха византийского энциклопедизма. СПб., 2012. С. 162–163). Сходные образы использует и Анна Комнина.

¹⁹¹ Дергачева-Скоп Е. И. Заметки о жанре «Истории Сибирской» С. У. Ремезова: Статья 2 // Вопросы русской литературы Сибири XVII–XX вв. Новосибирск, 1974. С. 16–17).

¹⁹² Т. Р. Руди называет среди характеристик литературного топоса его «устойчивость (в диалектическом единстве с развитием), закрепленность за определенным элементом композиции памятника <...>, повторяемость и действенность» (Руди Т. Р. Топика русских житий... С. 62). В агиографических жанрах эта устойчивость системы топосов обеспечивается каноном, поэтому простое проецирование методики жанрово-

Одним из универсальных топосов для разнообразных исторических повествований является краткий или пространный ретроспективный экскурс. Мы условно определяем его как *«начало истории»*. Особенно этот топос типичен для экспозиций к основному повествованию. Само по себе его введение не всегда может быть строго связано с определенным словесным или мотивным воплощением¹⁹³, как может различаться и тематика (история области, города, племени, рода, или истоки какой-либо исторической коллизии). Однако при его оформлении наблюдается устойчивое обращение писателей-историков к легендарным сюжетам, приёмам эпической стилизации.

В мотивной реализации этого топоса в древнерусском летописании сыграло роль, вероятно, как воздействие библейских образцов (родословий, генеалогий), так и устных, фольклорно-эпических (например, легенды о Кие, Щеке и Хориве в древнейшем летописании). Топос *«начала истории»* демонстрирует свою устойчивость на протяжении развития русского летописания и проявляется в генетически связанных с ним исторических повествованиях.

Приведем примеры его реализации в памятниках исторической прозы самого разного происхождения, характера и времени:

«А о первом зачале царства Казанского, в кое время, како зачася, не обретох въ летописцех Руских, но мало в Казанских видях; много же речью пытах ото искуснейших людей Руских, и глаголаше тако ин и инако, ни един же поведае истины <...> О первом начале Казанского царства, и о местном угодые, и о змеином жилище...» (Казанский летописец);

«Во первых почася монастырь Густынски общежительны, святая обител сия, от святыя обители монастыря Межигорского, за предстательства честнаго мужа игумена Афанасия...» (Густынский монастырский летописец);

типологического анализа на историческое повествование не представляется продуктивным.

¹⁹³ Хотя можно указать на сопутствующие выражения типа «как зачася», «скажем о начатыи», «а се зачало...», часто используемые летописцами в таких случаях.

В памятниках позднего литовского летописания данный топос воплощается в легенде о переселении мифического предка литовских князей Палемона из Рима на Неман («Кройника Великаго Княжества Литовскаго и Жомойтскаго»). В других летописях он реализуется в формате генеалогий («Родословие великих князей литовского княжества»).

Наконец, в возникшем в XV в. молдавском летописании в качестве «начала истории» устойчиво закрепилось предание о приходе воеводы Драгоша из Венгрии «за туром на лов» и его двухлетнем правлении в Молдавской земле (Быстрицкая летопись, Славяно-Молдавская летопись 1359–1512 гг., Путнянская I летопись и т.д.).

Итак, топос «начало истории» устойчиво проявляется в памятниках различных традиций, направлений и эпох, что позволяет считать его одним из важнейших жанровых топосов исторического повествования вообще.

В *ЛвМ* топос «начало истории» выявляется нами в её экспозиции и прочно связан с образом Романа Мстиславича (около 1150–1205) – основателя правившей в XIII в. династии галицко-волынских князей.

Один из часто возникавших вопросов при изучении состава южнорусского летописного свода XIII в. – почему в нем отсутствует история княжения Романа Галицкого – был поставлен уже в середине XVIII в. анонимным читателем *Хл.* Об этом свидетельствует его приписка на полях начальной статьи *ЛвМ*: «тут много чого нема»¹⁹⁴.

Столь неожиданное отсутствие пространного рассказа о княжении на Волыни и в Галиче одного из самых влиятельных местных князей в волынском по своему происхождению летописном своде получило различное объяснение в исследовательской литературе.

В. Т. Пашуто объяснил лакуну в летописном рассказе враждебностью Романа Мстиславича киевским князьям-Ростиславичам, почему этот материал и не попал в Киевский свод. При соединении киевской и волынской летописей сводчик-сторонник Романовичей, по версии исследователя, не мог

¹⁹⁴ The Old Rus' Kievan and Galician-Volhynian Chronicles. P. 621.

располагать какими-либо сведениями о княжении их отца, даже будучи практически его современником. Однако он должен был обладать достаточным материалом, чтобы «дополнить киевский текст кусками галицко-волынского повествования XII в.»¹⁹⁵. При этом Пашуто полагал, что «собственного летописца Роман Мстиславич завести не успел»¹⁹⁶.

Существование летописца, излагающего историю княжения Романа Галицкого, вызывало сомнения также у М. Д. Приселкова¹⁹⁷ и Д. С. Лихачева¹⁹⁸.

Предположение о наличии в Киевском своде каких-либо следов княжеского летописца Романа Мстиславича, фрагменты которого на том или ином этапе редактирования протографа *Ин-Хл* могли быть внесены в его повествование за XII в., было высказано Н. Г. Бережковым. Однако в настоящее время его выводы оспариваются¹⁹⁹.

Если бы удалось установить существование летописца Романа Мстиславича, то правомернее было бы предполагать именно его²⁰⁰ связь в протографе с *ЛвМ* XIII в. По данным Бережкова, возможно, существовал владими́ро-во́лынский источник *Ин-Хл*, который должен был пользоваться сентябрьским началом года²⁰¹. Употребление такого календарного стиля в целом нехарактерно для киевского летописания XII в. В то же время именно по сентябрьскому стилю приводятся несколько точных дат в *ЛвМ*.

Б. А. Рыбаков, пользуясь той же аргументацией, что и Бережков, предполагал, что сведения из княжеского летописца Романа Мстиславича могли быть использованы как источник игуменом Моисеем и войти в его свод на более раннем этапе, еще до соединения свода Моисея с *ЛвМ*²⁰².

¹⁹⁵ Пашуто В. Т. Очерки по истории Галицко-Волынской Руси. С. 17.

¹⁹⁶ Там же.

¹⁹⁷ Приселков М. Д. Летописание Западной Украины и Белоруссии. С. 292.

¹⁹⁸ Лихачев Д. С. Русские летописи и их культурно-историческое значение. С. 257-258.

¹⁹⁹ См. Горovenko А. В. Меч Романа Галицкого... С. 227.

²⁰⁰ А не гипотетической летописи галицких Ростиславичей.

²⁰¹ Бережков Н. Г. Хронология русского летописания. М., 1963. С. 184–185.

²⁰² «Что у Романа был свой летописец, явствует из отрывка под 6681 (август 1170 г.): <...> Так как отец Романа умер в августе, то «исходящим» год можно определить только

Оставляя в стороне проблему возможного воздействия волынских источников XII в. на текст Киевской летописи, отметим пока, что пополнение свода Рюрика Ростиславича на этапе его соединения с *ЛвМ*, – если вслед за А. А. Шахматовым, М. Д. Приселковым и В. Т. Пашуто представлять его в виде обширного свода с охватом событий почти в три столетия – неизбежно повлекло бы за собой планомерную редакцию многочисленных компрометирующих Романа сообщений Киевского свода. Некоторые наши наблюдения по этому поводу мы изложим в разделе 3.1.

О происхождении, источниках и времени внесения похвалы Роману Мстиславичу в *ЛвМ* также были высказаны самые разные предположения. Большинство исследователей признает, что похвала и следующий за ней рассказ о победе Владимира Мономаха над половцами и изгнании хана Отрока «во Обезы» являются вставками, причем высказывались разные мнения об их возможном источнике.

В. Ф. Миллер предполагал, что похвала Роману с большой вероятностью могла бы оказаться той частью «Слова о полку Игореве», которая оказалась утрачена в его единственном списке: «...из строк, внесенных в галицко-волынскую летопись под 1201 годом можно, по-видимому, вывести заключение, что внесший их был знаком со “Словом” и что в то время оно, быть может, было полнее, чем дошедшее до нас в пушкинской рукописи»²⁰³.

Л. В. Черепнин видел в этой экспозиции самостоятельное произведение, либо вошедший в летопись отрывок эпического цикла, частью которого ему представлялось и «Слово»²⁰⁴.

по сентябрьскому счету, неупотребительному в Киевской земле (*Рыбаков Б. А.* Русские летописцы и автор «Слова о полку Игореве». М., 1972 С. 150, сноска 7).

²⁰³ *Миллер В. Ф.* Взгляд на Слово о полку Игореве. М., 1877. С. 142.

²⁰⁴ «...фрагменты того же цикла представляют собой вошедшие в состав Летописца отрывки несохранившихся повестей о Владимире Мономахе и Романе Галицком и повесть о половецких ханах» (*Черепнин Л. В.* Летописец Даниила Галицкого. С. 240).

А. С. Орлов указывал на вероятные книжные образцы, оказавшие влияние на стилистику похвалы: «Хронику» Иоанна Малалы и «Александрию»²⁰⁵.

Б. А. Рыбаков называл похвалу князю отрывком летописи-поэмы о Романе²⁰⁶.

А. Н. Ужанков, исходя из гипотезы о двух этапах редактирования Летописца Даниила Галицкого, связывает внесение похвалы Роману и половецкой легенды с работой автора его второй редакции. Этому же автору исследователь атрибутирует упоминания о князе Романе в дальнейшем повествовании, а также вставку об истории Холмской епархии²⁰⁷. Из версии Ужанкова следует, что первичная редакция печатника-митрополита Кирилла не содержала похвалы Роману и вообще мотивов наследования «славы» Романа его сыновьями²⁰⁸.

Наконец, современный историк А. В. Горовенко считает панегирик Роману вставкой, которая была внесена самим автором повествования о княжении Даниила Галицкого, но уже на более позднем этапе редактирования, а именно при соединении Киевского свода с Летописцем Даниила²⁰⁹. Её внесением книжник, по мнению ученого, стремился заполнить «семилетнюю хронологическую лауну между последним известием Киевского свода (сентябрь 1198 г.) и началом жизнеописания Даниила Романовича»²¹⁰.

Типологически эта экспозиция к *ЛвМ* может быть соотнесена со вступительными разделами, прославляющими деяния основателей династий

²⁰⁵ Орлов А. С. К вопросу об Ипатьевской летописи. С. 104.

²⁰⁶ Рыбаков Б. А. «Слово о полку Игореве» и его современники. М., 1971. С. 95.

²⁰⁷ Ужанков А. Н. Проблемы историографии и текстологии... С. 367.

²⁰⁸ «Нет, однако, однозначного ответа на вопрос, почему именно автор второй редакции «Летописца» проводил параллель между князем Романом и его сыном Даниилом, а автор первой редакции не вспоминал отца князя Даниила» (Там же).

²⁰⁹ Горовенко А. В. Меч Романа Галицкого. С. 232.

²¹⁰ Там же. С. 223.

как в западноевропейской хронистике²¹¹, так и в исторических повествованиях, связанных с древнерусским летописанием²¹². Здесь реализуются два типологических элемента, которые мы определяем как топосы «*начала истории*» и «*происхождения героя*», необходимые для целостного исторического повествования. Реализация здесь этих топосов уже указывает, по нашему мнению, на авторский характер похвалы. Панегирик Роману в таком случае не является простой вставкой, а открывает особую повествовательную систему – летописно-династическую. Об этом свидетельствует выбор топики, направленной на реализацию определенной стратегии повествования. С этой точки зрения становится понятен выбор автором эпического и панегирического стилей для презентации образа предков династии Романовичей.

Топос «происхождения героя» был укоренен в риторической структуре античных жизнеописаний и энкомиев²¹³, обязателен он и для житийного канона²¹⁴, где обычно реализуется в виде похвалы благочестивым предкам святого. Для древнерусского летописания XI–XII вв. он не был столь характерен, за исключением некоторых вошедших в летопись агиографических текстов. Примером его реализации в более позднем летописании можно назвать генеалогию князя Михаила Александровича в «Предисловии летописца княжения Тферскаго»: «Да всем ведомо будет, от

²¹¹ См. об этом в нашей статье: *Подопригора В. В.* О презентации образа Романа Мстиславича в Галицко-Волынской летописи // Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2012. Т. 11, вып. 12. С. 165.

²¹² Например, упоминавшиеся выше экскурсы о происхождении рода литовских князей в белорусско-литовском летописании.

²¹³ В структуре классической античной и византийской биографии, которая соотносится с эпидейктическими жанрами, ему соответствует рубрика *γένος*.

²¹⁴ Об осознании писателями-агиографами обязательности данного топоса, даже если они не располагали достаточным материалом, свидетельствуют высказывания в житийных текстах. Например, в житии Всеволода Псковского сказано: «а еже от младых ногтей житие его не свем и не обретох нигдеже» (*Ключевский В. О.* Древнерусские жития святых как исторический источник. М., 1988. С. 257). Что касается исторического повествования, то аналогичным примером могут служить слова одного из авторов Казанского летописца: «А о первом зачале царства Казанского, в кое время, како зачаса, не обретохъ в летописцехъ Руских, но мало в Казанских видехъ; много же речью пытахъ ото искуснейших людей Рускихъ, и глаголаше тако инъ и инако, ни един же поведае истинны» (История о Казанском царстве (Казанский летописец). СПб., 1903. С. 3).

которого богосадного корени таковаа доброплоднаа отрасль, или реку ветвь, израсте и разум же дает»²¹⁵.

Включение в летопись вступительного панегирика предкам князя – достаточно редкое явление для старшего летописания, где более привычны посмертные похвальные слова²¹⁶. По своим стилистическим приемам, создающим эпический образ могущественного князя-самодержца, похвала Роману Мстиславичу часто сближается с некрологом Ярославу Осмомыслу в статье 1187 г. Киевского свода. Однако по своей функции и формату эти панегирики прямо противоположны. В похвале Роману отсутствуют традиционные для некрологической похвалы указание на место погребения, порядок совершения отпевания («певше обычныя песни»), соматопсихограмма героя и т.п.

Похвала, открывающая повествование о мятеже в Галицкой земле и судьбе сыновей Романа, выполняет вполне четкие функции, для чего автор сознательно обращается к определенным стилистическим приёмам. Этот экскурс в историю рода служит для создания героизированных образов, помещенных в «эпическом времени». Это время исчисляется не хронологически, а путем апелляции к родовой памяти и введения двух генеалогических рядов: княжеской династии Владимира Мономаха и рода половецких ханов-Шаруканидов – Отрока, Сырчана и Кончака.

Характеристика Мономаха и его потомка Романа воплощает здесь значимую для повествования об истории династии фигуру её основателя: Роман представлен в образе христианского государя («ходяща по заповедем

²¹⁵ Предисловие Летописца княжения тферскаго благоверных великих князей тферьских // ПСРЛ. Т. 15. М., 1965. Ст. 464.

²¹⁶ Украинский историк Л. В. Войтович рассматривает летописную похвалу Роману именно в таком качестве, как завершающий несохранившийся личный летописец Романа посмертный некролог (*Войтович Л. В. До волинського літописання. С. 71*). Между тем, здесь не приведена даже дата гибели Романа и место погребения, хотя они известны по другим летописям, отражающим раннюю традицию и сообщающим о погребении Романа в церкви Святой Богородицы в Галиче (Лавр., 425; Воскр., 112). По менее достоверному свидетельству Яна Длугоша, тело Романа было выкуплено русскими для погребения во Владимире (*Ян Длугош. Польская история // Древняя Русь в «Польской истории» Яна Длугоша. М., 2004. С. 349*). В любом случае, автору, близкому семье потомков князя, дата гибели Романа и место его погребения должны были быть известны.

Божиим»), который положил начало объединению земель («самодержец всея Руси») и одержал победу над язычниками-агарянами.

Я. С. Лурье отмечал, что в *ЛвМ* «богаче, чем в других летописях XII–XV вв. отражена <...> фольклорно-эпическая традиция»²¹⁷, имея в виду, прежде всего, именно похвалу Роману и, возможно, половецкое по своему происхождению сказание об Отроке и Сырчане. При этом «легенда о траве емшан» представляет собой практически единственный сюжетно целостный эпический нарратив в составе *ЛвМ*. В остальном повествовании можно говорить только об элементах эпической стилизации на уровне мотивики, впрочем, довольно малочисленных²¹⁸.

На вопрос, лежат ли в основе похвалы и легенды фольклорные или книжные источники, пока можно ответить лишь гипотетически²¹⁹. Однако сейчас для понимания данного фрагмента нам важен герменевтический принцип разграничения генезиса и функции²²⁰.

Локализация легендарно-эпического материала именно в экспозиции к основному повествованию не может быть объяснена как случайная вставка или результат намерения составителя всего лишь заполнить лакуну между Киевским сводом XII в. и его продолжением. Его введение в повествовательный ряд служит средством помещения подвигов предков волынских Мономаховичей в легендарно-эпическом хронотопе (топос *происхождения героя*) и направлено на формирование соответствующего восприятия начала истории династии. Похвала Роману и Мономаху и легенда

²¹⁷ Лурье Я. С. К изучению летописного жанра // ТОДРЛ. Т. 27. Л., 1972. С. 87.

²¹⁸ О возможных истоках фольклорно-эпических приемов в стиле памятника см. Черепнин Л. В. Летописец Даниила Галицкого. С. 236–241; Котляр Н. Ф. Устные источники Галицко-Волынской летописи // ТОДРЛ. Т. 57. СПб., 2006. С. 104–107.

²¹⁹ Согласно наиболее распространенной точке зрения легенда восходит к некоей половецкой песне (*Приселков М. Д.* Летописание Западной Украины и Белоруссии) / *Приселков М. Д.* История русского летописания XI–XV вв. СПб., 1996. С. 289.

²²⁰ «Тот или иной мотив, образ, эпизод, сюжет должен определяться не по своему происхождению, а по функции в тексте» (*Ранчин А. М.* О принципах герменевтического изучения древнерусской словесности // Древняя Русь: вопросы медиевистики. 2001. № 2 (4). С. 73).

о Сырчане и Отроке как бы «программируют» ход дальнейшего повествования.

Автор вполне мог обратиться к устному эпосу о Романе Мстиславиче, который, вероятно, начал складываться уже в XIII в., а его отголоски сохранялись в северорусском фольклоре ещё в конце XIX в. Так, некоторые черты образа Романа в похвале *ЛвМ* весьма близки к известным по записям конца XIX в. былинам о князе Романе, прототипом которого считается именно галицко-волынский князь.

Великорусские былины наделяют князя Романа «хитростью и мудростью», что оказывается созвучно его характеристике в *ЛвМ*. Вероятно, к поэтике устного эпоса автор обращается, вводя в похвалу многочисленные зооморфные сравнения: «устремил бо ся бяше на поганья, яко лев», «и губяше, яко и коркодил» и т.д. В то же время в былине о набеге на владения Романа двух племянников короля Литовского²²¹ князь наделяется способностью обращаться в серого волка, ворона и «горносталя»²²².

Топос «начало истории», несомненно, присутствовал в писательском сознании автора. Об этом свидетельствует, в частности, его намерение привести сказание о галицком кургане и «начале» Галича, даже сопровождаемое подходящим для его оформления выражением «откуда ся почал». Но на первом плане, в экспозиции ко всему повествованию, автор поместил именно историю предков Романовичей, собираясь рассказать об основании Галича в дальнейшем: «и посем скажем о Галичине могиле и о начале Галича»²²³.

Если сам Роман Мстиславич выступает в *ЛвМ* как правитель, своими подвигами положивший начало династии, то его наследники представлены в роли «обновителей» славы отца, в ходе излагаемых событий утрачивающих

²²¹ Былина известна в нескольких вариантах. См. *Жданов И. Н.* Русский былевой эпос. Исследования и материалы. I–V. СПб., 1895. С. 462.

²²² Там же. С. 513.

²²³ *The Old Rus' Kievan and Galician-Volhynian Chronicles*. P. 310. Это обещание книжника, впрочем, осталось невыполненным, что вполне может быть объяснено его утратой в окончательно сложившемся тексте.

или достигающих её. Панегирические сравнения героев с князем Романом часто используются автором в концовках «воинских» эпизодов (Ип, 813, 835). Указание на родство с Романом включается также в титулатуру волынских князей (в том числе и в документы в составе *ЛвМ* – духовные грамоты Владимира Васильковича и устав на ловчее Мстислава Даниловича).

Такая «эпическая» презентация образа Романа Мстиславича как прославленного родоначальника остается актуальной для всего повествования *ЛвМ*, а не только лишь для той части, которая считается восходящей к Летописцу Даниила Галицкого. Сравнение с Романом сопровождает рассказ о деяниях не только князей-воинов Даниила и Василька, но и представленного в *ЛвМ* миротворцем, «книжником и философом» Владимира Васильковича. Это придает единую идейную установку всему повествованию об истории волынских Мономаховичей – «обновление» потомками славы основателя рода. Например, сообщение о построении города Каменца сопровождается авторским замечанием, что новый город был поставлен на земле, опустевшей «по 80 лет по Романе»²²⁴. Сопоставление предка и наследника включено автором и в посмертный плач волынских горожан по Владимиру: «Добро бы нам, господине, с тобою умерети, сътворишему толику свободу, якоже и дед твои Роман: свободил бяше от всех бед (*в Ип* – «*обидь*»). Ты же бяше, господине, сему поревновал и наследил путь деда своего»²²⁵.

Если принять выводы Н. Г. Бережкова и Б. А. Рыбакова о существовании личного княжеского летописца Романа Мстиславича, то автор *ЛвМ* вполне мог располагать достаточными материалами и для пространныго, основанного на летописном источнике рассказа о его княжении или хотя бы для краткого некролога, какие, например, составлял игумен Моисей. Однако книжник к этому явно не стремился, как и к тому, чтобы только лишь

²²⁴ The Old Rus' Kievan and Galician-Volhynian Chronicles. P. 368.

²²⁵ Ibid. P. 385.

заполнить возникшую лакуну между окончанием Киевского свода и началом своего сочинения.

Главная стратегия повествования – апология династии Романовичей побуждает автора изложить её происхождение от героических предков, Романа Мстиславича и Владимира Мономаха – «великого князя всея Руси» (Ип., 289). Таким образом, стремление представить происхождение рода выступает в *ЛвМ* как повествование не специально биографическом, а историческом как концептуальное *начало династической истории*²²⁶. В этой связи получает объяснение использование эпического стиля и легендарного материала²²⁷.

Итак, *ЛвМ* как целостное повествование об истории династии получает свое концептуальное начало в похвале предкам волынских Мономаховичей. Приёмы легендарно-эпической стилизации в данном случае отличают *ЛвМ* от летописного повествования с его открытой структурой, которое разворачивается в линейной последовательности и тенденцию которого не всегда возможно явно проследить или реконструировать²²⁸.

²²⁶ О концептуальной значимости мотивного наполнения топоса, называемого нами «началом истории», в таком историческом повествовании, как Казанская история (здесь он воплотился в легенде о происхождении казанцев от аспиды и «злого древа») писал В. К. Васильев: «Сюжет, рассказывающий о судьбе татарского царства <...> представляет типологическую параллель жизнеописания «природного» злодея (каким, например, выступает князь Святополк в произведениях борисоглебского цикла)» (Васильев В. К. Сюжетная типология жанра жития в русской литературе XI–XVI вв.: автореф. дис. <...> канд. филол. наук: 10.01.01 / Васильев Владимир Кириллович. Томск, 2008. С. 17).

²²⁷ Устойчивость в оформлении топоса *начала истории* легендарно-эпическими сведениями проявлялась и в позднейшей летописной традиции, а также в отличных в жанровом отношении от старшего летописания сибирских летописях. В авторском историческом повествовании XVII в., «Истории Сибирской» С. У. Ремезова, топонимические и родовые легенды выступают как жанрово-конструктивные элементы летописного стиля (=топосы) (Дергачева-Скоп Е. И. Заметки о жанре «Истории Сибирской» С. У. Ремезова: Статья 1 // Вопросы русской и советской литературы Сибири. Новосибирск, 1971. С. 62, 64).

²²⁸ См.: Дергачева-Скоп Е. И. К проблеме поведения текста в контексте: древнерусская повесть в летописных сводах и летописно-хронографических компиляциях // Гуманитарные исследования: итоги последних лет: Тез. науч. конф., посвящ. 35-летию ГФ НГУ. Новосибирск, 1997. С. 161.

Соматопсихограммы²²⁹ – восходящие к традициям византийской хронографии характеристики внешности, нравственных качеств героев, в русском летописании очень рано становятся универсальным и устойчивым топосом исторического повествования. Они возникают уже в ПВЛ (см. соматопсихограммы Мстислава Владимировича, Всеволода Ярославича, Владимира Мономаха).

В *ЛвМ* они представлены как в кратком виде, так и в качестве структурного компонента панегирика. Так, очень краткая соматопсихограмма князя Василька Романовича²³⁰ помещена в рассказе о войне с ятвягами. Пространная характеристика его сына Владимира Васильковича включается в финальный панегирик, завершающий рассказ о его княжении, который мы рассмотрим в дальнейшем.

В *ЛвМ* происходит также расширение традиционного формата рассказов о строительстве городов. В *ЛвМ* вводятся целые сюжетные рассказы о заложении и судьбе основанных волынскими Мономаховичами Холма и Каменца, в которых важное место занимает экфрасис.

Активное использование экфрасиса (в латинской терминологии – *descriptio*) в повествовании о строительной деятельности князей приближает *ЛвМ* к типу западноевропейской и византийской династической хроники. «Экфрасис – это описание людей, предметов, мест, периодов, событий, необычных живых существ. <...> Экфрасис пригоден для всех риторических форм, но особенно удобен для истории» – отмечает Т. Берджесс, ссылаясь на риторическое руководство Теона²³¹. В западной хронистике экфрасис выступает «сообразно требованиям античной историографии и риторики,

²²⁹ Я. Н. Любарский, говоря об истоках соматопсихограмм у Малалы, отмечал их закрепленность в риториках: «Подобные описания спорадически появлялись во многих жанрах античной литературы и были «каталогизированы» <...> риторическими учебниками» (*Любарский Я. Н. Герои «Хронографии» Иоанна Малалы // Любарский Я. Н. Византийские историки и писатели. СПб., 2012. С. 25*).

²³⁰ «Василко бо бе возрастомъ середний, умом велик и дерзостью» (*The Old Rus' Kievan and Galician-Volhynian Chronicles. P. 338*).

²³¹ *Burgess Th. Epideictic Literature. Chicago, 1902. P. 200.*

обязательным элементом исторического повествования»²³². Поэтому развернутое и детальное описание построек, воздвигнутых князьями, мы также рассматриваем в системе жанровых топосов исторического повествования²³³.

В древнейшем летописании сюжеты о градостроительной деятельности князей сопровождаются топонимическими легендами. Характерным примером этого является сказание о хитрости осажденных белгородцев во время нашествия печенегов, помещенное после сообщения о строительстве городов князем Владимиром и основании Белгорода под 992 г. (по хронологии *Ип*). Победой кожемяки в поединке с печенежским богатырём летописец объясняет название города Переяславля.

В летописании, продолжившем Начальный свод, о строительстве городов и городских укреплений преимущественно сообщалось в форме погодных записей. В таком формате представлены в *Ип* известия об основании Юрьева Ярославом под 1030 г., заложении города на Востри Владимиром Мономахом под 1098 г., о заложении Нижнего Новгорода Юрием Всеволодовичем под 1221 г. в *Лавр*. В летописании XII в. строительная деятельность князей более пространно характеризуется в посмертных похвальных характеристиках при перечислении их добродетелей (например, создание «города каменна» Андреем Боголюбским, о чем в *Ип* упомянуто под 1175 г.).

В *ЛвМ* восходящий к начальному летописанию формат топонимических преданий не оказался востребован, хотя автор и проявил интерес к топонимике, обещая рассказать об основании Галича. Однако этот рассказ в дошедшем тексте памятника не сохранился. Основной задачей автора было изложение истории династии, поэтому наиболее пространный

²³² Вайнштейн О. Л. Западноевропейская средневековая историография. М.; Л., 1964. С. 112.

²³³ Для описания городов в риторических руководствах выделялась специальная разновидность экфрасиса, epibaterios (*Burgess Th. Epideictic Literature. P. 201*).

рассказ посвящен не древним городам Галичу и Владимиру, а построенным Даниилом и Владимиром Васильковичем Холму и Каменцу.

На формирование топики исторического повествования в византийской литературе²³⁴ оказывали сильное влияние жанры эпидейктической риторики. Их воздействие в еще большей степени сказывалось в повествованиях о деяниях императоров (Kaiserchronik), которые современными исследователями противопоставляются типу всемирноисторической хронографии²³⁵. К риторической форме, которую и сами византийцы, например, Михаил Пселл, отличали от хронографической, в той или иной степени тяготели византийские истории царствований императоров²³⁶.

Для древнерусского писателя строгое разграничение «повествовательного» и «панегирического» планов летописного повествования было гораздо менее актуальным, чем для византийских историков. Об этом можно судить, в частности, по известному сравнению светских историков и панегиристов с церковными ораторами во вступлении к «Слову на собор святых отец Никейского собора» Кирилла Туровского: «...Историци и ветия, рекше летописьци и песнотворьци, прикланяют своя слухи в бывшая межю цесари рати и выпълчения, да украсят словесы и възвеличат мужьствовавъшая крепко по своемъ цесари <...>, и тех славяще похвалами венчають»²³⁷. Поэтому топику летописных панегириков

²³⁴ Форма энкомия воздействовала на оба типа античной биографии: справочный, (или гипомнематический), и риторический (Аверинцев С. С. Плутарх и античная биография. К вопросу о месте классика в истории жанра. М., 1973. С. 199–120). О воздействии энкомия на византийские истории писал Я. Н. Любарский: «Стабилизировавшаяся уже в поздней античности схема <...> предписывала упорядоченное следование определенных сведений о герое, перечисление жестко фиксированных его качеств» (Любарский Я. Н. Сочинение Продолжателя Феофана. Хроника, история, жизнеописание? // Продолжатель Феофана. Жизнеописание византийских царей. СПб., 2009. С. 337).

²³⁵ См. Каждан А. П. История византийской литературы... С.151; Любарский Я. Н. Сочинение Продолжателя Феофана... С. 341, 343.

²³⁶ Так, Михаил Пселл, разграничивая историю как характеристику и энкомий как похвалу, тем не менее, отмечал, что они «близки друг другу и часто переплетаются между собой» (Любарский Я. Н. О жанровой и композиционной специфике «Хронографии» Михаила Пселла // Византийский временник, 1971, Т. 31. С. 27).

²³⁷ Еремин И. П. Литературное наследие Кирилла Туровского // ТОДРЛ, Т. 15. М.; Л., 1958. С. 344.

правомерно рассматривать в системе топосов древнерусского исторического повествования.

Мы не будем затрагивать проблем генезиса канонов древнерусских жанров эпидейктики в византийской риторике²³⁸, а воспользуемся классическими схемами исключительно по причине их удобства.

Панегирическая топика неоднократно эксплицировалась в позднеантичных риторических трактатах, таких как руководства Менандра и Афтония. В трактате Менандра «О красноречии» выделяются следующие топосы похвальной речи, посвященной правителю (так называемая «царская речь»): вступление, страна, город и народ, происхождение героя, обстоятельства его рождения, природные качества, воспитание и образование, образ жизни, деяния, судьба и заключительная часть, включавшая себя сравнение восхваляемого героя с персонажами античной истории и мифологии (*synkrisis*) и эпилогом, представлявшим собой молитву о благоденствии героя, либо обращение к нему во втором лице²³⁹.

Похвальные слова князьям в *ЛвМ* в разной степени воспроизводят форму классической панегирической схемы.

В достаточно краткой похвале Даниилу Романовичу автор не вводит развернутую соматопсихограмму князя, а только перечисляет качества характера героя («добрыи, хоробрыи и моудрыи») и деяния («иже созда

²³⁸ Такая проблема была заявлена Д. М. Буланиным: «Но правомерен вопрос, в каких вообще жанрах славянской письменности можно искать отражение риторической теории? Сферу ее приложения нельзя ограничивать церковным красноречием не только потому, что жанровая стратификация древнерусской письменности не тождественна византийской и тем более античной. Нужно учитывать и то, что история риторики заключается в постепенном ее превращении из специальной дисциплины в теорию прозы вообще. <...> Характерные признаки показательного рода <...> обнаруживаются не только в церковной проповеди, но и в редких образцах похвалы светским лицам» (*Буланин Д. М. Античные традиции в древнерусской литературе. С. 85*).

²³⁹ Схему классического античного и раннесредневекового энкомия см. (*Балаховская А. С. Христианский энкомий в агиографических произведениях, написанных в честь Иоанна Златоуста // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2012. № 6 (17). С. 27; Аверинцев С. С. Плутарх и античная биография. К вопросу о месте классика жанра в истории жанра. М., 1973. С. 119–121; Поляковская М. А. Энкомии Николая Кавасилы как исторический источник // Античная древность и Средние века. Вып.9. Свердловск, 1973. С. 82*). Более подробная схема Афтония приведена в книге Т. Берджесса (*Burgess Th. Epideictic Literature. P. 120*).

города многи и церкви постави и украси е различными красотами»). Завершается похвала краткой формой синкрисиса (*translatio nominis*): автор называет Даниила «вторым по Соломоне», явно подразумевая здесь отсылку к подробно освещенной в повествовании храмостроительной деятельности князя.

Этот панегирик, по нашему мнению, по своим основным позициям (характеристики «добрыи и хоробрыи и мудрыи», подчеркивание добродетели братолюбия Даниила, похвала церковному строительству, что акцентирует и сопоставление князя с царём Соломоном) соответствует образу Даниила Галицкого в основном повествовании²⁴⁰. Поэтому нет необходимости настаивать на его вставном характере или приписывать его иному автору.

В пространном панегирике Владимиру Васильковичу, завершающем эпизод его болезни, панегирические топосы могут быть выделены достаточно чётко, что указывает на его важность в авторской концепции всего повествования. Соблюдена здесь в целом и последовательность их расположения в сравнении с классической схемой «царского слова».

Отсутствие пролога и рубрики *genos* говорит о том, что похвала создавалась именно в связи с остальным повествованием, а не вошла в него как самостоятельное ораторское произведение, каким могло быть «Слово о поставлении стены в Выдубицах» игумена Моисея²⁴¹. Автор похвалы не сообщает здесь о происхождении и предках героя, а начинает с детального описания его внешности: «Съи же благоверьныи князь Володимерь възрастом бе высок, плечима велик, лицем красен, волосы имеа желты кудрявы, бороду стригии...»²⁴².

Вторая часть соматопсихограммы (*ethos*, нравственные качества) содержит достаточно традиционные характеристики, представляющие

²⁴⁰ Панегирическая часть здесь как бы приводит сумму свойств характера героя и деяний, изложенных в повествовательной части.

²⁴¹ *Бестужев-Рюмин К. Н.* О составе русских летописей. С. 115.

²⁴² *The Old Rus' Kievan and Galician-Volhynian Chronicles.* P. 384.

Владимира благоверным князем, исполнившим евангельские заповеди (кротость, смирение, правдолюбие и т. д.). Своеобразие авторской манеры здесь проявляется в противопоставлении добродетелей героя чуждым его нраву страстям: кроток, смирен, правдив – не злобив, не мздоимец, не лжив, питья не пи; <...> «моужство и ум в нем живяше, правда же и истинна с ним ходиста, и иного добродейна много в нем бяше – гордости же в нем не бяше, зане уничиженна бысть гордость пред Богом и человеки».

В соответствии с классической схемой эпидейктического жанра летописец прославляет образование (*anatrofe*) своего героя: «глаголаше ясно от книг, зане бысть философъ велик».

Панегирический топос *praxeis* (деяния), в античных риторических предписаниях подразумевавший восхваление деяний, выводимых из определенного набора добродетелей²⁴³, может быть выявлен и в похвале Владимиру. Автор прославляет милостыню князя, его покровительство монастырям, воздержание от пьянства, мужество и ум.

После краткого перечисления деяний в панегирике можно выделить и следующую рубрику (по Менандру: судьба, *tyche*), кратко характеризующую жизненный путь героя. В этой функции выступает обобщающий пассаж «возлюбив нетленная паче тленьных, и небесная паче временных и царство со святыми у вседержителя Бога паче притекущаго царства земнаго»²⁴⁴, после чего автор переходит к эпилогу.

Синкрисис – сопоставление с историческими образцами в панегирике Владимиру Васильковичу не составляет отдельного раздела²⁴⁵, но заимствованное из «Слова о Законе и Благодати» сравнение князя с

²⁴³ *Burgess Th. Epideictic Literature. P. 120.*

²⁴⁴ Эти слова представляют собой почти дословное заимствование из похвалы Андрею Боголюбскому, но вряд ли здесь подразумевается отсылка к исходному тексту.

²⁴⁵ При этом в плаче супруги Владимира князь сравнивается с Иоанном Златоустом, как «всею добродетелью подобный ему, многыя досады приимъ от своихъ сродникъ» (Ип., 919–920). Данное место напрямую заимствовано из Киевского свода и приспособлено к волынскому князю (См. *Еремин И. П. Волынская летопись. С. 113.*)

императором Константином²⁴⁶, читающееся ранее: «подобниче великого Костянтина, равнооумне, равнохристолюбец, равночтителю слоужителемь его...»²⁴⁷ и развиваемое в эпилоге похвалы, выполняет важные функции как в самом панегирике, так и в концепции всей *ЛвМ*²⁴⁸.

А. А. Пауткин так комментирует авторское сравнение волынского князя с Константином: «...если уподобление Владимира Крестителя человеку, провозгласившему христианство государственной религией, было вполне правомерным, то в данном случае оно выглядит явным преувеличением. Здесь все сводится к книжной премудрости, постоянным беседам с епископами и игуменами <...>. И хотя исходная параллель с Никейским собором в случае Владимира утрачивает свое прежнее значение, важные исторические аналогии княжеской святости, предложенные еще Иларионом, остаются в силе»²⁴⁹.

Авторским способом введения цитат из «Слова о Законе и Благодати» стоит уделить особое внимание, поскольку в таком аспекте этот вопрос исследователями освещен ещё не был. Стоит сразу отметить, что в панегирике Владимиру Васильковичу «Слово» цитируется иначе, чем в похвальных словах святым, прославленным в чине равноапостольных, таких как Житие и Похвала Леонтию Ростовскому, Похвальное слово Константину Муромскому и т. д.

По мнению А. Н. Насонова, обращение автора похвалы Владимиру Васильковичу к «Слову» Илариона было мотивировано, прежде всего, миссионерской, просветительской деятельностью этого князя и

²⁴⁶ О принципе *imitatio Constantini*, формирующем систему топосов житий просветителей народов – равноапостольных, см *Руди Т. Р.* Топика русских житий... С. 73–78.

²⁴⁷ *The Old Rus' Kievan and Galician-Volhynian Chronicles*. P. 382.

²⁴⁸ Особую важность синкрисиса в структуре античного энкомия подчеркивал Т. Берджесс (*Epidictic Literature*. P. 125). Принципиальное значение он имел и в жанрах агиографии, поскольку устанавливал подобие святого определенному агиологическому типу (Подробнее см. *Панченко О. В.* Поэтика уподоблений (к вопросу о «типологическом» методе в древнерусской агиографии, эпидейктике и гимнографии) // *ТОДРЛ*, Т. 54. СПб., 2003. С. 494–495).

²⁴⁹ *Пауткин А. А.* Беседы с летописцем. С. 205.

проходившими в конце XIII в. «процессами христианизации» Владимиро-Волынской области и языческой Литвы²⁵⁰.

Однако сам характер цитирования «Слова» автором *ЛвМ* демонстрирует, что все топоры, которые могли бы восприниматься как отсылка к чину просветителей-равноапостольных, при создании панегирика вполне сознательно не были им привлечены. Автор *ЛвМ*, используя похвалу Илариона, прославляет Владимира Васильковича только как благоверного князя, своим личным подвигом исполнившего евангельские заповеди, а не как равноапостольного законодателя.

Надо заметить, что автор *ЛвМ* вполне имел основания развить образ Владимира Васильковича именно в таком ключе – как церковного законодателя, поскольку известна деятельность этого князя в упорядочении церковного права, которая привела к появлению волынской редакции *Кормчей*²⁵¹.

Вместо адресованных Владимиру Святославичу слов «Ты же съ новыми нашими отцы епископы снимаася чясто, съ многымъ съмерениемъ съвещавашеся, како въ чловецехъ сихъ новопознавшихъ Господа законъ уставити...»²⁵² автор похвалы так обращается к волынскому князю: «Ты же съ епископы и игумены снимаася чясто, съ многымъ смирениемъ много беседоваше от книгъ о житии света сего тленьнаго»²⁵³. Здесь акцент перенесен на личную добродетель героя, его любовь к духовенству и христианское любомудрие.

²⁵⁰ *Насонов А. Н.* История русского летописания XI – начала XVIII века. Очерки и исследования. М., 1969. С. 244–245.

²⁵¹ См. *Иконников В. С.* Опыт русской историографии: В 2-х тт., в 4-х книгах. Т. II. Кн. 1 Репринтное издание 1891–1908 гг. СПб., 2007. С. 571; *Щанов Я. Н.* Княжеские уставы и церковь в Древней Руси XI–XIV вв. М., 1972. С. 68. Автор *ЛвМ* даже не упоминает о списках Номоканона среди перечней книг, переписанных по распоряжению Владимира Васильковича и вложенных им в различные церкви и монастыри.

²⁵² Здесь и далее «Слово о законе и благодати» цитируется по публикации: *Розов Н. Н.* Синодальный список сочинений Илариона – русского писателя XI в. // *Slavia, časopis pro slovanskou filologii.* 32, 2. Praha, 1963. S. 168.

²⁵³ *The Old Rus' Kievan and Galician-Volhynian Chronicles.* P. 382.

Митрополит Иларион прославляет Владимира Святославича и княгиню Ольгу за **утверждение христианской веры** на Руси, символически уподобляя их святым греческим царям Константину и Елене, которые перенесли Крестное Древо от Иерусалима в Константинополь:

«...съ темъ же (с равноапостольным царем Константином – В. П.) единая славы и чести обещаика сътвориль тя Господь на небесех благоверия твоего ради, еже име въ животе своемъ...».

Владимир Василькович в адресованной ему похвале прославляется, прежде всего, за исполнение в своей жизни подвига христианского **покаяния** («покаание Давыдово приимаа»), за что князь стал приобщенным («обещником») к небесной славе:

«...но всегда смиряше образ свои съкрушеньном сердцем и въздыхание от сердца износя, и слезы от очию испущаа, покаание Давыдово приимаа, плачася о гресех своих, възлюбивъ нетленнаа паче тленных, и небесна паче временных, и царство съ святыми у Вседръжителя Бога паче претекущаго сего царства земнаго, и чести тя обещаика Господь на небесех сподоби благоверия твоего ради»²⁵⁴.

Вслед за Иларионом автор *ЛвМ* включает в похвалу славословие стольному городу, в данном случае Владимиру-Волынскому, заимствуя из «Слова» и параллелизм в обращении к городу как к Богородице, поскольку именно храм Успения Богоматери, построенный в 1160 г. Мстиславом Изяславичем, был кафедральным собором города.

При цитировании Илариона автор похвалы, естественно, опускает картину распространения христианства в русском роде: «...к нему же вижь и благоверную свою княгиню, како поклонятся имени твоему». Также в панегирик волынскому князю не вошел фрагмент «Слова» об апостольском подвиге Владимира Святославича: «Радуйся во владыках апостоле, не

²⁵⁴ Ibid. P. 384–385.

мертвья телеса воскрешах, но душею ны мертвы умершая недугом идолослужения воскресивъ...»²⁵⁵.

Вместо всего этого Владимир Василькович прославляется как учитель и наставник «благоверия», что дословно повторяет Илариона («Радуйся учителю наш и наставниче благоверья, ты правдою бе оболченъ, крепостью препоясанъ и милостынею яко гривною утварью златою украсуся...»). Тем не менее, автор похвалы опускает слова о религиозно-законодательном авторитете князя из молитвенного обращения Илариона, цитируя прошение о молитве за живущих в следующем виде:

«Моли о земли брата своего, предания ему тобою, и о людех, <...> да сохраниши я въ мире и благоверии (в «Слове»: «**преданеємъ тобою**»), и да славится в нем правоверию (у Илариона следует продолжение «**и да кленется всяко еретичьство**»), и да блюдет Господь Бог от всякоя рати и предания, и от голода, нашествия иноплеменьникъ, и от усобныа рати»²⁵⁶. Два заключительных прошения добавлены уже самим автором похвалы, в «Слове» же читается «и всякоа скорби и сътуждения»²⁵⁷.

Итак, судя по особенностям цитирования «Слова» в панегирике Владимиру Васильковичу в *ЛвМ*, его автор сознательно не пытался встроить образ князя в образную парадигму просветителя-равноапостольного и не стремился вызвать у читателя соответствующих ассоциаций.

Для сравнения приведем типичный пример использования «просветительской» топики из «Слова о Законе и Благодати» в «Похвальном слове» князю Константину Муромскому, прославленному в лике равноапостольных²⁵⁸:

«К сему же кто исповестъ <...> колико ты похваленъ имаши быти, не токмо исповедавъ, яко Сын Божий есть Христос, но и веру устави по всей земли своей, и церкви Христовы поставль, и служителя его введе?»

²⁵⁵ Розов Н. Н. Синодальный список сочинений Илариона... С. 169.

²⁵⁶ The Old Rus' Kievan and Galician-Volhynian Chronicles. P. 387.

²⁵⁷ Розов Н. Н. Синодальный список сочинений Илариона... С. 170.

²⁵⁸ Текст цитируется по Руди Т. Р. Похвальное слово князю Константину Муромскому (Некоторые проблемы исследования) // ТОДРЛ. Т. 56. СПб., 2004. С. 335.

В сопоставлении с императором Константином похвала тезоименитому ему муромскому князю прямо следует за Иларионом: «Подобниче великаго Константина и тезоименит тому, равноумне святому Владимиру, праотцу своему, равностителю служителемъ его! Той бо Константинъ со святыми отцы Никейскаго Собора законъ человекомъ положи – ты же с новыми отцы нашими епископы снимаяся часто, со многымъ смиренемъ совещевашеся, како в сихъ чловецехъ новокрещеныхъ законъ уставити...»²⁵⁹.

Уподобление муромского князя Константину Великому призвано подчеркнуть, прежде всего, идею преемственности апостольской веры от Иерусалима через Киев («Новый Иерусалим») ²⁶⁰ – в Муромскую землю:

«Онъ с материю своею Еленою крестъ отъ Иерусалима принес, всему миру своему разславый, веру утверди – ты же от Новаго Иерусалима, от Киева, в славный градъ Муромъ веру принесе и уставъ утверди, понеже убо с тема единослужителна обещника тя сотвори Господь на Небесехъ благоверия твоего ради, еже име в животе своемъ».

Сопоставление Владимира Васильковича в посвященной ему похвале с Константином Великим несколько изменяет акценты цитируемого здесь авторитетного текста. Автор *ЛвМ* подчеркивает значимость образа Владимира Васильковича в иной образной и концептуальной парадигме. По нашим наблюдениям, вместо идеи преемства апостольской веры в других похвальных словах, цитирующих Илариона, в *ЛвМ* акцентируется преемство роли «освященного царства» Волынским княжеством от библейских и византийских царей, а также великих князей Киева – Владимира Святого и Ярослава Мудрого.

²⁵⁹ В «Слове о Законе и Благодати»: «Подобниче великааго Коньстантина, равноумне, равнохристолюбче, равностителю служителемъ его. Онъ съ святыми отцы Никейскааго събора законъ человекомъ полагааше. Ты же съ новыми нашими отцы епископы снимаяся часто, съ многымъ съмерениемъ съвешевашеся, како въ чловецехъ сихъ новопознавшихъ Господа, законъ уставити» (*Розов Н. Н.* Синодальный список сочинений Илариона... С. 167–168).

²⁶⁰ У Илариона «Новым Иерусалимом» назван Константинополь.

Цитаты из заключительной части «Слова о Законе и Благодати» выполняют принципиально важную роль в исторической концепции всей *ЛвМ*, поскольку с их помощью проводится важная для повествования об истории династии идея *translatio imperii*²⁶¹. При этом преемственность здесь преподносится скорее в плане духовно-символическом, чем в чисто политическом, что во времена «татарщины» выглядело бы довольно неуместно.

Эта идея усилена в завершении панегирика, молитвенном обращении к князю Владимиру, практически дословно цитирующем обращение Илариона к Владимиру Святославичу:

«Яко Соломон Давида, иже дом Божии великыи, святыи Его мудрости създа, <...> яже церкви дивна и славна всем окружным сторонам, якаже ина не обрящется въ всем полунощни земля от востока и до запада, и славныи город твои Вьлодимер величеством, яко венец обложен...»²⁶².

Выбранные автором цитаты из Илариона (сравнение князя и его наследника с Давидом и Соломоном²⁶³ и величество «славного города» Владимира, вписываемого таким образом в ассоциативный ряд Иерусалим–Константинополь–Киев), как раз призваны подчеркнуть значимость фигуры и деяний Владимира Васильковича в рамках концепции *translatio imperii*.

Связь этой идеи, развиваемой автором в панегирике, с основным повествованием прослеживается в рассказе о построении Каменца, отсылающем к образу Константина Великого как избранного Богом основателя христианского царства. Интересно, что известие о построении Владимиром Васильковичем не столь важного для политической и церковной

²⁶¹ Т.е. «преемства царства», в данном случае от царства богоизбранных ветхозаветных царей Давида и Соломона, Константина Великого, а затем киевских князей Владимира и Ярослава к Волынскому княжеству.

²⁶² The Old Rus' Kievan and Galician-Volhynian Chronicles. P. 385.

²⁶³ Идея богоосвященного земного царства закреплена в таком авторитетном древнерусском тексте, как Толковая Палея. См. *Ермоленко С. М.* Апокрифическое сказание «О лестнице, юже виде Иаков» в составе Толковой Палеи: система риторических приемов, жанровые характеристики // Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2012. Т. 11, вып. 12. С. 151–152.

жизни княжества города обнаруживает некоторые сюжетные параллели с хронографическим рассказом об основании Константинополя.

Объединяет эти два рассказа мотив «обновления» города по божественному повелению. Согласно хронографическому повествованию, Константин, замысливший «создати град», во сне получает от Бога откровение основать город на месте старого Византия:

«И обнови град Византии, древле созданъ Визомъ, царемъ тракииским, стена создана, и приложи въ едино поприще и нарече Костянтинъ градъ»²⁶⁴.

Автор *ЛвМ* по сходному плану излагает историю создания Каменца. Сначала у князя Владимира появляется мысль «абы где за Берестьем поставити городъ». Затем, открыв «книги пророческыя», князь читает слова пророка Исая и, «уразуме милость Божию до себе», приступает к поиску места для будущего города. Он останавливает свой выбор на земле, «опустевшей по 80 лет по Романе», где и приказывает заложить город и «нарече имя ему Каменецъ, зане бысть земля камена»²⁶⁵.

Итак, несмотря на почти дословное цитирование в похвале Владимиру Васильковичу авторитетного текста, «Слова о Законе и Благодати» Илариона, мы можем наблюдать, как автор *ЛвМ* использует цитаты вне отсылок к сложившейся в агиографической и панегирической литературе образной парадигме правителей-равноапостольных, несмотря на то, что этот волынский князь был известен своей инициативой в упрочении церковного законодательства. С одной стороны, Владимир Василькович прославляется как благоверный правитель, исполнивший личным подвигом своей жизни главные евангельские заповеди. С другой – цитаты и аналогии из «Слова» автором использованы для наделения атрибутами святости отношений преемственности между двоюродными братьями Владимиром

²⁶⁴ Цит. по Летописец Еллинский и Римский. Т. 1: Текст. СПб., 1999. С. 290–291. Этот же рассказ по «Хронике» Георгия Амартола см.: *Истрин В. М.* Хроника Георгия Амартола в древнем славянорусском переводе. Текст, исследование и словарь. Том I: Текст. Пг., 1920. С. 339.

²⁶⁵ The Old Rus' Kievan and Galician-Volhynian Chronicles. P. 368.

Васильковичем и Мстиславом Даниловичем и проведения идеи *translatio imperii*.

Об актуальности самой этой концепции у волыньских Мономаховичей в XIII в., в том числе и с опорой на археологические данные, писал А. В. Майоров, связывавший её распространение у потомков Романа Мстиславича с их обладанием несколькими реликвиями Честного Креста:

«Можно предположить, что члены семьи Романа Мстиславича располагали уже несколькими реликвиями Святого Креста. <...> Жалую реликвии монастырям и храмам, потомки Романа проявляют себя подобно византийским императорам, а также болгарским и сербским царям <...>. Все это, несомненно, должно было свидетельствовать о растущем политическом могуществе Романовичей и стремлении к обоснованию царского статуса правящей в Галицко-Волынской Руси династии»²⁶⁶. Известно также, что Владимир Василькович передал в Луцкую епископию (именно в Луцке княжил его преемник на владими́ро-волыньском княжении – Мстислав Данилович) «крест велик сребрян позлотисть съ Честным Древом»²⁶⁷.

С появлением этой идеи при дворах потомков Романа Мстиславича связывается и распространение в галицко-волыньских документах XIII в. их царского титула. Если говорить об эпохе правления Владимира Васильковича, то хорошо известна копия выходной записи писца Иова на рукописи XV в., сделанной с утраченного подлинника: «Написашася книги сия при цесарстве благовернаго цесаря Володимера, сына Василкова, оунука Романова»²⁶⁸. На эту запись также обратил внимание А. В. Майоров, заметивший, что «в начале XIII в. появляется титул «царь в Русской земли», «самодержец всея Руси», и этот царский титул на некоторое время закрепился за правителями Галицко-Волыньской Руси»²⁶⁹. В задачи нашей

²⁶⁶ Майоров А. В. Русь, Византия, Западная Европа... С. 621.

²⁶⁷ Там же.

²⁶⁸ Столярова Л. В. Свод записей писцов, художников и переплетчиков древнерусских пергаменных кодексов XI–XIV вв. М., 2000. С. 119–120.

²⁶⁹ Майоров А. В. Царский титул Галицко-Волыньского князя Романа Мстиславича и его потомков // *Studia Slavica et Balcanica Petropolitana*. 2009. № 1–2. С. 262.

работы не входит подробное раскрытие семантики титулатуры волынских Мономаховичей, но через призму идеи *translatio imperii*, отразившейся в самом выборе цитат из «Слова о Законе и Благодати» в *ЛвМ*, она обретает дополнительный смысл.

В сюжетной структуре повествования о княжении Владимира Васильковича заметную роль играют элементы агиографического стиля. Автор подробно и с почти мартирологической детализацией описывает болезнь князя, его предсмертные мучения и молитвы. Чтобы проиллюстрировать эту составляющую сюжетики произведения, обратимся к описанной В. К. Васильевым структурно-типологической модели жития-мартирия, которая, по наблюдениям исследователя, имеет способность к реализации вне жанра²⁷⁰. В своем полном виде данная модель включает в себя:

- 1) структуру биографии мученика;
- 2) структуру биографии мучителя;
- 3) структуру мученического конфликта.

В повествовании о Владимире Васильковиче модель жития-мартирия реализуется лишь частично. Если большая часть мотивов биографии мученика находит воплощение в повествовании, то функции мученического конфликта здесь выполняет пространный рассказ о болезни князя.

Этот фрагмент повествования выделен отдельным киноварным заголовком. Наличие этого заголовка как в *Ип*, так и в *Хл* дает основания считать его восходящим к оригинальному авторскому тексту. Уже в экспозиции рассказа неизлечимо больной князь совершает значимый в рассматриваемой структуре мученического конфликта «жест отречения»²⁷¹.

²⁷⁰ См. Васильев В. К. Сюжетная типология русской литературы XI–XX веков (Архетипы русской культуры): учебное пособие. Ч. I. Красноярск, 2005. С. 49–50.

²⁷¹ В. К. Васильев подчеркивает особое значение таких деталей: «Жест-символ, означающий абсолютную внутреннюю готовность обвиняемого к конечному испытанию и последний шаг к нему» (Васильев В. К. Сюжетная типология русской литературы XI–XX вв... С. 46).

Волынский князь, не отказываясь полностью от своего статуса правителя, раздает свое родовое имущество нищим:

«...и розда оубогым имение свое все: злато и сребро, и камение драгое, и поясы золотыи отца своего и серебряные, свое, иже бе по отци своем стяжал – все розда»²⁷².

При этом автор стремится усилить жест князя, замечая, что Владимир сам, «пред своима очима» разбивает большие серебряные блюда, золотые и серебряные кубки, переплавив их на монеты и разослав милостыню «по всеи земли».

Биография мученика включает обязательное описание благочестия героя, поэтому автор наделяет князя Владимира следующими традиционными для житийного канона добродетелями: «благочестивый», «христоролюбивый», «кротокъ», «смирень», «не злобивъ», «любовь же имеяше ко всемъ, паче же ко братьи своеи», «страха же Божия наполненъ» и т. д.

Среди других житийных трафаретов укажем также на почитание князем духовенства и частые беседы с епископами, его интерес к книжности: «ты же съ епископы и игумены снимаеся чясто, съ многым смирением, много беседоваше от книгъ о житии света сего тленнаго»²⁷³.

Как мы отметили выше, функцию мученического конфликта выполняют страдания героя во время его болезни, ход которой автор изложил очень детально:

«Исходящю же четвертому летоу и наставши земе, нача болма немочи. Отпада ему все мясо съ брады, и зубы исподнии выгниша вси, и челюсть бороднаа перегни», «пришедшю же ему от церкви и леже, и потом не выходи вонь, но болма нача изнемогати, и отпада ему мясо все съ бороды, кость бородная перегнила бяше, и бысть видети гортань»²⁷⁴.

²⁷² The Old Rus' Kievan and Galician-Volhynian Chronicles. P. 382.

²⁷³ Ibid.

²⁷⁴ Ibid. P.382–383.

Интересно отметить, что рассказ о преставлении князя Владимира завершается формулой, которая была особенно характерной для описаний мученической смерти²⁷⁵: «и предасть душу свою въ руци Божии».

Наконец, важным сюжетным элементом выступает описание посмертного чуда – нетленности тела Владимира Васильковича, помещенное после известия о вскрытии его гробницы:

«Княгини же его не можаше ся втолити, но пришедши съ епископом Евсегениемъ и съ всем крилосом, открывши гробъ и видиша тело его цело и бело, и благоухание от гроба бысть, и воня подобна арапат многоценных. И тако чюдо виде, видевшe же прославиша Бога и замазаша гробъ его»²⁷⁶.

Хотя схема мученического жития здесь реализуется не в полном виде, поскольку страдания Владимира Васильковича не преподносятся именно как акт мучения за веру, тем не менее, в остальном повествовании встречаются мотивы, ее проясняющие. Болезнь Владимира, по замечанию автора, была послана ему от Бога как испытание, что подчеркивает и сравнение героя с Иовом. Однако в повествование введены мотивы, связывающие страдания князя не только с болезнью, но и с притязаниями холмско-галицких родственников на его владения. Изложение имущественных споров между находящимся в болезни Владимиром Васильковичем и галицким князем Львом и его сыном Юрием раскрывает страдания князя с иной стороны. Приведем характерный эпизод. Во время похода русских князей с татарами на Польшу, Владимир, чувствуя свою немощь, завещает своему двоюродному брату Мстиславу Даниловичу княжение в Берестье, о чем предупреждает Льва и Юрия Львовича. Лев и Юрий сначала соглашаются с решением Владимира, но затем Юрий Львович отправляет посла к Владимиру, добиваясь прав на Берестье. Однако Владимир отвечает племяннику: «Не дам, ведаешь сам, иже я не двою речю <...> а Богъ ведает и вся поднебесная – не могоу порушити рядоу, что есмь dokonчал с братом

²⁷⁵ См. *Васильев В. К.* Сюжетная типология русской литературы XI–XX вв... С. 51.

²⁷⁶ *The Old Rus' Kievan and Galician-Volhynian Chronicles.* P. 387.

своим Мьстиславом»²⁷⁷. Затем уже Лев Данилович, узнав, что волынский князь лежит в болезни, присылает своего епископа Мемнона к Владимиру, прося отдать Льву Берестье, «абы (*Владимир*) не загасил свечи над гробом стрья своего». Владимир, «разоумеа притче и темно слово», снова отказывает требованиям Льва и отсылает посланного им епископа. Итак, волынский князь предстает в изложении автора страдающим от дел своих родственников, что подчеркнуто и в плаче княгини над телом Владимира.

На сравнении героя с Иовом – образцом праведника, терпеливо претерпевающего страдания, стоит остановиться отдельно, поскольку автор явно стремился его усилить.

Отсылки к истории Иова акцентируются в отмеченном выше эпизоде посмертного чуда – вскрытия гробницы, когда тело страдавшего от тяжелой болезни князя было обнаружено нетленным: «Тело его цело и бело, и благоухание от гроба бысть».

Во-первых, здесь автор использует прием календарного символизма: приведена точная дата открытия гробницы – 6 апреля, «в среду Страстное недели». Именно на вечерне Великой среды читается паремийное чтение из книги Иова²⁷⁸.

Во-вторых, автор обратился здесь и к прямому цитированию. Так, текст молитвы Владимира Васильковича, в целом пользующийся теми же топосами, что и молитва Давыда Ростиславича Смоленского в Киевском своде²⁷⁹, расширен самим автором за счет цитаты именно из книги Иова: «благаа прия же от Тебе в животе моем, то злых ли не могу тръпети?»²⁸⁰.

Таким образом, сам предмет изображения, неизлечимая и мучительная болезнь князя, побуждает автора обратиться к агиографическому стилю: в его повествовании отчетливо проявляются элементы структуры жития-

²⁷⁷ Ibid. P. 381.

²⁷⁸ См. Службы на каждый день страстных седмицы. Святая и Великая среда. Издание Свято-Успенского Псково-Печерского монастыря, 1993. Л. 58.

²⁷⁹ Толочко А. П. Похвала или житие? (Между текстологией и идеологией княжеских панегириков в древнерусском летописании) // Palaeoslavica. Vol. 7. 1999. P. 27.

²⁸⁰ The Old Rus' Kievan and Galician-Volhynian Chronicles. P. 383.

маририя. Наличие неразрывной смысловой связи между «повествовательной» и «панегирической» частями *ЛвМ* может служить надежным доказательством цельности текста и их единого авторства, вопреки восходящей еще к К. Н. Бестужеву-Рюмину убежденности исследователей в существовании отдельного источника *ЛвМ* – «Сказания о смерти Владимира Васильковича».

Итак, повествование о волынских Мономаховичах представляет собой литературное произведение с сохраняющейся летописной основой, но выходящее за пределы традиционного летописания на уровень целостного концептуального единства. По своим структурно-типологическим признакам памятник может быть сопоставлен с типом западноевропейских (например, каролингские биографии Карла Великого Эйнхарда и Людовика Благочестивого) и византийских императорских биографий²⁸¹.

В византийской литературе жанр династических историй получает развитие с X века. Характерным его примером является та часть сочинения Продолжателя Хронографии Феофана, где изложена история правления Македонской династии от ее основателя, Василия I, до Константина Багрянородного.

Жизнеописания правителей Македонской династии у Продолжателя Феофана представляют собой не столько биографии, сколько «серию идеальных парадигм»²⁸². Само появление таких произведений было вызвано тем, что «Македонская династия более других императорских родов Византии заботилась о политической идеологии, как средстве самоутверждения»²⁸³. Эту же особенность византийских исторических

²⁸¹ См. Подопригора В. В. Топика исторического повествования Летописи волынских Мономаховичей // Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2013. Т. 12, вып. 9. С. 139; Летопись волынских Мономаховичей как авторский текст // Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2014. Т. 13, вып. 2. С. 131.

²⁸² Чичуров И. С. Политическая идеология Средневековья (Византия и Русь). М., 1991. С. 107.

²⁸³ Там же.

повествований о Македонской династии отмечал Я. Н. Любарский²⁸⁴. Появление такого типа повествования было вызвано стремлением их авторов исторически обосновать законность династии и рассказать о деяниях её представителей для их потомков.

ЛвМ как повествование об истории княжеского рода объединяет с жизнеописаниями Продолжателя Феофана (особенно это касается жизнеописания Василия I) введение исторического (скорее даже эпического или мифологического) экскурса в славное прошлое династии, которое выступает в качестве мотивировки дальнейших деяний героев. В хронике Продолжателя Феофана этот династический миф основывается на генеалогии предков Василия I. Род первого царя Македонской династии автор, которым предположительно был сам император Константин Багрянородный, возводит к Константину Великому и Александру Македонскому²⁸⁵. Параллели обнаруживаются также и в композиционном построении сочинений: после драматического рассказа о постепенном утверждении власти правителя следует повествование о его царствовании, в котором могут быть выделены текстовые блоки с сериями эпизодов «внутренних» и «внешних» деяний.

Таким образом, *ЛвМ*, в жанровой структуре которой могут быть выявлены топоры летописно-исторического повествования, по своим типологическим характеристикам обнаруживает близость с типом династической хроники. Династические повествования создают определенный миф о династии в целом и её представителях. Они могут быть

²⁸⁴ Любарский Я. Н. Сочинение Продолжателя Феофана. Хроника, история, жизнеописания? // Продолжатель Феофана. Жизнеописания византийских царей. СПб., 2009. С. 349.

²⁸⁵ «Мать же его (отца Василия) была украшена родством с Константином Великим, а по другой линии могла гордиться сиятельностью Александра» (Продолжатель Феофана... С. 142). Хотя известно, что Василий был отнюдь не царского происхождения. Тем сильнее была потребность автора его жизнеописания возвести генеалогию императора к прославленным предкам (Чичуров И. С. Политическая идеология Средневековья. С. 110–111).

сближены с жанром «зеркала», дающего определенные парадигмы, образцы для подражания потомкам²⁸⁶.

В древнерусской традиции династическое историческое повествование, где материал подается через образ правителя, наделяемого значимыми атрибутами, получит полноценное развитие в XVI в. в виде Степенной книги.

2.2. Историко-литературная интерпретация авторской декларации в Летописи волынских Мономаховичей и структура сюжетики

Выявляемые в ходе нашего анализа связи между различными, в том числе и разностилевыми элементами сюжетики *ЛвМ*, позволяют иначе представить процесс формирования её текста, чем это традиционно описывается в историографии (постепенное наслоение княжеских летописцев один на другой, при котором творческая активность автора-составителя была минимальной и ограничивалась лишь незначительной идеологической редактурой материала предшествующих сводов).

Автор *ЛвМ* создавал именно литературное произведение определенного жанра и имел собственную писательскую позицию, выявление которой даст возможность для полноценной интерпретации индивидуальных особенностей повествования, отличающих его от летописания. В первую очередь это касается отступления от традиционной погодной сетки: чем может быть вызван такой последовательный отказ автора от привычных для русского летописания датировок от Сотворения мира?

Исследователи летописания и хронографии (А. С. Орлов, Д. С. Лихачев, О. В. Творогов, А. А. Пауткин и др.) неоднократно обращали внимание на одно из «тёмных мест» памятника: рассуждение о

²⁸⁶ В династических повествованиях действительно часты авторские замечания, что история деяний правителей должна быть записана «в память» потомкам. В *ЛвМ* о значении походов Даниила сказано: «въ память детем своим, <...> яко же добродейна въ веки святятся» (*The Old Rus' Kievan and Galician-Volhynian Chronicles*. P. 354); о подвигах двух братьев-дружинников Владимира Васильковича замечено, что те «сътвориша дело достойно памяти, <...> оставьша по себе славу последнему веку» (*Ibid*. P. 372).

летосчислении и сопутствующее ему обращение к авторитету «премудрых хронографов», среди которых автор выделил имя Евсевия Кесарийского. Между тем, это принципиально важное заявление, дающее ключ к поиску авторского представления о жанре сочинения, до сих пор так и не получило удовлетворительной интерпретации²⁸⁷.

Процитируем его целиком по *Хл*: «Гронографу же ноужа есть писати все и вся бывшаа: овогда ж писати въ предняя, овогда же въступати в задняя – чтыи мудрыи разумеет. Число же летом зде не писахом, в задняя впишем: по Антиохийскимъ събором²⁸⁸, аломпиадам – Грецкыми же числьницами, Римскы же высикостом, якоже Евъсевии и Памфилово и инии гронографи списаша от Адама до Христоса. Вся же лета спишем, росчетше в задняя»²⁸⁹.

Процитированный отрывок читается после подробного рассказа, охватывающего события нескольких лет (около 1247–1252 гг. по хронологии М. С. Грушевского): участие Даниила Романовича в приеме посольства от императора Священной Римской империи к венгерскому королю и отношения Романовичей с Миндовгом. Свое небольшое отступление автор

²⁸⁷ «Мнения об этом «трудном месте» ГВЛ высказывались совершенно разные: от признания его доказательством существования хронологии в оригинале ГВЛ (якобы утраченной в Хлебниковском списке) до мысли о чистой «декоративности» ремарки» – *Аристов В. Ю.* Свод, сборник или хроника? (О характере древнерусских летописных памятников XI–XIII вв.) // *Studia Slavica et Balcanica Petropolitana*, № 1. Январь-июнь. СПб., 2013. С. 120.

²⁸⁸ *Ип* дает чтение «Соромъ», которое А. С. Орлов исправляет на «Сиромъ» (т.е. антиохийским сирийцам). Исследователь отверг толкование, предложенное издателями Ипатьевской летописи 1871 г., которые отдавали предпочтение *Ип*, толкуя его чтение «Соромъ» как указание на «антиохийский смешанный способ летосчисления» – *Орлов А. С.* К вопросу об Ипатьевской летописи. С. 107. Из конъектуры Орлова выходит, что здесь должна подразумеваться одна из сирийских систем летосчисления – антиохийская эра Цезаря с эпохой 48 г. до Рождества Христова – *Болотов В. В.* Лекции по истории древней церкви. Том 1. СПб., 1907. С. 84. Однако в таком случае неясно, как автор *ЛвМ* мог соотносить антиохийский счет лет с периодом «от Адама до Христоса». Поэтому вполне возможно, что именно чтение *Хл* «съборомъ» исправно и более осмысленно (т.е. собранное антиохийцами число лет ветхозаветной истории). Такую трактовку подтверждает Слово Исихия на Рождество в составе Изборника 1073 г., где исчисление времени ветхозаветного периода связывается с Антиохией (так называемая антиохийская эра): «...лета по Антиохиномъ отъ сздаия миру до Христово Рождения .s. (6000) Събираеть бо ся отъ Адама до Фалека...» – Изборник великого князя Святослава Ярославича 1073 года. СПб., 1880. Л. 250а. Чтение «Антиохийскимъ соборомъ» дает также Ермолаевский список.

²⁸⁹ *The Old Rus' Kievan and Galician-Volhynian Chronicles*. P. 347.

вводит в окружающий контекст вполне обоснованно, поскольку в следующем далее эпизоде ретроспективно («овогда ж писати в предняя») развивается тема участия Романовичей в европейских делах. Здесь автор кратко изложил причины войны между чешским королем Пшемислом II Оттокаром и венгерским королем Белой IV за наследство погибшего австрийского герцога Фридриха II Бабенберга, в которую около 1252 г. вступил и Даниил Романович. Об убийстве герцога автор уже упомянул ранее²⁹⁰, рассказывая о приеме Белой IV немецкого посольства.

А. С. Орлов, наиболее детально проанализировавший библейско-хронографические цитаты в «Галицкой летописи», источником знания её автора о системах хронологии считал в первую очередь древнерусские переводы всемирноисторических хроник Иоанна Малалы и Георгия Амартола. Согласно выводам исследователя, их тексты могли быть знакомы книжнику по хронографической компиляции, составленной около 1262 г.²⁹¹, по всей видимости, в Галицко-Волынской Руси. Из «Хроники» Малалы летописец мог узнать само имя кесарийского епископа в форме «Евсевии Памфилов»²⁹² в отличие от «Панфиличь» русского перевода Амартола²⁹³. Действительно, отсылки к сочинениям Евсевия часто встречаются в первых десяти книгах «Хроники» Малалы. В то же время исследователь отметил, что «всё рассуждение 1254 г. о летосчислении следовало бы пересмотреть для уточнения источников»²⁹⁴.

²⁹⁰ «Бе бо царь обдержал один землю Ракушьску и Штирьску, герцюкъ бо уже убиень бысть» (Ibid. P. 344).

²⁹¹ Этот хронографический свод известен под условным названием «Иудейский хронограф», введенным В. М. Истриным для именованя протографа Архивского (РГАДА, ф. 181, оп. № 1, 279/658 – датируется второй половиной XV в.) и Виленского (Библиотека АН Литвы, F19-109/1-3) списков хронографа. Академик Орлов выдвинул обоснованное предположение о галицко-волынском происхождении протографа обоих списков. Именно этот хронограф исследователь считал наиболее вероятным источником цитат и реминисценций для галицко-волыньских летописцев XIII в.

²⁹² Мы не обнаружили в изданном тексте «Хроники» Малалы именно такой формы имени Евсевия.

²⁹³ Орлов А. С. К вопросу об Ипатьевской летописи. С. 108.

²⁹⁴ Там же.

Следуя рекомендации Орлова, обратимся к тем местам «Хроники», где упоминается имя кесарийского епископа²⁹⁵. Отсылки к трудам Евсевия встречаются у Малалы в следующих контекстах. В VII книге со ссылкой на Евсевия приводится расчет лет правления Филиппа в Македонии²⁹⁶. В VIII книге отсылка к Евсевию сопровождает рассказы о победе Октавиана над Клеопатрой и пленении Иерусалима Антиохом Эпифаном²⁹⁷. На Евсевия Иоанн Малала ссылается в X книге, упомянув, что после Петра в Риме епископом стал Аинос²⁹⁸. По приводимым в «Хронике» сведениям Евсевия, Христос был распят во время иудейского праздника, в «праздникъ их» произошло и третье пленение Иерусалима при Веспасиане²⁹⁹.

Во вступлении к X книге «Хроники» читается рассуждение о расчете лет от Адама до Христа, где упомянут среди прочих «хронографов»³⁰⁰ и Евсевий Кесарийский: «Евсевии же Памфилийскии в шестую тысящу лет глаголет и си явльшася Спаса Христа – по числу шести ден сътворения Адамова. Пред скончанием же шестаго лета, рече, якоже явися на земли Господь и Бог наш Христос избавити род человеческий»³⁰¹. Этим небольшим перечнем и ограничиваются сведения о Евсевии в том объеме «Хроники» Малалы, в каком она вошла в состав предполагаемого Орловым источника «хронографических» цитат в *ЛвМ* – «Иудейского хронографа», т.е. до X книги включительно. Приведенную нами цитату из «Хроники» и можно было бы счесть источником авторского знания о Евсевии. Однако автор *ЛвМ* явно упоминает о синхронизации систем исчисления времени, перечисляя в

²⁹⁵ В данном случае мы пользуемся подготовленными В. М. Истриным публикациями древнерусского перевода «Хроники» Малалы, изданными М. И. Чернышевой в одной книге («Хроника» Иоанна Малалы в славянском переводе: Репринтное издание материалов В. М. Истрина / Подгот. М. И. Чернышевой. – М., 1994).

²⁹⁶ Там же. С. 197.

²⁹⁷ Там же. С. 220, 224.

²⁹⁸ Там же. С. 279.

²⁹⁹ Там же. С. 281.

³⁰⁰ Перечисление у Малалы открывается отсылкой на важнейший для средневекового христианского историка авторитет, Пятикнижие Моисея. Далее следуют ссылки на хронологические расчеты Климента Александрийского, Феофила Антиохийского и Тимофея. Евсевий Кесарийский упомянут в этом ряду последним.

³⁰¹ Там же. С. 260.

одном ряду счет по олимпиадам, високостам и антиохийскую эру. Все это говорит о его большей осведомленности в литературном наследии Евсевия, чем он мог получить из «Хроники» Малалы.

К тому же, в отсылках Иоанна Малалы Евсевий Кесарийский предстает более богословом-экзегетом, чем собственно «хронографом», ему здесь приписано следование типологическим рассуждениям о сроках мировой истории и параллелизме исторических дат, а не «практическая» хронография мировой истории. Так, в X книге «Хроники» с его именем соотносится только символический метод хронологии – уподобление шести дней творения шести прошедшим от Сотворения Адама до Боговоплощения тысячелетиям человеческой истории, который был известен и до Евсевия³⁰². При этом в «Хронике» Малалы ничего не сказано о синхронизации Евсеем различных систем хронологии.

Итак, если бы древнерусский писатель XIII в. имел представление о деятельности Евсевия лишь на основании глухих отсылок «Хроники» Малалы, то вряд ли в своем труде обращался к его имени как знаковому и авторитетному.

К перечисленным Орловым возможным источникам познаний автора необходимо также добавить выборку из сочинений самого Евсевия в составе Изборника 1073 г.³⁰³, вероятно, восходящую к его «Хронике»³⁰⁴. Этот комплекс текстов, судя по оглавлению Архивской рукописи, входил в состав

³⁰² Метод уподобления лет всемирной истории числу дней творения восходит к «Хронографии» Юлия Африкана, одному из главных источников «Хроники» Евсевия.

³⁰³ См. Изборник 1073 года. Л. 247 об. – 249 об.

³⁰⁴ В оглавлении Архивской рукописи данный текст имеет заглавие «Евсевиево о летнихъ». Греческий оригинал см. PG, 92, col. 1053–1057. В 92 томе *Patrologia Graeca* изданы извлечения из Евсевия в составе анонимной «Пасхальной хроники» под заглавиями «Εὐσεβίου ἐκ τῶν χρονικῶν» и «Τοῦ αὐτοῦ ἐκ τῶν αὐτῶν». Согласно исследованию М. В. Бибикова, выборка из «Хроники» Евсевия и Слово Исихия «О Христове Рождении» в ряде греческих списков сопровождают предполагаемое им ядро Изборника 1073 г., «Вопросы и ответы» Анастасия Синаита – Бибиков М. В. Византийский прототип древнейшей славянской книги (Изборник Святослава 1073 г.). М., 1996. С. 70.

ее несохранившегося раздела, «Главы Соборника числомъ» (на л. 724)³⁰⁵. Именно здесь Евсевием описаны главные различия систем летосчисления Востока и Запада, упоминаются юлианский календарь и високосты. «Соборник» вполне мог быть доступен работавшему на Волыни летописцу. Так, Орлов предполагал, что этот «Соборник», имевший в основе Изборник 1073 г., дополненный законодательными главами, возможно, тождественен упоминаемому в *ЛвМ* «съборнику» князя Василька Романовича³⁰⁶.

Давно была отмечена параллель между началом XVIII книги «Хроники» Малалы, которая вошла в состав Еллинского летописца обеих редакций, и анализируемой нами цитатой *ЛвМ*³⁰⁷. Однако само по себе использование автором фразы «хронографу же ноужа есть писати» (см. выше), находящей частичное соответствие в тексте XVIII книги³⁰⁸, еще не может свидетельствовать о его ориентации на «Хронику» как образец. Тем более что своей декларацией автор со ссылкой на авторитет «премудрых хронографов» оправдывает право на свободное изложение исторического повествования: «овогда ж писати въ предняя, овогда же въступати в задняя». Иоанн Малала же рекомендует читателю сверять перечисления периодов царствований с хронологическими исчислениями: «Хронографу ноужда есть писати вси, еликоже есть, кьи убо царствовал царь, отнележе бысть наречень

³⁰⁵ Оглавление Архивского сборника приведено в предисловии к «Летописцу русских царей», изданному К. М. Оболенским. См.: Летописец Переяславля-Суздальского, составленный в начале XIII в. (между 1214 и 1219). М., 1851. С. DLXXXII.

³⁰⁶ Соборник упомянут в перечне книг, переданных Владимиром Васильковичем волынским церквям: «...и съборникъ отца своего туто же положи...» – The Old Rus' Kievan and Galician-Volhynian Chronicles. P. 387.

³⁰⁷ *Попов А. Н.* Обзор хронографов русской редакции. М., 1866. С. 69.

³⁰⁸ Древнерусские тексты XIII–XVIII книг «Хроники» Малалы известны по обеим редакциям Еллинского летописца. Отсюда следует, что известный по Архивской и Виленской рукописям хронограф, где отсутствует XVIII книга «Хроники», не мог служить для автора Летописи непосредственным источником цитат. Это побуждает предполагать иной характер взаимоотношений Иудейского хронографа и волынского летописания XIII в. Более вероятной нам представляется гипотеза о параллельной работе над хронографической компиляцией и летописью – *Вилкул Т. Л.* Иудейский и Софийский хронографы в истории древнерусской хронографии // *Palaeoslavica*. Cambridge, MA, 2009. Vol. XVII, № 2. P. 85. Хотя возможно и знакомство автора с протографом Архивского списка, который, мог содержать и полный текст «Хроники» Малалы – *Истрин В. М.* К вопросу о взаимоотношении Еллинских летописцев и Архивного (Иудейского) хронографа // ИОРЯС, Т. 16, кн. 4. СПб., 1912. С. 136.

царь. Лепо есть убо чтущему летняя списания количества смотри мимотекущих лет, а не точию от предписанных царствех»³⁰⁹.

При несомненном наличии между двумя произведениями определенных стилистических параллелей, сама «Хроника» Малалы для автора *ЛвМ* не была непосредственным литературным образцом. Так, для построения «Хроники» характерно введение хронологических исчислений либо во вступлениях к разделам-книгам, либо в их эпилогах. Таким способом Малала согласовывал свое повествование о периодах царствований с «летным списанием». Тогда как намерение автора *ЛвМ* привести хронологические расчеты по окончании своего труда («Вся же лета спишемъ, росчетше в задняя») предполагало бы скорее присоединение особого хронологического указателя, отдельного от основного повествования, а не переработку всего текста с целью внесения годовых датировок³¹⁰. Возможность существования такой таблицы-указателя в протографе *Ин-Хл* предполагали М. С. Грушевский³¹¹ и М. Д. Приселков³¹².

Кроме того, как мы установили выше, «Хроника» Иоанна Малалы ничего не сообщает о синхронизации Евсевием Кесарийским различных хронологических систем (греко-римской и восточных), упоминая только о его следовании традиционному «типологическому» методу летосчисления в расчете лет от Адама до Христа. Более того, сам Иоанн Малала в начале XVIII книги ссылается и на других авторитетных историков. При перечислении различных хронологических расчетов, Малала упоминает Евсевия Кесарийского только во вторую очередь, после Климента

³⁰⁹ «Хроника» Иоанна Малалы в славянском переводе. С. 359.

³¹⁰ Как это было сделано редактором *Ин*.

³¹¹ *Грушевський М. С.* Історія української літератури. Т. 3. Київ, 1993. С. 143.

³¹² «К сожалению, в материале Ипатьевской летописи мы не встречаем <...> хронологической таблицы («число летомъ») с расчетом на олимпиады, как считали греки, и по високостам, как обычно пишут хронографисты, излагая время от Адама до Христа. Надо думать, что эту таблицу отбросили последующие обработки галицко-волинского летописания» – *Приселков М. Д.* История русского летописания XI–XV вв. С. 293.

Александрийского, Тимофея и Феофила³¹³. В начале XVIII книги исчисление лет от Адама до начала консульства Юстиниана по Феофилу, Тимофею и Клименту (в греческом тексте по Боннскому изданию – 6497, в древнерусском переводе по Еллинскому летописцу – 6407) Малала считает более точным, чем счисление Евсевия (соответственно 6432 и 6032)³¹⁴.

Автор *ЛвМ*, напротив, среди «иных хронографов» выделяет именно Евсевия Памфила. Итак, мы еще раз убеждаемся в том, что его знание роли Евсевия как одного из основоположников хронографического летосчисления, не имеет в обязательном порядке своим источником только «Хронику» Малалы или основанную на ней всемирноисторическую компиляцию («Иудейский хронограф» или Еллинский летописец).

Само обещание привести хронологическую таблицу («число летомъ») в отдельном разделе позволяет предположить знание автором композиционных особенностей одного из важнейших исторических сочинений Евсевия – «Хроники» (*Chronicon*). Этот исторический труд Евсевия состоял из повествовательной части, свободной от дат («Хроноуграфия»), и синхронистических таблиц («Хронокоі κανόνες»). Последний раздел «Хроники» составляют параллельные хронологические таблицы событий, датированных по «годам Авраама», олимпиадам и периодам царствований римских императоров.

Чтобы установить, в каком виде могла быть известна сама «Хроника» Евсевия в Юго-Западной Руси XIII в., потребовались бы дополнительные разыскания. Пока же можно высказать осторожную догадку, что «Хроника»,

³¹³ «Хроника» Иоанна Малалы в славянском переводе. С. 260, 358. Характер и объем дополнений в «Хронике» Малалы требует отдельной разработки в тесной связи с проблемой интерполяции в других древнерусских переводах (прежде всего, «Истории Иудейской войны» Иосифа Флавия).

³¹⁴ Ioannis Malalae Chronographia. Bonn, 1831. P. 428. В этом месте древнерусский перевод Малалы оказывается полнее, чем текст Оксфордского списка «Хроники». Тот вариант мировой эры, который Малала приписывает Евсевию («долгая эра») не известен по сочинениям самого Евсевия – Кузенков П. В. Христианские хронологические системы. История летосчисления в святоотеческой и христианской традиции. М., 2014. С. 289.

помимо фрагментов в «Соборнике», могла быть знакома книжнику либо по греческому тексту³¹⁵, либо по армянской версии³¹⁶.

Вопрос о том, почему автор ориентировался на Евсевия, может быть поставлен и в несколько ином ключе, чем предлагал А. С. Орлов. Следует обратить внимание не столько на источники его познаний, сколько попытаться интерпретировать его декларацию как своеобразный «литературный жест». Как с историко-литературной точки зрения можно объяснить апелляцию русского писателя-историка XIII в. к авторитету кесарийского епископа? Для ответа на этот вопрос декларацию автора *ЛвМ* стоит рассмотреть в более широком контексте.

Для обоснования своего права на ведение свободного от погодной сетки рассказа автор ссылается на авторитет «хронографов», которым надлежит описывать события в их прагматической связи. Эта установка призвана оправдать свободный характер обращения автора с источниками. Материал из письменных и летописных источников автор подчиняет избранному формату повествования, отличие которого от официального типа летописания им чётко осознавалось. При этом он ориентируется на

³¹⁵ Во всяком случае, знание автором, как лицом духовным, греческого языка нам представляется несомненным. Об употреблении греческого языка на Руси XIII в. в богослужении свидетельствует «Житие Петра царевича Ордынского», в котором описываются службы в ростовской церкви, где царевич услышал «пения доброгогласныя, яко же ангельска: бе бо тогда в церкви святыя Богородица левый клирос греческы пояху, а правый рускы» (цит. по Русские повести XV–XVI веков. М.; Л., 1958. С. 99).

³¹⁶ Армянская община сформировалась на Волыни довольно рано. Армяне называются среди иноземцев, поселившихся в основанном Даниилом Холме – *Клеванов А.* История Юго-Западной Руси от ея начала до половины XIV в. М., 1849. С. 217. Уже с XIV в. существовал каменный армянский храм во Львове (церковь святой Анны). В 1367 г. там же возникает армянская епископия – *Иконников В. С.* Опыт русской историографии: В 2-х тт., в 4-х книгах. Т. II. Кн. 1: репринтное издание 1891–1908 гг. СПб., 2007. С. 575. Кроме того, именно в «Канонах» армянской версии «Хроники» Евсевия (в отличие от латинской обработки блаж. Иеронима) годы олимпиад прямо синхронизированы с високосными годами юлианского календаря – *Болотов В. В.* Лекции по истории древней церкви. С. 148. Документальные свидетельства древности армянской общины в Галицко-волынской земле также см. в работе: *Дашкевич Я. Р.* Древняя Русь и Армения в общественно-политических связях XI–XIII вв. (Источники исследования темы) // Древнейшие государства на территории СССР. Материалы и исследования, 1982. М., 1984. С. 185.

образованного читателя («чтвыи мудрыи разумеет»), который мог бы воспринять своеобразие его сочинения.

С разной степенью доказательности были установлены источники *ЛвМ*, среди которых указывались и традиционные, содержащие годовые статьи летописцы³¹⁷. Так, автор памятника мог пользоваться летописным источником киевского происхождения, относящимся к первой половине XIII в. А. А. Шахматов предполагал использование Черниговской летописи 1286 г.³¹⁸ А. Ю. Бородихиным было установлено привлечение владимирского свода Ярослава Всеволодовича при создании Галицко-волынской редакции Цикла повестей о нашествии Батыя³¹⁹.

По всей видимости, в распоряжении автора были и местные летописные материалы: княжеские или епископские летописцы Владимира Волынского. К источникам такого рода, в частности, могут восходить вплетенные в общий строй повествования эпизоды войн с литовцами и ятвягами на окраинах Волыни. Обилие подробностей позволяет предположить здесь отражение текущего местного летописания. Замечания автора от первого лица указывают на использование сведений из подобного

³¹⁷ М. Д. Приселков считал, что и в XII, и в XIII в. в Юго-Западной Руси велось погодное летописание – История русского летописания XI–XV вв. С. 96.

³¹⁸ Несмотря на частые конфликты между старшими Романовичами и Михаилом Черниговским и его сыном Ростиславом, княжеские семейства Волыни и Чернигова поддерживали матримониальные связи. Женой волынского князя Владимира Васильковича была внучка Михаила Всеволодовича – Ольга Романовна. Известно, что князь Владимир перед кончиной передал в Чернигов евангелие-апракос в серебряном окладе.

³¹⁹ *Бородихин А. Ю.* Цикл повестей о нашествии Батыя в летописных и летописно-хронографических сводах XIV–XVII вв. С. 114. События татарского разорения Владимиро-суздальской земли и гибель Юрия Всеволодовича должны были представлять несомненный интерес для автора *ЛвМ*, тесно связанного с семьей Владимира Васильковича. Супруга Василька Романовича и мать его сына Владимира, известная как Добрава (Елена), была дочерью великого князя Юрия Всеволодовича (См. *Baumgarten de N. Généalogies et mariages occidentaux des Rurikides Russes...* P. 47). Во второй половине XIII в. она оставалась единственным пережившим нашествие потомком Юрия. См. Георгий (Юрий) Всеволодович // Русский биографический словарь. Гааг-Гербель. М., 1991. С. 454.

источника: «...и в ина времена Божию милостию избъени быша погани, ихже не хотехом писати от множества ради»³²⁰.

Отражение в *ЛвМ* текущего владимирского погодного летописания косвенно доказывается также приведенными автором сроками правлений волынских (княжение Владимира Васильковича длилось 20 лет) и литовских (Тройден княжил в Литве 12 лет) князей. Предположим, что этот источник мог содержать дату смерти Шварна Даниловича, о сроке княжения которого автор в типичной для него манере замечает, что тот «княживъ же немного лет»³²¹. Пользуясь его данными, летописец мог подсчитать срок правления Тройдена³²², который сменил Шварна на литовском княжении.

Таким образом, избранная автором форма повествования обусловлена, прежде всего, сознательным выбором жанра, а не была вызвана недостатком точных датировок в доступных ему источниках. При составлении труда перед ним стояла та же задача, что и перед самим Евсевием Кесарийским, который писал в предисловии к первой книге «Церковной истории»: «...Все, что в их там и сям рассеянных воспоминаниях (*Евсевий имеет в виду свидетельства своих предшественников – В. П.*) я сочту полезным для поставленной себе цели, я соберу; словно на лугу духовном, я, как цветы, подбираю у старых писателей нужные мне сведения и стараюсь представить их в историческом повествовании как нечто цельное»³²³. Автор *ЛвМ* в ходе работы над сочинением столкнулся с необходимостью в собственной последовательности рассказать о событиях, известных ему как по устным, так и по письменным источникам. Особое внимание автора к лежавшему четыре года в болезни Владимиру Васильковичу может свидетельствовать о привлечении автором и воспоминаний князя как участника и очевидца событий.

³²⁰ The Old Rus' Kievan and Galician-Volhynian Chronicles. P. 339.

³²¹ Ibid. P. 366.

³²² См. *Пащито В. Т.* Очерки по истории Галицко-Волынской Руси. С. 118.

³²³ Цит. по *Евсевий Памфил.* Церковная история. СПб., 2005. С. 12.

Литературная позиция книжника вписывается, как нам представляется, в единую традицию классической (как восточно-, так и западнохристианской) хронистики, где «редкий автор раннесредневековой хроники в предисловии к своему сочинению не воздавал хвалу Евсевию как родоначальнику жанра»³²⁴. Уже в VI в. на авторитет Евсевия в хронологии ссылался Григорий Турский³²⁵. На «Хронику» Евсевия как на литературный образец указывал в предисловии к своей «Хронографии» XII в. валлонский монах Сигеберт³²⁶.

С появлением на Западе в конце XII в. всемирноисторического труда «*Historia scholastica*», авторитетом для европейских хронистов становится его автор – французский богослов и историк Петр Коместор (*Petrus Comestor*)³²⁷ – «мастер историй», имя которого с этого времени активно фигурирует в предисловиях ко многим историческим сочинениям.

Современный французский историк и культуролог Бернар Гене писал о понимании жанра «истории» на латинском Западе: «В “истории” приоритет был отдан повествованию. Разумеется, историк всегда почитал своим долгом придерживаться хронологического порядка. Но от него не ожидали точных дат, и он их практически никогда не давал. Зато его повествование было возвышенно и развивалось по всем правилам риторики. Историям обязательно была присуща *prolixitas* (протяженность), точно также как хроникам *brevitas* (краткость). Так, историки, наиболее верные традиции, восходившей к Евсевию Кесарийскому, четко разграничивали <...> истории,

³²⁴ Тюленев В. М. Рождение латинской христианской историографии. СПб., 2005. С. 75.

³²⁵ «О летосчислении же мира сего и о подсчете всей последовательности лет ясно изложено в Хрониках Евсевия, епископа Кесарийского, и Иеронима-пресвитера» (цит. по Григорий Турский. История франков. М., 1987. С. 8). Следует отметить, что западноевропейские хронисты воспринимали наследие Евсевия, как правило, через посредство блаженного Иеронима.

³²⁶ Вайнштейн О. Л. Западноевропейская средневековая историография. С. 153.

³²⁷ Бернар Гене связывает популярность этого труда с его важной ролью в средневековом образовании: «Сочинение Петра Коместора <...> было признано необходимым минимумом для всех, изучающих библейскую историю. С конца XII века оно стало основным школьным учебником, Схоластической историей, а его автор на протяжении веков славился как “Мастер историй”» – Гене Б. История и историческая культура Средневекового Запада. М., 2002. С. 348.

в которых темы исследовались глубоко, и хроники, основной задачей которых было отметить время и вкратце изложить события»³²⁸.

Итак, обращение к наследию и авторитету Евсевия Кесарийского свидетельствует о том, что автор *ЛвМ* понимал жанр «истории» в той же интерпретации, что и западные средневековые писатели. Представление об истории как жанре было известно также и в русской филологической традиции. В азбуковниках он получает такое определение: «История – книга, содержащая в себе иже в древних временах бывших деяний исповедание, подобно хронографу, *кроме летнаго числа времени*»³²⁹.

Следуя сознательному выбору жанра, автор стремился создать историческое повествование о почти трёх поколениях одного княжеского рода со времен детских лет Даниила и Василька Романовичей. Именно выбором жанровой формы обусловлена гибкая временная структура сочинения, способы цитирования протографов, изложение событий по авторскому плану, а не в последовательности годовых статей. Предполагаемое нами знакомство автора с композицией «Хроники» Евсевия дает историко-литературное обоснование специфике его произведения, последовательно освобожденного от погодной сетки даже в тех случаях, когда автор вполне мог установить даты событий по другим летописным источникам. Такая последовательность становится объяснима в том случае, если он, собиравшись составить к своему повествованию отдельную хронологическую таблицу, подобную «*Χρονικοῦ καὶ ὀνείας*» Евсевия.

Наши выводы, касающиеся ориентации автора на «хронографов», получают подтверждение и со стороны кодикологических особенностей, а также рукописного контекста *Хл*. Мы имеем в виду фрагменты книги Есфирь, читающиеся на последних листах *Хл* и входившие в состав их общего с *Ин*

³²⁸ Там же. С. 238.

³²⁹ Цит. по: *Дергачева-Скоп Е. И.* Сибирские летописи в исторической прозе XVII века: текст-контекст // Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2002. Т. 1, вып. 1. С. 7.

протографа³³⁰. Эта ветхозаветная книга не имела на Руси какого-либо богослужебного употребления и помещалась в ряду исторических библейских книг, что и отразилось в старших списках³³¹. Присутствие Есф в протографе *Ин-Хл* следует рассматривать в одном ряду с намерением автора привести в конце своего труда хронологический указатель («число летом»), обращением к стилистическим параллелям из всемирноисторической литературы и знакомством с трудами Евсевия – как свидетельство целенаправленных занятий автора хронографией и его сознательной ориентации на такой тип исторической литературы.

А. А. Шахматов установил, что русское летописание, используя Никифоров «Летописец вскоре»³³², восприняло хронологию от Сотворения мира и форму погодных статей. В XIII в. на Волыни, как при дворах старших Романовичей, так и «книжника и философа» Владимира Васильковича происходит активное обращение к классическому литературному наследию Киевской Руси. Стилистика Летописи дает обильные примеры знакомства автора с переводной исторической литературой. С использованием ранних

³³⁰ Доказательства раннего характера отрывков из Есф в *Хл* и её включенности в состав протографа обоих списков см. в нашей отдельной статье: *Подопригора В. В.* Фрагменты книги Есфирь в составе Хлебниковского списка южнорусского летописного сборника конца XIII века // Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2016. Т. 15, вып. 9. С. 184–192.

³³¹ В первую часть рукописи ТСЛ, №2 XIV в. (*Срезневский И. И.* Древние памятники русского письма и языка (XXIV веков). Общее повременное обозрение. СПб., 1882. Стб. 89) включены тексты ветхозаветных книг (Иисус Навин, Судей, Руфь, Есфирь). Как раз вслед за Есф. на лл. 137–142 об. в сборнике помещен блок статей, посвященных проблемам хронологии Священной истории и имеющий заглавие «От книг хронографа» («О обавлении Господьских от Апостольских заповедий», «Евсевиево от летных», «Тогожде», «Исухиево о Христове рожени», «Иоана Дамаскина о македоньских месяцах»). Этот комплекс соответствует 181–184 словам Изборника 1073 г. Как видим, здесь среди прочего находятся и две статьи, восходящие к «Хронике» Евсевия Кесарийского, знание которой мы предполагаем у автора *ЛвМ* волынских Мономаховичей. Кроме того, на л. 137, т.е. сразу после текста Есф. и перед вышеупомянутыми статьями, в сборнике помещено исчисление лет от Сотворения мира до княжения Всеволода Большое Гнездо, возможно, подобное тому «числу летом», которое автор планировал присоединить к тексту.

³³² *Шахматов А. А.* Исходная точка летосчисления «Повести временных лет» // ЖМНП. Седьмое десятилетие. Часть 310. 1897, март. СПб., 1897. С. 219.

русских переводов «Хроники» Иоанна Малалы, «Истории Иудейской войны Иосифа Флавия» и других переводных сочинений во второй половине XIII в. здесь создается протограф Архивского и Виленского списков хронографа. В этом контексте становится понятной ориентация автора Летописи на основателя классической хронографии – Евсевия Кесарийского. Книжник отходит от традиций XI–XII вв., обращаясь к авторитету Евсевия, что объясняет избранную им жанровую форму исторического повествования и, возможно, отражает некие предвозрожденческие тенденции в литературном процессе эпохи.

Итак, сохраняющая генетическую связь с традициями летописного жанра *ЛвМ* может быть описана как целостное произведение, имеющее концептуальное начало и завершение. Она несет в себе многие сложившиеся еще в раннем летописании жанровые константы. Но к традиционным стилистическим средствам автор обращается для создания единого исторического повествования. Именно за счет авторских модификаций историко-летописных топосов памятник выходит на новый для древнерусской литературы этого периода уровень династической хроники. Повествование приобретает черты жанра «истории», скрепленной единством темы и концепции, основанной на идее обновления князьями двух поколений волынской ветви Мономаховичей в своих воинских, политических и градостроительных деяниях «предней славы» основателей рода.

Стремление автора к созданию целостного, выходящего за пределы летописной структуры повествования об истории волынских Мономаховичей прочитывается уже в экспозиции *ЛвМ*, которая, хотя и имеет явно вставной характер, выполняет очень важные функции. Для воплощения необходимого для исторического повествования топоса, который мы определяем как «начало истории», автор обращается к устным преданиям о Романе Мстиславиче и приемам легендарно-эпической стилизации, помещая образы и деяния предков рода в эпическом хронотопе. Однако это обращение автора к фольклорной стилизации ещё не позволяет говорить об архаичности жанра

памятника. Легендарно-эпические приемы чётко локализованы в тексте и связаны с образом Романа Мстиславича, а такие традиционные для раннего летописания форматы как, например, топонимическая легенда вообще не оказались востребованы в повествовании *ЛвМ*.

Анализ топосов летописных панегириков обнаруживает их неразрывную связь с основным повествованием. Так, похвала Даниилу Романовичу по своим основным позициям (сравнение князя-храмостроителя с царем Соломоном, похвала добродетели братолюбия) органично вписывается в сюжетику *ЛвМ*. При этом, несмотря на свою традиционность, топосы летописных панегириков включаются автором в новое концептуальное поле. Наиболее полно классическая схема летописного похвального слова реализуется в похвале Владимиру Васильковичу, что подчеркивает концептуальную значимость для автора финала повествования о правлении и жизни этого князя. В пространной и торжественной похвале волынскому князю важную роль выполняют цитаты из «Слова о Законе и Благодати» митрополита Илариона. Анализ авторских способов цитирования «Слова», послужившего источником топики для русских житий и похвальных слов святым-равноапостольным, позволяет прийти к выводу, что автор не подразумевал в данном случае отсылку к этому чину святости. Выбранные им цитаты следует рассматривать как средства воплощения идеи *translatio imperii* (актуальной у князей рода волынских Мономаховичей в XIII в.), т. е. преемства Волынским княжеством функции «освященного царства» от Киева. Важная в концепции *ЛвМ* идея преемственности проводится путем соотнесения образов Владимира Васильковича и его наследника Мстислава Даниловича с богоизбранными правителями (царями Давидом и Соломоном, Константином Великим, Владимиром Святославичем и Ярославом Мудрым). Мы предполагаем, что отсылки к этим образам, в частности к градостроительству Константина Великого, нашли отражение не только в панегирической, но и в повествовательной части *ЛвМ*.

Наряду с отсылками к образам богоизбранных царей и концепции *translatio imperii*, обеспечиваемым обращением к топике летописных панегириков, автор для развития темы личной христианской праведности Владимира Васильковича обращается к элементам агиографического стиля. Они чётко локализованы в повествовании о четырех годах мучительной болезни князя. Традиционные топосы и в этом случае предстают в своих авторских модификациях. Например, такой типичный и находящийся параллели в предшествующем летописании стилистический элемент, как предсмертная молитва князя расширяется автором за счет цитат из книги Иова, которому он стремится уподобить своего героя. Отсылки к образу ветхозаветного праведника развивают и приёмы календарного символизма.

Наиболее близкими параллелями к *ЛвМ* в исторической литературе византийской традиции являются повествования, излагающие историю династии и формирующие определенный «династический миф», приближаясь к жанру «практического зеркала». Типологически близким примером можно считать жизнеописания византийских царей Продолжателя Феофана, посвященные истории правлений императоров Македонской династии.

Выбор жанровой формы обусловлен ориентацией автора *ЛвМ* на традиции классической хронографии. Традиционно в историографии предполагалось опосредованное представление автора о «премудрых хронографах», через компиляцию переводных исторических сочинений (Иудейский хронограф середины XIII в.), основанную на «Хронике» Иоанна Малалы, библейских книгах и «Истории Иудейской войны» Иосифа Флавия. Из анализа контекстов, в которых упоминается один из основателей христианской хронографии – Евсевий Кесарийский – в «Хронике» Малалы, мы делаем вывод, что автор *ЛвМ* скорее был знаком с сочинениями Евсевия непосредственно, а не через «Хронику» или какую-либо хронографическую компиляцию типа Иудейского хронографа или Еллинского летописца. Наличие в общем протографе *Ин-Хл* книги Есфирь, конвой которой (наряду с

остальными ветхозаветными книгами, составляющими «Десятикнижие») в древнейшем списке ТСЛ, № 2 составляет выборка хронологических статей, куда в частности входят и фрагменты «Хроники» Евсевия, также может свидетельствовать о целенаправленном интересе автора к всемирноисторической хронографии.

Таким образом, в *ЛвМ* традиционные топосы историко-летописного повествования, отчужденные от жанра-протографа, в перспективе определенной авторской телеологии участвуют в формировании не только иного жанра, но и нового концептуального единства.

Глава 3. Летопись волынских Мономаховичей как авторское литературное произведение. К проблеме жанра

3.1. Летопись волынских Мономаховичей в южнорусском летописном своде конца XIII в.: уровни обработки текста

Согласно традиционной точке зрения на состав всего южнорусского летописного свода конца XIII в., его галицко-волынский источник отразился в нём не в полном объеме³³³. Такое мнение основано на предположении о существовании единого галицко-волынского свода, который должен был содержать в себе местные известия почти за два столетия (XII–XIII вв.). Установление возможных связей последнего редакционного слоя южнорусского свода с чтениями в его первых двух частях (ПВЛ и Своде Моисея), отличающимися *Ин-Хл* от других линий летописания, что позволило бы с большей определенностью ответить на вопрос о едином галицко-волынском протографическом источнике *Ин-Хл*, требует специальной разработки. В данном разделе мы сосредоточимся только на выяснении того, каким был сам способ соединения Киевского свода и *ЛвМ* – можем ли мы говорить только о механической компиляции двух источников либо о попытке создания из них единой повествовательной конструкции. Ответ на этот вопрос позволил бы нам рассматривать *ЛвМ* в составе *Ин-Хл* как целостный авторский текст, не связанный с предшествовавшим ему летописанием XII в.

Проблеме границ редактирования *ЛвМ* в составе *Ин-Хл* следует уделить внимание ещё и потому, что еще на начальных этапах изучения источников свода (А. А. Шахматов, М. Д. Приселков) предполагалась разная степень воздействия галицко-волынского источника на все три компонента *Ин-Хл*.

³³³ «Не только Летописец Даниила Галицкого дошел до нас с утратами (отсутствуют начало и конец произведения), но и его продолжатель – Волынская летопись – сохранился не полностью: также утрачены начало и конец» – *Котляр Н. Ф.* Галицко-Волынская летопись... С. 135.

Исследователи, специально занимавшиеся составом источников его третьей части (за исключением В. Т. Пашуто), практически этого вопроса не касались.

А. А. Шахматов склонялся к мнению, что объединение Галицко-волинского повествования с Киевским великокняжеским сводом в протографе *Ип-Хл*, повлекло за собой пополнение последнего галицкими известиями за XII в.

Того же мнения придерживались М. Д. Приселков, представлявший протограф *Ип-Хл* обширной компиляцией, основанной на местных сводах («общерусский свод южной редакции начала XIV в.»), и Ю. А. Лимонов. При этом для доказательства избирательного включения составителем протографа *Ип-Хл* галицких известий XII в. исследователи обращались к известию 1145 г. Здесь читается сообщение о захвате поляками князя Володаря Ростиславича. Шахматов, Приселков и Лимонов полагали, что известие южнорусского свода о наказании королем Владиславом польского магната Петрока (Петра Властовича), пленившего Володаря, отсылает здесь к более пространному рассказу некоего галицко-волинского источника³³⁴. В нём и должен был читаться этот рассказ, который не вошел в Киевский свод, где, тем не менее, составитель сохранил на него возвратную отсылку.

Действительно, в известии 1145 г. приводится авторское обращение к Петроку: «Ты емь руского князя лестью Володаря, и умучивы и, и имение его усхыти все, егоже Бог по неколице днєвь не призре, *о немже бе в заднихъ летехъ писано*» (Ип., 319). Выделенная курсивом фраза относится к относительному местоимению 3 л. «и» (т.е. «в заднихъ летехъ писано» о Володаре, а не о Петроке).

³³⁴ Шахматов А. А. Общерусские летописные своды XIV и XV веков // ЖМНП. Седьмое десятилетие, часть 332. 1900, ноябрь. СПб., 1900. С. 157, прим. 3; Приселков М. Д. История русского летописания XI–XV вв. СПб., 1996. С. 96. По мнению Ю. А. Лимонова, источник сведений о Володаре Ростиславиче следует связывать с летописанием Перемышля – Лимонов Ю. А. Культурные связи России с европейскими странами в XV–XVII вв. Л., 1978. С. 46.

Как нам представляется, сообщение 1145 г. отсылает здесь не к какому-то утраченному более полному тексту, а к тому самому известию Киевского свода под 1122 г., где действительно идет речь о захвате Володаря поляками, но не сообщены прочие подробности (Ип., 286). Следовательно, отсылка на «задние лета» может принадлежать самому составителю Киевского свода, а не его галицко-волынскому источнику. Связь между именно этими двумя известиями доказывается и употреблением в обоих фрагментах выражения «яти лестью»³³⁵. Поэтому и известие 1122 г. мы вполне вправе считать восходящим к галицкому источнику, т.е. цепь заимствований из него в Киевском своде следует отсчитывать как минимум с известия 1122 г., а не с 1141 г., как считал Приселков³³⁶.

О возможности галицко-волынкой редакции Киевского свода уже в XIII в. писал В. Т. Пашуто. По его мнению, соединение двух источников, Киевского и Волынского (в его терминологии – «Холмского свода»), произошло при Данииле Романовиче в середине XIII в.

В *Главе 2* мы обратили особое внимание, какие важные функции в *ЛвМ* выполняет образ основателя новой династии объединенного княжества – Романа Мстиславича. Поэтому сам характер известий, в которых задействован князь Роман, в Киевском своде не может подтвердить мнения В. Т. Пашуто о каком-либо редактировании свода Моисея при дворе его сыновей³³⁷.

В пользу механического объединения двух протографов, прежде всего, свидетельствует тот факт, что книжник, соединивший *ЛвМ* с Киевским сводом, не предпринял никаких попыток сгладить недружественных отзывов

³³⁵ Характерно, что в других сводах, кроме *Густ*, передающей здесь кроме южнорусского свода еще и данные какого-то польского источника, уточнение о пленении Володаря «лестью» отсутствует.

³³⁶ Приселков М. Д. *Летописание Западной Украины и Белоруссии...* С. 291.

³³⁷ Исследователь отмечает: «...видимо, к его же руке (*т.е. редактора, близкого Даниилу Романовичу – В. П.*) должно отнести и пополнение киевского текста кусками галицко-волынского повествования XII в.; <...>, именно этот автор использовал Киевскую летопись 1238 г., переработал ее, дополнив галицким материалом» – Пашуто В. Т. *Очерки по истории Галицко-Волынкой Руси.* С. 17–18.

игумена Моисея (либо его источников) о делах Романа Мстиславича. Рассказом о них полна летописная история отношений князя с Рюриком Ростиславичем и Ольговичами в последних десятилетиях XII в. Остановимся только на самых красноречивых примерах.

Автор Киевского свода (статьи 1195 и 1196 гг.) часто упоминает о нарушениях крестоцелования Рюрику Ростиславичу со стороны Романа Мстиславича, который приходился Рюрику зятем и должен был признавать его старшинство. Авторская антипатия к Роману ощутима и в рассказе о его войне с польским королем Мечиславом (Мешко). В польские междоусобицы Роман вступил, надеясь обрести здесь союзников именно для борьбы с Рюриком Ростиславичем. Согласно Киевскому своду, несмотря на предложения перемирия от Мешко и советы собственных бояр, Роман всё-таки вступает в бой с поляками, терпит тяжелое поражение и бежит во Владимир, раскаиваясь впоследствии перед Рюриком (Ип., 687).

Но самым сильным аргументом против вмешательства волынского книжника в повествование Киевского свода являются детали тех известий, где затрагиваются имущественные права потомков Романа Мстиславича. Сводчик совершенно не попытался отредактировать в их пользу обширный и значимый с точки зрения прав наследников Романа рассказ о начавшейся в 1189 г. борьбе за вотчину сильнейшего князя из прежней галицкой династии – Ярослава Владимировича Осмомысла. Интересные наблюдения здесь дает сравнение Киевского свода с сообщением *Густ.* Судя по её данным³³⁸, этот рассказ мог существовать и в иной редакции, где подчеркивались именно права Романа Мстиславича на галицкий стол³³⁹.

³³⁸ Нет никаких оснований считать это известие позднейшим осмыслением событий, поскольку составитель *Густ.* явно не пытался «выровнять» противоречивого отношения своих источников к личности и делам Романа Мстиславича. В одних ее известиях князь предстает как «сверепь сыи и властолюбец, иже всегда которы любяше» (*Густ.*, 107), «Роман злонравный» (*Густ.*, 109); в других – «великий и храбрый и славный во князехъ» (*Густ.*, 110).

³³⁹ Поэтому мы не можем согласиться с мнением Н. Г. Бережкова, который возводит сообщения 6697–6698 гг. Киевского свода к заимствованиям из галицко-волынського

Согласно известию *Густ* (1189 г.), после захвата Галича венграми «Святославъ Киевський и Рурикъ Ростиславич от митрополита Никифора не токмо умоляеми, но и принуждаеми бяху, дабы взяли князство Галицкое изъ рукъ иноземных и дабы на немъ посадили Романа Мстиславича» (*Густ.*, 103). По версии же Киевского свода, митрополит совершенно не упоминает о правах Романа на княжение в Галиче, обращаясь только к Святославу Всеволодовичу и Рюрику: «Се иноплемьници отъяли отчину **вашю**, а лепо вы бы потрудитися» (*Ип.*, 663)³⁴⁰.

Наконец, среди известий Киевского свода без каких-либо поправок в пользу потомков Романа оставлен весьма выразительный эпизод, напрямую затрагивающий права наследования уже даже не галицкого, а их вотчинного владими́ро-волы́нского стола. В статье 1188 г. помещено известие о том, как приглашенный боярами на галицкий стол Роман отказывается от княжения во Владимире-Волы́нском в пользу младшего брата Всеволода: «Романъ же даде брату Всеволоду Володимеръ отнудь, и крест к нему целова: “Боли ми того не надобе Володимер”» (*Ип.*, 661).

Во времена многочисленных войн и мятежей 1230–40 гг., активным соперником вдовы и сыновей Романа Мстиславича выступал сын Всеволода и двоюродный брат Даниила и Василька, белзский князь Александр. Кроме того, в *ЛвМ* как «сыновец» Романовичей фигурирует сын Александра Белзского – Всеволод³⁴¹. Летописное известие Киевского свода, в котором приводится фактически завещание самого Романа Мстиславича от первого лица, передающее вотчинные права на владими́рское великое княжение

источника, внесенным, по его мнению, на этапе составления всего южнорусского свода в начале XIV в. – *Бережков Н. Г.* Хронология русского летописания... С. 204–205.

³⁴⁰ В «Истории Российской» В. Н. Татищева в обращении Никифора к великим князьям, также как и в Киевском своде, имя Романа отсутствует: митрополит обращается к Рюрику и Всеволоду с просьбой посадить в Галиче «достойнаго русскаго князя» – *Татищев В. Н.* Собрание сочинений: В 8-ми томах: Т. 2, 3. История Российская. Часть 2: Репринт с изд. 1963, 1964 гг. М., 1994. С. 148.

³⁴¹ См. *Войтович Л. В.* Княжа доба: портрети еліти. Біла Церква, 2006. С. 503.

Всеволоду и его сыну Александру³⁴², вряд ли могло удовлетворить сторонника семьи Романа. Весьма маловероятно, чтобы автор, предельно внимательный к правам и порядку наследования волостей Даниилом и Васильком³⁴³, в условиях острой борьбы за княжеские столы, которая не утихла и после татарского нашествия 1237–1242 гг., оставил этот рассказ без редакторских изменений.

Изложенные соображения твёрдо доказывают, что, скорее всего, соединение Киевского свода с *ЛвМ* произошло уже после утверждения Романовичей в своих вотчинах, т.е. в более позднее время, чем предполагал В. Т. Пашуто³⁴⁴. Оно не повлекло за собой редактирования свода Моисея, поскольку события почти вековой давности к этому времени уже утратили актуальность для потомков Романа Мстиславича³⁴⁵.

Затруднения возникали и в установлении границ редактирования завершающей части как всего южнорусского свода, так и его третьей части. Ряд исследователей, придерживающихся взгляда на памятник как на свод самостоятельных княжеских летописцев, считает заключительную часть всего южнорусского свода фрагментом отдельного Летописца Мстислава

³⁴² Кроме того, Александр Всеволодович и по возрасту был старше обоих братьев-Романовичей.

³⁴³ Характерным примером этого служит дважды упоминаемый факт передачи Даниилу вотчины Мстислава Немого: в составе Повести о битве на Калке (Ип., 744) и в другом месте (Ип., 750).

³⁴⁴ В пользу этого свидетельствует также явно неполный список великих князей, владевших Киевом до его взятия татарами, помещенный в предисловии к обоим главным спискам южнорусского сборника. Этот перечень едва ли был составлен автором *ЛвМ*, поскольку здесь отсутствуют имена упоминаемых им киевских великих князей: дружественного Романовичам Всеволода Святославича Чермного (Ип., 729), Михаила Всеволодовича Черниговского и Ростислава Мстиславича Смоленского.

³⁴⁵ Нейтральные или даже сочувственные к Роману сообщения Киевского свода, как например, известие 1196 г. о походе Романа против ятвягов, вряд ли можно возвести к волинским вставкам в текст свода Моисея, т.к. они приводятся и у Татищева – *Татищев В. Н. Собрание сочинений: В 8-ми томах: Т. 2, 3. История Российская. Часть 2: Репринт с изд. 1963, 1964 гг. М., 1994 С. 164.* Причем у Татищева обнаруживаются подробности, отсутствующие в Киевском своде: сообщено, что ятвяги, пытаясь перехитрить Романа, «ушли в леса и болота к прусам», уточняется маршрут похода князя. Источником этих сведений могли быть несохранившиеся летописные своды Татищева (Раскольниковый и Голицынский), содержавшие более полный вид Киевского свода по сравнению с *Ип-Хл*, и где отсутствовала *ЛвМ*.

Даниловича. Его окончание также считается утраченным³⁴⁶. Другим она представляется непосредственным продолжением повествования о княжении Владимира Васильковича, принадлежащим тому же автору³⁴⁷.

По нашему мнению, поиск противоречий в тексте между тенденцией двух гипотетических летописцев – «волынского» Владимира Васильковича и «луцкого» Мстислава Даниловича³⁴⁸ малопродуктивен. Гораздо более яркий контраст мы наблюдаем в известиях, завершающих *Ин-Хл*, где становится очевидной неожиданная и необъяснимая симпатия к деятельности Льва Даниловича. К 80-м гг. XIII в. он стал старейшим среди волынских Мономаховичей, завладев уделом умершего к этому времени Шварна Даниловича. Тем не менее, Владимир Василькович в своем завещании обошел Льва в пользу его младшего родного брата – Мстислава.

Еще В. С. Иконников, имея в виду завершающие рассказы южнорусского свода, отметил, что «о Льве Даниловиче здесь говорится с большим расположением, чем прежде»³⁴⁹, и предположил происхождение этих известий из «местной Галицкой летописи». Из современных исследователей только П. П. Толочко обращает внимание на столь резкую смену тенденции: «Заметно изменилось в этой части летописи (*имеется в виду рассказ о начале правления Мстислава – В.П.*) отношение ко Льву Даниловичу, авантюры которого как будто больше не раздражали летописца. Наоборот, он с воодушевлением замечает, что из польского похода князь вернулся “с честью великою и со множеством полона”»³⁵⁰.

По нашему мнению, которое далее мы попытаемся подтвердить наблюдениями над различиями в расположении текста на последних листах

³⁴⁶ См. Насонов А. Н. История русского летописания... С. 233; Котляр Н. Ф. Композиция, источники, жанровые и идейные характеристики Галицко-Волынской летописи. С. 59.

³⁴⁷ Еремин И. П. Волынская летопись... С. 108 и далее. См. также Толочко П. П. Русские летописи и летописцы. С. 270.

³⁴⁸ Соответственно редакции 1289 и 1292 г., по версии А. И. Генсёрского.

³⁴⁹ Иконников В. С. Опыт русской историографии: В 2-х тт., в 4-х книгах. Т. II. Кн. 1 Репринтное издание 1891–1908 гг. СПб., 2007. С. 586.

³⁵⁰ Там же. С. 271.

Хл и *Ин*, завершение *ЛвМ*, следует видеть именно в известии о вокняжении Мстислава Даниловича на Волыни. Здесь автор охарактеризовал Мстислава как достойного преемника Владимира Васильковича, дословно повторив в его адрес характеристику прежнего князя – «правдолюбием светясь къ всеи братии своеи, и къ бояромъ, и къ простым людям» – и рассказав о помощи Мстислава мазовецкому князю Кондрату Семовитовичу в борьбе за Судомирское княжение. Уже следующий далее рассказ о междоусобной войне за Краковский стол в значительной мере отражает тенденцию Льва Даниловича.

Обозначив Мстислава как наследника и продолжателя дел Владимира и рассказав о его вступлении на владими́ро-во́лынскій стол, автор завершил повествование, которое затем, как показывают приписки на последнем листе *Ин*³⁵¹ было продолжено в виде обычного текущего летописания³⁵². Вполне вероятно, что рукопись свода после смерти не оставившего прямых наследников Мстислава была дополнена уже при дворе сменившего его на владимирском столе Льва Даниловича или его сына Юрия I³⁵³. Смена власти на Волыни может объяснить тот факт, что даже рассказ о не вполне удачном походе Льва Даниловича на Краков (Ип., 935–937) подчеркнуто

³⁵¹ Здесь помещены две погодные записи о кончине пинского князя Юрия Владимировича и степанского Ивана Глебовича. Об их родстве с во́лынскими Мономаховичами ничего определенного неизвестно. В *Хл* эти записи оказались в другом месте, на 381 л. рукописи, после рассказа о погребении Владимира Васильковича – *The Old Rus' Kievan and Galician-Volhynian Chronicle*. P. 387.

³⁵² А. Н. Насонов предполагал, что владими́ро-во́лынскія летопись продолжалась уже другим, турово-пинским, редактором – вероятным, по его мнению, составителем протографа *Ин-Хл* – *Насонов А. Н. История русского летописания...* С. 230–231. Другой точки зрения придерживался В. Т. Пашуто, относивший записи о турово-пинских князьях к тексту княжеского летописца Мстислава Даниловича – *Пашуто В. Т. Очерки по истории Галицко-Волынской Руси...* С. 132.

³⁵³ Известно, что в своих грамотах Юрий Львович титуловался «королем Русским и князем Во́лынским» (*Rex Russiae et Princeps Lodomeriae*) – *Петрушевич А. С. Во́лынско-Галицкая летопись, составленная с концем XIII века. Львов, 1871.* С. 16. Автор предисловия к факсимильному изданию Хлебниковского и Погодинского списков, О. Прицак, считает, что Мстислав Данилович был свергнут и, возможно, убит своим племянником Юрием Львовичем около 1307 г. – *Pritsak O. Introduction // The Old Rus' Kievan and Galician-Volhynian Chronicle. Harvard University Press, 1990.* P. XXXI.

комплементарен по отношению к князю. В него даже вошел краткий панегирик Льву³⁵⁴.

В предшествующем повествовании автор, напротив, зачастую враждебно настроен к делам старшей линии Романовичей³⁵⁵. Именно на притязания Льва и Юрия Львовича на волынские земли содержится намек и в плаче княгини Ольги над телом Владимира Васильковича³⁵⁶.

Позднее вмешательство редактора, сочувствовавшего галицко-холмской ветви Романовичей, косвенно подтверждается и тем обстоятельством, что в завершении статьи 1289 г. (по хронологии *In*) автор подчеркнул внешнеполитическое значение вступления Мстислава на Владимирский стол. Характеризуя миротворческие устремления нового князя, он отметил, что тот «миръ дръжа съ околными сторонами: с Ляхи, с Немци и с Литвою, одръжа землю свою величеством олны по Тотары, а семо – по Ляхы и по Литву»³⁵⁷. За этой общей, резюмирующей характеристикой начала его правления следует краткое сообщение о помощи дружины Мстислава его польскому союзнику Конраду Семовитовичу в борьбе за Судомирский стол.

По нашим наблюдениям, позднейший редактор, близкий Льву Даниловичу или его сыну, попытался подчеркнуть здесь не меньшую роль

³⁵⁴ «Бысть Левъ князь мудрыи и хороборъ и крепокъ на рати, не мало бо показа мужство свое въ многих ратех» – *The Old Rus' Kievan and Galician-Volhynian Chronicles*. P. 387.

³⁵⁵ Особенно выразителен эпизод убийства князя Войшелка, который бал союзником Василька Романовича и родственника одного из младших сыновей Даниила Галицкого – Шварна. Литовский князь, уже передав княжение Шварну и уйдя в монахи, «снимается» с Васильком и Львом. Князья встречаются во Владимире в доме некоего «Марколта немчича». После обеда князья разъезжаются, но Лев решает ехать в монастырь к Войшелку, где и убивает его. Автор мотивирует убийство «дьявольским наущением» и завистью Льва, поскольку Войшелк передал свое княжение Шварну, а не ему. Насыщая повествование сильными деталями (убийство Войшелка происходит в монастыре на Светлой седмице, Войшелк в это время уже был вторично пострижен в иночество, Лев убивает своего кума, предлагая ему выпить «по чаши вина»), автор красноречиво осуждает преступление Льва Даниловича.

³⁵⁶ «...Многыя досады приемъ от своих сродникъ, не видехъ, господине мой, николи же противу их злу, никоторого же зла въздающа» – *The Old Rus' Kievan and Galician-Volhynian Chronicles*. P. 384.

³⁵⁷ *Ibid.* P. 386.

своего князя³⁵⁸ в польских делах и привел достаточно пространный рассказ о смуте в Польше. При этом здесь он упомянул о личном участии Льва в борьбе за краковское наследство: «Князь Левъ, брат Мстиславовъ, сын королевъ, внукъ Романов *сам иде* в помочь Болеславу...»³⁵⁹.

Теперь становится очевидной некоторая полемичность рассказа о краковском походе Льва, поскольку Мстислав лично в польских делах не участвовал, ограничившись только отправкой дружины во главе с воеводой Чудином. О действиях дружинников Мстислава в войне за краковское княжение уже ничего не сообщается. К тому же, из предшествующего повествования известно, что перед кончиной Владимир Василькович передал права сюзеренитета над одним из участников этой войны, Конрадом Семовитовичем, именно Мстиславу, а не Льву. Тогда как в анализируемом рассказе подчеркнуто покровительство Льва Даниловича над Конрадом и его братьями: «Пришедшу же ему (*Льву*) къ Кракову, рад бысть ему Болеславъ, и Кондрат, и Локотко, *яко отцу своему*».

К указанному можно также добавить и возникший хронологический сбой: в концовке эпизода о вокняжении Мстислава упоминаются события

³⁵⁸ Подобные факты сознательного подчеркивания политической роли князя, свидетельствующие о возможном вмешательстве стороннего редактора в летописный текст, отмечены В. А. Мельничук на материале Киевского свода – *Мельничук В. А.* Летописание двух ветвей династии Ольговичей в составе Киевского свода XII века: текст и контекст // Известия Уральского федерального университета. Серия 2. Гуманитарные науки. 2012. № 3 (105). С. 172–173.

³⁵⁹ В. Т. Пашуто отрицал участие книжников, близких ко Льву в работе над летописью: «...благожелательные князю Льву записи не позволяют все же говорить о наличии здесь остатков летописи князя Льва, само определение Льва – «брат» Мстиславль – противоречит подобному предположению» – *Пашуто В. Т.* Очерки по истории Галицко-Волынской Руси. С. 132–133. Упомянутое исследование уточнение «брат Мстиславль» еще не доказывает владимирово-волинского происхождения данного рассказа. Здесь оно служит для согласования с предыдущим повествованием при введении нового героя в рассказ о польских делах. Явной тенденциозности рассказа о краковском походе Льва, входящей в противоречия с отношением к его политике в остальном повествовании, не придавали значения ни В. Т. Пашуто, ни И. П. Еремин – *Еремин И. П.* Волынская летопись... С. 110.

лета 1289 г. (помощь Мстислава Конраду), тогда как рассказ о краковском походе Льва начинается с описания событий зимы 1288–89 годов³⁶⁰.

Таким образом, мы приходим к выводу, что объединение «Киевского» и «волынского» источников южнорусского свода носило механический характер и произошло, скорее всего, уже в последних десятилетиях XIII в. Некоторые очень важные детали в известиях Киевского свода о Романе Мстиславиче указывают на отсутствие какой-либо планомерной его редакции со стороны летописца, близкого к его сыновьям и внукам. Волинский книжник оставил без изменений даже такие эпизоды, где напрямую затрагивается важнейший для летописного свода вопрос о порядке наследования княжеских столов.

Кроме того, следы независимого бытования Киевского великокняжеского свода представлены найденным Татищевым и впоследствии утраченным «Раскольничьим списком», доходившим до 1197 г.: «С большим вероятием можно предполагать, что Раскольничий манускрипт был той самой летописью, вернее, прототипом той летописи, которая нам известна по Ипатьевскому своду, но без его продолжения (Галицко-Волинская летопись за XIII в.)»³⁶¹. К тому же выводу приходит и А. П. Толочко, занимавшийся идентификацией рукописных источников Татищева: «...можно предполагать, что в XVII веке внутри Хлебниковской группы существовали списки, в которых Галицко-Волинская часть либо была представлена как отдельный от остальной летописи памятник, либо отсутствовала вовсе. Отражением именно такой традиции предполагаем Раскольничий и Голицынский списки Татищева»³⁶².

Что касается позднейшего этапа обработки текста, то можно говорить лишь о незначительном пополнении свода без попыток его систематической редакции уже, вероятно, после наследования владими́ро-волынско́го стола

³⁶⁰ Грушевський М. С. Хронологія подій Галицько-волинської літописи // ЗНТШ, Т. 41. Львів, 1901. С. 60.

³⁶¹ Тихомиров М. Н. Русское летописание. М., 1979. С. 77.

³⁶² Толочко А. П. «История Российская» Василия Татищева: источники и известия. М.; Киев, 2005. С. 116.

кем-то из старших Даниловичей. Очевидная смена тенденции в отношении внешней политики Льва Даниловича представляется нам несомненным свидетельством включения в протограф *Ин-Хл* серии новых известий. По всей видимости, в конце последнего десятилетия XIII в. (или даже в начале XIV в.) в рукописи были переброшюрованы последние тетради и подшиты дополнительные листы. Продолжение свода при преемниках Мстислава на владими́ро-во́лынском столе – Льве Даниловиче или Юрии Львовиче – вызвало путаницу в последних тетрадях летописного свода. Она по-разному отразилось в *Ин* и *Хл*, и, между прочим, привела к утрате большей части текста книги Есфирь³⁶³, которая возникла, как мы увидим далее из анализа особенностей передачи текста в *Ин* и *Хл*, в их общем протографе.

Пополнение летописного свода в конце XIII столетия не было последовательным и отразилось в нем лишь эпизодически, т.к. в составлении собственной редакции свода Юрий Львович, ставший в начале XIV в. владельцем галицкого и владими́ро-во́лынского столов³⁶⁴ и вскоре оставшийся единственным наследником во́лынских Мономаховичей по мужской линии³⁶⁵, по-видимому, уже не испытывал необходимости.

³⁶³ Фрагменты из книги Есфирь читаются только на пяти последних страницах *Хл* (лл. 384 об.–386 об.) и не сохранились в *Ин*, подвергший свой общий с *Хл* протограф более основательной редактуре.

³⁶⁴ Юрий Львович, ориентировавшийся на католический Запад и ввопивший в свое делопроизводство латинский язык, по мнению О. Прицака – составителя предисловия к факсимильному изданию *Хл*, «не был, вероятно, заинтересован в продолжении традиций православного летописания» – *Pritsak O. Introduction // The Old Rus' Kievan and Galician-Volhynian Chronicle. Harvard University Press, 1990. P. XXXI.*

³⁶⁵ По предположению Д. И. Зубрицкого, обнаружившего вкладную запись на пергаменном Евангелии XIII в., потомки Мстислава Даниловича (его сын Даниил и внук Юрий) продолжали править в Холмском и Белзском княжестве и в XIV в. – *Зубрицкий Д. И. История древнего Галичско-Русского княжества. Часть третья. Львов, 1855. С. 266–267, прим. 249.*

3.2. К вопросу о реконструкции формата и состава протографа *Летописи волинских Мономаховичей. Хлебниковский список*

Проблема установления формата и состава протографа *Ип* и *Хл*, затронутая выше, требует специального рассмотрения. И обращение к кодикологическим особенностям *Хл* может принести здесь интересные результаты.

А. А. Шахматов в предисловии к изданию *Ип* в ПСРЛ отметил, что оба списка свода восходят к одному дефектному протографу³⁶⁶. Наблюдения Шахматова над особенностями передачи текста на заключительных листах обоих списков были развиты А. Н. Насоновым. Исследователь попытался путем подсчета количества строк во фрагментах, пропущенных в *Ип* и подвергнувшихся перемещению в *Хл*, восстановить формат их общего оригинала³⁶⁷. Интересные выводы по данному вопросу были также опубликованы в недавно вышедшей статье А. П. Толочко³⁶⁸.

При этом возможности *Хл* для установления формата протографа не были использованы в полной мере. Насонов в своих вычислениях больше опирался на печатное издание *Ип* в ПСРЛ. Предпочтение ему отдает и Толочко. По нашему мнению, выработанный писцовый почерк и стабильная разлиновка листов *Хл* представляются опорой не менее надежной, чем строки печатного текста. Кроме того, очевидно, что переписчик *Хл*, в отличие от писца *Ип*, передавал сплошной порядок листов своего оригинала. Создатель *Хл* не делал при этом вставок по другому, более исправному списку, на что указывает отсутствие какой-либо смысловой связи между перепутанными отрывками.

³⁶⁶ Помимо других общих для обоих списков особенностей в передаче протографа, Шахматов отмечал, что «путаница листов восходит к общему оригиналу Ипатьевского и Хлебниковского списков» – Шахматов А. А. Предисловие // ПСРЛ. Т. 2: Ипатьевская летопись. М., 1998 С. VIII.

³⁶⁷ А. Н. Насонов считал, что путаница листов в *Хл* и утрата части текста в *Ип* могла возникнуть «по ветхости оригинала» обоих списков, который, согласно его подсчетам, представлял собой рукопись малого формата (in octavo) – Насонов А. Н. История русского летописания... С. 229.

³⁶⁸ Толочко А. П. Как выглядел оригинал Галицко-Волинской летописи? // *Rossica Antiqua: Исследования и материалы*. 2006. СПб., 2006. С. 175–183.

И Насонов, и Толочко приходят к выводу, что на листе протографа *Ип-Хл* содержалось очень мало текста, если пересчитывать его на число строк издания *Ип* в ПСРЛ. Согласно заключениям Насонова, лист рукописи протографа вмещал объем, эквивалентный 13–14 строкам печатного издания. Расчеты, проведенные Толочко, дали даже меньший объем – 12 печатных строк на листе рукописи. Исследователи привели различное объяснение столь малому объему текста на листе. Если Насонов придерживался мнения о малом формате протографа (*in octavo*), то Толочко обоснованно опровергнув вывод Насонова³⁶⁹, считает, что оригинал обоих списков представлял собой иллюстрированную рукопись, из которой создателями как *Ип*, так и *Хл* был скопирован только текст.

Между тем, соответствие объема фрагментов, утраченных в *Ип*, объемам перемещенного текста в *Хл* позволяет довольно точно установить, сколько строк рукописного текста помещалось на листе их общего протографа и, тем самым, составить некоторое представление о тетрадной структуре рукописи и выявить ее нарушения.

Ключевым для определения минимального объема текста на листе оригинала *Ип-Хл* является фрагмент, начинающийся строками «и зрениа сладкаго лице его насыщаася...». В *Хл* он читается на обороте 380 л. и прерывает стоящий также не на своем месте крупный фрагмент на лл. 379–380 об. В *Ип* этот текст отсутствует совсем. Поскольку интересующий нас отрывок представляет собой почти дословную цитату из «Слова о Законе и Благодати», то его верное расположение определяется очень просто. Он должен был следовать за словами «благаа же уготова Богъ любящим Отца и Сына и Святаго Духа...» (предпоследние строки на 379 л.)³⁷⁰ и, таким

³⁶⁹ «Представить себе столь малого формата рукопись, вмещавшую бы полный текст Ипатьевской летописи, можно только теоретически. В Ипатьевском списке 307 листов, в Хлебниковском – 386 (оба в лист). Пришлось бы признать, что их общий оригинал должен был содержать от 1228 до 1544 листов» – Толочко А. П. Как выглядел оригинал Галицко-Волынской летописи? С. 179.

³⁷⁰ А. Н. Насонов верно указал на ошибочность расположения этого и некоторых других отрывков в печатном издании *Ип* 1908 г.

образом, завершать обширный панегирик Владимиру Васильковичу (378–379 л.). По границам этого фрагмента и устанавливается объем текста на листе оригинала *Ип-Хл*.

На лицевой стороне 381 л. *Хл* вслед за этим отрывком помещен текст некрологов пинскому князю Юрию Владимировичу и степанскому Ивану Глебовичу³⁷¹, занимающий почти 8 (7¼) строк в *Хл* и также имеющийся в *Ип*, но совершенно в другом месте – на обороте последнего, 307 л. рукописи (Ип., 938). Выходит, что текст некрологов не входил в число утраченных листов в протографе на момент копирования *Ип*, но был не на своем месте размещен именно переписчиком *Хл*. Рассмотренный в предыдущем абзаце фрагмент насчитывает 22 строки, что и должно соответствовать объему текста на обеих сторонах листа оригинала обоих списков. Следовательно, объем других перемещенных фрагментов в *Хл* должен быть кратным 22 строкам рукописи. Как мы увидим далее, этот расчет получает подтверждение.

Другой отсутствующий в *Ип* фрагмент, помещенный в *Хл* вслед за некрологами, от слов «*Князь же Володимерь въ княжении своем многы города зруби...*» (381–382 лл.) насчитывает уже 66 строк, что точно соответствует трем листам в протографе. Итак, теперь мы можем установить объем утраты в *Ип*. По-видимому, эти три листа первоначально входили в одну тетрадь вместе с рассмотренным выше фрагментом (л. 380 об. *Хл*), который, судя по последовательности изложения, должен был размещаться на первом ее листе. Действительно, последний (четвертый?) лист восстанавливаемой тетради заканчивается фразой «*тутю же положим конецъ Вълодимерову княжению*» (382 л.), что могло бы выступать закономерным завершением всех сюжетов, связанных с последними днями жизни и погребением Владимира Васильковича (панегирик, рассказ о вскрытии гробницы и обретении тела князя нетленным). Что касается общего

³⁷¹ Интересно, что в Погодинском списке, довольно точно воспроизводившем свой оригинал, эти некрологи следуют в обратном порядке.

количества листов в тетради протографа, то установить его с высокой точностью затруднительно, но можно отметить, что при переписывании *Ип* были утрачены ровно четыре листа рукописи оригинала.

Руководствуясь последовательностью изложения довольно легко установить и объем текста, содержащего начало рассказа об измене берестейских бояр Мстиславу Даниловичу. Данный отрывок, судя по всему, был правильно размещен в *Ип*, но оказался передвинут при переписке *Хл* назад. Фрагмент начинается словами «*Володимеру же вложена в гробъ...*» и завершается: «*...и повеле письцю своему писати грамоту*». Он следует от двух последних строк на 382 л. до первых пяти строк на 384 л. Общий объем отрывка занимает 88 строк, что по нашим расчетам эквивалентно ровно четырем листам протографа.

Трудности возникают только с установлением той тетради, которая должна была завершать весь летописный свод, в том числе и по той причине, что неясно, какая часть ее последнего листа (а, возможно, и нескольких листов) осталась незаполненной письмом. Затруднения для нас пока создает также сбой изложения на последних листах *Хл*, где начиная с середины л. 385 об., после известия о построении Мстиславом Даниловичем каменного столпа в Черторыйске вплоть до конца рукописи следуют два небольших отрывка из книги Есфирь (384 об.–386 об.).

Часть текста из последней тетради протографа в *Хл* оказалась значительно передвинута назад: с середины последней строки 379 л. панегирик Владимиру Васильковичу прерывается крупным фрагментом, содержащим окончание эпизода берестейской крамолы вплоть до середины рассказа о походе Льва Даниловича в Польшу (12 строка на обороте 380 л.). Его объем насчитывает почти 67 строк. Если наши расчеты верны, то этот отрывок в протографе *Ип-Хл* должен был занимать три листа. Последняя строка фрагмента – «*наутрия же въставь...*» в *Хл* отделена от своего

продолжения («*Поидоша к Тынцю и быша негодящую солнцу...*») ³⁷² отрывками, рассмотренными выше, которые мы реконструируем как восемь листов протографа *Ип-Хл*. Окончание рассказа о краковском походе Льва Даниловича и две погодные записи на лицевой и оборотной сторонах 384 л. занимают около 36 строк, что на первый взгляд не вписывается в установленную закономерность. Но прибавив к ним вышеупомянутые некрологи пинскому и степанскому князьям (8 неполных строк на 381 л. *Хл*), которые непосредственно завершают этот отрывок и весь летописный свод в *Ип*, мы получаем объем в 44 строки, т.е. два целиком заполненных текстом листа. Слабо поддающимся объяснению остается только неожиданное перемещение вышеупомянутых некрологов на 381 л. в *Хл* ³⁷³. Несмотря на известное пренебрежение его переписчика смысловой последовательностью изложения, в данном случае есть основания предполагать, что он сознательно переместил этот отрывок назад. Дело в том, что писец *Хл* не всегда отмечал даже очевидные сбои изложения, отразившие путаницу листов его оригинала (см. лл. 379, 384 об.). Здесь же оба данных известия, во-первых, начинаются с киноварных инициалов, во-вторых, отделены от соседнего текста и друг от друга специальным пунктуационным знаком в виде двух параллельных косых линий над точкой ³⁷⁴. По-видимому, переписчик *Хл* счел более уместным расположить некрологические известия именно здесь, после рассказа о вскрытии и запечатывании гробницы Владимира Васильковича. К

³⁷² В *Ип*, восстанавливающей последовательность изложения, судя по всему нарушенную в протографе, сама эта фраза выглядит более осмысленно, а форма сказуемого согласована правильно: «*И наутрея же воставъ, и въсходящую солнцю, и поиде к Тынцю...*» (Ип., 935).

³⁷³ Известия о пинском князе Юрии Владимировиче и степанском Иване Глебовиче практически не известны по другим источникам. Исключение составляет *Густ*, где известия об их кончине отнесены к зиме 1290 г., также как и в *Ип* (а составитель *Густ*, скорее всего, пользовался списком типа *Хл*). К тому же здесь внесены уточнения в генеалогию этих князей: подчеркнуто их происхождение от киевского великого князя Рюрика Ростиславича (*Густ*, 127).

³⁷⁴ В русских грамматических сочинениях этот знак называется «точка с кендемой совершительная» и «ставится во всех божественных писаниях в самых совершениях, того ради глаголема совершительная» – *Ягич И. В.* Рассуждения южнославянской и русской старины о церковно-славянском языке. // Исследования по русскому языку. Т. 1. СПб., 1895. С. 694.

тому же писец мог ошибочно связать пинского князя Юрия («Юрий, сынъ Володимеровъ») с вышеупомянутым волынским князем.

Правильность наших расчетов подтверждается и расположением фрагментов из книги Есфирь (II. 1–20 и IX. 2–17) на последних двух с половиной листах Хл. От начала первого отрывка до сбоя насчитывается почти 66 строк, т.е. ровно три листа оригинала. Как видим, уже кодикологические особенности Хл вполне доказывают, что текст книги Есф., возможно даже и в большем объеме, изначально мог входить в состав общего протографа обоих списков³⁷⁵.

3.3. Летопись волынских Мономаховичей как авторское историческое повествование меморатного типа

В работах отечественных медиевистов сюжетность средневекового исторического повествования, его способность выступать «концепцией действительности» рассматривалась преимущественно в генетическом аспекте. Исследовательское внимание было направлено на процессы зарождения и развития сюжетного повествования (в том числе таких повествовательных форм, как роман) в тех жанрах древнерусской словесности, которые по своим задачам представлялись далекими от художественной литературы³⁷⁶. К их числу было принято относить и древнерусское летописание.

В эволюционном, «диахроническом» аспекте правомерным представлялось включение в систему художественной литературы только

³⁷⁵ А. В. Горский и К. И. Невоструев предполагали появление русского перевода Есф в западнорусских землях: он мог быть «сделан вероятно близ Польши, или выходцем из тех стран, как можно судить по некоторым выражениям и оборотам речи, приближающимся к польскому языку» – Горский А. В., Невоструев К. И. Описание славянских рукописей Московской Синодальной библиотеки. Отд. 1. Священное Писание. М., 1855. С. 55. о параллелях в языке перевода и галицко-волынских памятников см. также: Алексеев А. А. Русско-еврейские литературные связи до 15 века // Jews and Slavs. Vol. 1. Jerusalem-St. Petersburg, 1993. P. 57.

³⁷⁶ См., например, Силантьев И. В. Сюжет как фактор жанрообразования в средневековой русской литературе. Новосибирск, 1996.

«беллетристических» произведений³⁷⁷, тогда как большинство памятников летописания, отдельных, восстанавливаемых летописных сводов (за исключением сюжетно законченных исторических повестей и сказаний в их составе) было принято считать разнородными по своему эстетическому качеству, а потому не всегда доступными для полноценного изучения методами литературоведения. Такую оценку летописный жанр получил, в частности, в статье Я. С. Лурье: «При исследовании летописей как литературных памятников необходимо учитывать их «сводный», многосоставный характер. Такой характер летописания делает весьма сомнительными характеристики летописей в целом как единых литературных памятников. С точки зрения истории древнерусской письменности летописание может рассматриваться как единый и очень устойчивый по своим признакам жанр, но с литературно-художественной точки зрения это скорее конгломерат нескольких жанров, имевших разное происхождение и неодинаковое художественное значение»³⁷⁸.

Такой подход сказался на литературоведческом изучении летописных произведений, результаты которого опубликованы в коллективной монографии «Истоки русской беллетристики». Здесь путем анализа отдельных, выделяемых исследователями фрагментов летописных сводов (повестей и сказаний) построены концепции развития древнерусского повествовательного искусства, эволюции его жанровых форм³⁷⁹. Установка на компилятивность, эстетическую неоднородность и неравноценность летописного повествования при его анализе приводила к преобладанию интереса к отдельным повестям³⁸⁰, а не к конкретным памятникам летописания как включающему их художественному целому. Эти отдельные

³⁷⁷ Такой подход отразился в коллективной монографии «Истоки русской беллетристики», введение к которой было написано Я. С. Лурье – Истоки русской беллетристики. Л, 1970. С. 6.

³⁷⁸ Лурье Я. С. К изучению летописного жанра... С. 87.

³⁷⁹ Понимаемой как движение от простого к более сложному.

³⁸⁰ Характерные примеры см. в статье О. В. Творогова в той же коллективной монографии: «Отдельные фрагменты летописи выделяются на общем фоне хроникальных записей характером повествования» – Истоки русской беллетристики... С. 34.

внутрилетописные произведения, как правило, и вводились в систему художественной литературы.

В работах И. П. Еремина, посвященных поэтике ПВЛ и двух других частей южнорусского свода конца XIII в. (Киевской и Волынской)³⁸¹, эти три памятника были впервые проанализированы именно как самостоятельные литературные произведения. Однако и Еремин, выделив внутри летописного жанра три типа повествования (погодные записи, летописные рассказы и повести), придерживался взгляда на летописный текст как эстетически неравноценный. Исследователь характеризовал «повествовательный материал летописи с точки зрения его литературной природы – его метода отражения исторической действительности»³⁸².

В этих статьях Еремина анализ поэтики памятников летописания был в большей мере направлен на поиск их типических особенностей и практически не касался выявления авторской телеологии (за исключением политической направленности летописных сводов), обеспечивающей целостный и индивидуальный характер этих памятников.

Более адекватным для изучения средневекового исторического повествования как целостного литературного произведения своей эпохи, представляется иной подход, позволяющий интерпретировать цитаты, топоры и стилистические приемы как компоненты, за счет которых автором структурируется его сюжет. Должны быть учтены взаимоотношения всех уровней текста, формирующих его повествовательное пространство³⁸³.

³⁸¹ Еремин И. П. «Повесть временных лет»: проблемы ее историко-литературного изучения. Л., 1946; Киевская летопись как памятник литературы // ТОДРЛ. Т. 7. М., 1949. С. 67–97; Волынская летопись 1289–1290 гг. // ТОДРЛ. Т. 13. М.; Л., 1957. С. 102–117.

³⁸² Еремин И. П. Киевская летопись как памятник литературы. С. 67.

³⁸³ Понятие «повествовательное пространство», предложенное Е. И. Дергачевой-Скоп для описания сложного в жанровом отношении исторического сочинения (*Дергачева-Скоп Е. И., Алексеев В. Н. «История Сибирская» (Повествовательное пространство и повествовательная достоверность) // Τέχνη γραμματικῆ (Искусство грамматики).* – Новосибирск, 2004. Вып. 1. С. 67–84), мы используем как наиболее подходящее при описании структуры изучаемого произведения как истории авторского типа.

Такой подход позволяет анализировать средневековое историческое повествование как авторское произведение в «синхронном»³⁸⁴ аспекте.

Исследование *ЛвМ* в таком аспекте особенно актуально, поскольку в ее отношении разрабатывались главным образом проблемы реконструкции литературных протографов. В своем анализе мы не будем стремиться к пересмотру гипотез о составе источников *ЛвМ*, понимая, что её дошедший текст, безусловно, монтажен, как практически всякое средневековое историческое повествование. Но в конечном итоге не источники сами по себе, а именно авторская телеология является фактором, определившим целостный облик произведения³⁸⁵. Тем более важно подчеркнуть, что если в тексте определенным образом цитируется какой-либо источник, это значит, что он выполняет заданную автором функцию в повествовании, поскольку был осознанно выбран и процитирован в соответствующем контексте. Поэтому функции того или иного сюжета или эпизода (даже при всей очевидности его вставного характера) рассматриваются нами в перспективе авторской телеологии.

Важность задач анализа *ЛвМ* как целостного авторского произведения продиктована и судьбой памятника в рукописной традиции. Даже из самого беглого сопоставления её текста по двум основным спискам становится очевидно, что редактор *Ип* уже не воспринимал жанровой специфики сочинения. Составитель *Ип* стремился привести текст в формат типичного летописного свода³⁸⁶ и вписать историю правления потомков Романа Мстиславича в ряд великих княжений, заданный ПВЛ и Сводом Моисея

³⁸⁴ С учетом результатов как генетического (с точки зрения происхождения того или иного источника и его литературной истории), так и в эволюционного подхода (выясняющего процесс развития того или иного жанра в истории литературы).

³⁸⁵ Так жанровая специфика произведения зачастую объясняется в работах историков, считающих, что именно использованные при составлении протографические источники «определили жанр и структуру всего памятника» – *Котляр Н. Ф.* Структура і жанр Галицько-Волинського літопису // *Ruthenica*. 2004. Т. 3. С. 136.

³⁸⁶ В таком именно качестве *Ип* воспринимался в более позднее время, о чем, например, свидетельствует запись XVII в. на обороте первого листа рукописи: «Книга Ипатцкого монастыря Летописецъ о княжении» – *Шахматов А. А.* Предисловие // ПСРЛ. Т. 2: Ипатьевская летопись. СПб., 1908. С. VI.

ХІІ в. Для этого помимо разбиения изначально связного повествования на погодные статьи, составитель *Ип* внес в текст не всегда уместные киноарные заголовки. С помощью заголовка он выделил начало княжения Романа Мстиславича: «В лето 6709 начало княжения великого князя Романа, како держев бывша всеи Руской земли, князя Галичкого» (Ип., 417), несмотря на то, что эта фраза предваряет не известие о его вокняжении, а похвалу Роману в оригинальном тексте *ЛвМ*. Заголовком в *Ип* также был выделен эпизод вступления на волынский стол его внука Мстислава Даниловича: «Начало княжения великаго князя Мьстислава в Володимере» (Ип., 928).

Стремясь придать тексту более «официальный» характер, редактор *Ип* внес также несколько небольших, но показательных чтений. Например, в заголовках он последовательно применяет великокняжеский титул к самому младшему поколению потомков Романа – Владимиру Васильковичу и Мстиславу Даниловичу (Ип., 914; 928), чего, судя по тексту *Хл*, не было в их общем протооригинале. Возможно, здесь отразилась та же тенденция, которая была отмечена Л. И. Журовой во второй части Никоновской летописи, по своему происхождению связанной с независимым летописанием XV в.³⁸⁷

По нашему мнению, именно с редактором протографа *Ип*, а не автором *ЛвМ*, правомернее связывать стремление построить «изложение, которое рассказывало читателю, что от древнейших времен распорядительная роль среди русских княжеств бывшего Киевского государства принадлежала князьям Киева, но с XIII в., т.е. с Романа, эта роль перешла в руки галицко-волинских князей»³⁸⁸. Его стремление придать своду официальный и «общерусский» характер нашло отражение и в выделении Цикла повестей о

³⁸⁷ «1445 год является переломным в повествовании Никоновской летописи. До этого года, т.е. в первой части в НикЛ, имеются генеалогии князей, не только великих, но и удельных. В этой части НикЛ многие удельные княжата величаются титулом «великий» – Журова Л. И. «Повесть о Луке Колочском» в рукописной традиции XVI в. // Книга и литература: Сб. науч. ст. Новосибирск, 1997. С. 81.

³⁸⁸ Приселков М. Д. Летописание Западной Украины и Белоруссии... С. 294.

нашествии Батыева отдельным киноварным заголовком «Побоище Батыево» (Ип., 778) как рассказа о значимых для всей Руси событиях, в то время как автор *ЛвМ* совершенно не стремился к композиционному обособлению Цикла, чередуя его фрагменты с крупными массивами собственного текста.

Как известно, редактор *Ип* разбил повествование на погодные статьи, опираясь на летописные датировки, известные по сводам XV в.³⁸⁹, выстроив последовательную историю великих княжений от киевских князей до удельного луцко-волынского князя Мстислава Даниловича. Стоит заметить, что идея преемственности власти волынского дома от Киева была актуальна и для самого автора *ЛвМ*. Однако он проводил её совершенно иными способами. Вопрос о том, почему редактор протографа *Ип* проявлял такой интерес к истории линии Мономаховичей, угасшей за сто лет до создания самой рукописи *Ип*³⁹⁰, и чьё великокняжеское достоинство он так последовательно подчеркивал, выходит за рамки нашей работы и требует отдельного рассмотрения. Выявление тех редакционных изменений, которым могли подвергнуться два первых компонента сборника – ПВЛ и Киевский свод при их объединении с *ЛвМ* составителем протографа *Ип-Хл*, также выходит за пределы настоящего исследования. Наши наблюдения над известиями о делах Романа Мстиславича в Киевском своде, свидетельствующие о том, что волынский летописец не пытался построить единого концептуально повествования из Свода Моисея и своего сочинения, приведены в разделе 3.1.

Прежде чем перейти к анализу примет авторской телеологии *ЛвМ* именно по тексту *Хл*, мы считаем необходимым остановиться на проблемах авторской атрибуции памятника, в том числе на широко распространенную в историографии гипотезу об участии в её создании Киевского митрополита

³⁸⁹ О происхождении хронологии *ЛвМ* в редакции *Ип* см.: Романова О. В. О хронологии Галицко-Волынской летописи XIII века по Ипатьевскому списку // Прошлое Новгорода и Новгородской земли. Материалы научной конференции, 11–13 ноября 1997 г. Новгород, 1997. С. 66–70.

³⁹⁰ Н. П. Лихачев датировал *Ип* временем около 1425 г. См. Клосс Б. М. Предисловие к изданию 1998 г. // ПСРЛ. Т. 2. М., 1998. С. Ф.

Кирилла II (1242–1281). В отличие от других предполагаемых авторов или редакторов третьей части южнорусского свода конца XIII в. – «премудрого книжника» Тимофея, холмского епископа Иоанна, владимирского Евсегения, епископа Марка и др. – о творчестве и литературной позиции Кирилла как писателя известно гораздо больше, что позволяет нам проверить устоявшуюся гипотезу о его причастности к созданию памятника.

Кириллу, который, как принято считать ³⁹¹, до конца 1240-х гг. занимал должность печатника при дворе Даниила Романовича, обычно приписывается авторство либо некоторых источников, либо целого редакционного слоя *ЛвМ* («Холмский свод», Летописец Даниила Галицкого первой редакции).

В. Т. Пашуто, придерживавшийся версии о тождестве печатника Кирилла и будущего русского митрополита, уверенно атрибутировал ему отдельные летописные записи, составленные после «исчисления» боярских грабежей ³⁹².

В. И. Ставиский относит к авторству Кирилла только текст «Повести о разорении Батыем Киева» ³⁹³ и вообще все повествование о Батыевом нашествии в редакции *Ин-Хл*. Изложенные здесь сведения о родственных связях татарских военачальников и переменах на ханском столе в

³⁹¹ Впервые о тождестве упоминаемого в *ЛвМ* княжеского печатника Кирилла и русского митрополита высказался Пл. Соколов – *Соколов П. П.* Русский архиерей из Византии и право его назначения до начала XV века. Киев, 1913. С. 160. Летописные источники не дают прямых доводов в пользу такого отождествления. Тем не менее, упоминание о печатнике Кирилле в *ЛвМ* скорее подтверждает его. В рассказ о приходе Ростислава Михайловича к Бакоте Кирилл вводится фразой «Курилови же сущу печатнику тогда в Бакоте, послану Данилом князем и Василком» – *The Old Rus' Kievan and Galician-Volhynian Chronicles*. P. 335–336. На наш взгляд, допустимо такое её понимание: «Кирилл, в то время еще будучи печатником, был послан в Бакоту...», т.е. автор мог знать об изменении его статуса.

³⁹² *Пашуто В. Т.* Очерки по истории Галицко-волынской Руси. С. 83.

³⁹³ С именем Кирилла исследователь связывает составление всего «Сказания» о нашествии Батыя на Русь, разделяя при этом автора самого сказания и «местного летописца», включившего его в свод – *Ставиский В. И.* К анализу «Повести о разорении Батыем Киева» в Галицко-Волынской летописи // *Актуальные вопросы исторической науки.* Київ, 1984. С. 15.

Каракоруме могли, по мнению исследователя, быть известны только Кириллу³⁹⁴.

В работах А. Н. Ужанкова печатник Кирилл выступает даже не информатором, заказчиком свода или составителем его документальных источников, а непосредственным автором устанавливаемой исследователем первой редакции Летописца Даниила Галицкого, завершённой около 1247 г. Развивая наблюдения Д. С. Лихачева над стилистическими параллелями между «Летописцем» и «Повестью о житии Александра Невского», Ужанков доказывает их общее авторство³⁹⁵. С выводами Ужанкова соглашается и А. В. Майоров³⁹⁶.

В истории Русской церкви киевский митрополит Кирилл³⁹⁷ известен как крупный церковный деятель XIII в.³⁹⁸, автор «Правил Кюрила, митрополита Руськаго», принятого на соборе 1274 г.³⁹⁹, и некоторых других сочинений. Именно по его инициативе в 1262 г. на Русь был доставлен болгарский перевод сербской Кормчей⁴⁰⁰.

Хотя атрибуция Кириллу некоторых произведений литературы XIII в. остается дискуссионной⁴⁰¹, безусловно, можно говорить об определенном

³⁹⁴ Хотя в *ЛвМ* прямо указывается источник этих сведений – взятый в плен при осаде татарин «именемъ Товруль» (Ип., 785).

³⁹⁵ Выводы исследователя изложены в отдельной статье: Ужанков А. Н. «Летописец Даниила Галицкого»: проблема авторства // Герменевтика древнерусской литературы XX–XVI вв. Сб. 3. М., 1992. С. 149–180.

³⁹⁶ Майоров А. В. «Cum quodam rege Ruscie singulariter in prelio dimicans...» был ли Даниил Галицкий участником битвы на Лейте? // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2016. № 4 (66). С. 48.

³⁹⁷ См. Творогов О. В. Кирилл // Словарь книжников и книжности... С. 225–227.

³⁹⁸ О церковно-политической деятельности Кирилла см.: Fuhrmann, Joseph T. Metropolitan Cyril II (1242–1281) and the Politics of Accommodation // *Jahrbücher für Geschichte Osteuropas, Neue Folge*, Bd. 24, H. 2 (1976). P. 161–172.

³⁹⁹ Определения владимирского собора, изложенные в грамоте митрополита Кирилла II // Русская историческая библиотека, издаваемая Археографической комиссией. Т. 6: Памятники древнерусского канонического права. СПб., 1880. Стлб. 83–102.

⁴⁰⁰ См. Вальденберг В. Е. Древнерусские учения о пределах царской власти. М., 2006. С. 105.

⁴⁰¹ Так, американский славист Д. Островский считает, что стилистические параллели между *ЛвМ* и Житием Александра Невского носят типологический характер, представляют собой «общие места» воинских повестей, а вовсе не свидетельствуют об их принадлежности одному автору (См. *Ostrowski Donald. The Galician-Volynian Chronicle*,

круге книжников, своего рода «литературной школе», представленной окружением митрополита. Для её творчества были характерны активное обращение к эсхатологической тематике⁴⁰² в целях проповеди покаяния, призывы к «очищению» церкви и светской власти от злоупотреблений и т.д.

ЛвМ, созданная современником событий «татарского пленения», практически не отразила, подобно множеству памятников исторической и учительной литературы второй половины XIII в., эсхатологических настроений и попыток историософского истолкования событий 1237–1240 гг. в духе получившей развитие в литературе этого времени теории «казней Божиих»⁴⁰³. Именно освещение в *ЛвМ* темы нашествий иноплеменников непосредственно связано с вопросами её авторства. Историософская позиция Кирилла как писателя и церковного оратора предельно четко сформулирована в известном риторическом вопросе, помещенном во введении к его Соборному правилу 1274 г.: «Къи убо прибытокъ наследовахомъ, оставльше Божия правила? не расея ли ны Богъ по лицу всея земля? не взяти ли быша гради наши? не падоша ли сильнии наши князи остриемъ меча? не поведени ли быша в пленъ чада наша? не запустеша ли святыя Божия церкви? не томими ли есмы на всякъ день от безбожьныхъ и нечистыхъ погань?»⁴⁰⁴.

Тему «казней Божиих», сбывшихся над Русью во времена нашествия, активно развивал в своих учительных словах киево-печерский архимандрит

the Life of Alexander Nevskii and the Thirteenth-Century Military Tale // *Palaeoslavica*, XV/2 (2007). P. 307–324).

⁴⁰² По мнению Е. В. Петухова, эсхатологические мотивы в сочинениях Кирилла и Серапиона не отражали действительных настроений приближения конца истории, а использовались как риторические приемы: «Едва ли вообще можно утверждать, чтобы представления о последних днях мира и скором их наступлении <...> имели у Кирилла и Серапиона какая-нибудь особенные или специальные основания, что, действительно, имело место среди всего русского общества в XV веке...» – *Петухов Е. В.* Серапион Владимирский – русский проповедник XIII века. СПб., 1888. С. 6.

⁴⁰³ О теории «казней Божиих» см. *Мильков М. М.* Осмысление истории в Древней Руси. СПб., 2000. С. 50–61.

⁴⁰⁴ Определения владимирского собора... Стлб. 86.

Серрапион⁴⁰⁵, поставленный Кириллом на владими́ро-суздальскую епископскую кафедру в 1274 г. На близких позициях стоял, возможно, и другой владимирский епископ Иаков (либо Симеон), включивший сходные по настроению и стилистике пассажи в послание неизвестному великому князю⁴⁰⁶.

Деятельность митрополита отразилась и в летописном деле второй половины XIII в. К его окружению были близки летописцы, работавшие над составлением части сводов второй половины XIII в., таких как, выявленный в исследовании А. Ю. Бородихина Новгородский свод 1255 г., и переяславский свод 1281 г.⁴⁰⁷ «Лаврентьевская летопись за 70-е гг. – отмечает Д. С. Лихачев – сохраняет многочисленные признаки близости летописца к митрополиту»⁴⁰⁸.

Кроме того, к памятникам, возникшим в окружении Кирилла, часть исследователей относит также Житие Александра Невского в редакции 1282–1283 гг.⁴⁰⁹, «Слово о погибели Русской земли»⁴¹⁰, отдельные учительные слова⁴¹¹ и ряд статей в составе сборника Мерило праведное.

⁴⁰⁵ Весьма близкие по духу и выражениям риторические вопросы приводит Серрапиона Владимирский в своем третьем поучении: «...чего не приведохомъ на ся? Какие казни от Бога не въсприяхом? Не пленена ли быст земля наша? Не взяти ли быша гради наши? Не вскоре ли падоша отци и братья наша трупием на з[емли]? Не ведены ли быша жены и чада наши в пленъ? Не порабощени быхомъ, оставше горкою си работою от иноплеменик?» – *Петухов Е. В.* Серрапион Владимирский... С. 24.

⁴⁰⁶ Послание известно в составе сборника «Мерило праведное» – Там же. С. 28.

⁴⁰⁷ Кирилл также мог участвовать в ведении митрополичьего летописания во второй половине XIII в., которое нашло отражение уже в великокняжеских владими́ро-суздальских сводах, начиная со свода начала 1280-х гг. – *Приселков М. Д.* История русского летописания XI–XIV вв. С. 158.

⁴⁰⁸ *Лихачев Д. С.* Галицкая литературная традиция в Житии Александра Невского // ТОДРЛ. Т. 5. М.; Л., 1947. С. 51–52.

⁴⁰⁹ Там же. С. 36–56; см. также *Лихачев Д. С.* Русские летописи и их культурно-историческое значение. М.; Л., 1947. С. 263–267.

⁴¹⁰ В. В. Данилов пришел к выводу, что «Слово о погибели написал монах-южнорус, прибывший во Владимиро-Суздальскую землю из Галича в связи с переездом туда митрополита Кирилла и потому сохранивший в нем черты южной природы и быта». – *Данилов В. В.* «Слово о погибели Руския земли» как произведение художественное // ТОДРЛ. Т. 16. М.; Л., 1960. С. 142.

⁴¹¹ «Почуение к попам», «Слово ко всему миру», «Слово о судиях и властелех», «Кирилла философа слово на собор архистратига Михаила», «Слово о мытарствах» и др.

С переездом митрополита из Киева на Север в середине XIII в. связывается распространение в Новгороде и Северо-Западной Руси южнорусских редакций некоторых известных памятников. Среди них могли быть «Летописец русских царей» (Переяславля Суздальского), компилятивный хронограф галицко-волынской редакции и др. «Поучение о казнях Божиих» Феодосия Печерского, текстологическая зависимость которого от южнорусского летописания установлена А. Ю. Бородихиным, вошло в состав Цикла повестей о нашествии Батыя в *Н I* и отразилось в новгородском источнике Тверского сборника – своде Александра Ярославича 1255 года⁴¹². Также весьма вероятно предположение о перемещении в новгородские своды «Повести о взятии Царьграда фрягами» при участии книжников из окружения Кирилла. В её эпилоге, между прочим, о падении Константинополя сказано в назидательном тоне, как о гибели греческого царства из-за междоусобиц: «И тако погыбе царство богохранимаго Костянтиняграда и земля Грьчьская въ сваде цесаревъ, еюже обладают Фрязи» (*Н I Син.*, 49), что вполне созвучно взглядам побывавшего в Византии Кирилла. Напомним, что южнорусское происхождение «Повести» было доказано Н. И. Мещерским⁴¹³.

Стоит отметить, что в самой *ЛвМ* отсутствует подробный рассказ о поставлении Кирилла в архипастырский сан, если не считать довольно лаконичных упоминаний его имени уже в сане митрополита⁴¹⁴. Если бы перед автором стояла цель легитимировать кандидатуру Кирилла – первого

⁴¹² Бородихин А. Ю. Цикл повестей о нашествии Батыя... С. 73.

⁴¹³ Мещерский Н. И. Древнерусская повесть о взятии Царьграда фрягами в 1204 г. // ТОДРЛ. Т. 10. М.; Л., 1954. С. 135.

⁴¹⁴ Впервые Кирилл назван митрополитом в эпизодах, соединенных с Повестью о Батыевом нашествии. Когда Даниил узнает, что Батый отправил двух «богатырей» на его поиски, князь покидает Холм и едет к Васильку, «поима со собою митрополита Курила» (*Ип.*, 794). Описанные события относятся к концу 1241 г. В другой раз без каких-либо подробностей рассказывается о путешествии Кирилла «в Грекы» и его посольстве к венгерскому королю: «Куриль бо бе митрополит идяше посланъ Данилом и Василком на поставление митрополье Руское» – *The Old Rus' Kievan and Galician-Volhynian Chronicles*. P. 342.

после Климента Смолятича Киевского митрополита из русских, он, вероятно, упомянул бы о его избрании и посвящении собором епископов⁴¹⁵.

Поскольку главной особенностью литературной школы Кирилла-Серапиона явилась трактовка нашествия и, вообще, различных бедствий как «казней Божиих», призванных обратить народ к покаянию и исправлению, то имеет смысл в этом контексте проанализировать позицию автора *ЛвМ*.

Интересные результаты может дать анализ такого важного для данной темы текста, как Повесть о битве на Калке (далее – Повесть), которая была привлечена автором *ЛвМ*, поскольку «историческая повесть в летописном своде занимает обычно особое место. Подвергаясь переработке вместе со сводом, она может играть подчас важную роль в определении политической ориентации всего свода»⁴¹⁶.

Сопоставление с другими древнейшими версиями⁴¹⁷ показывает ее серьёзные отличия именно в концептуальном осмыслении событий «Калецкого побоища». Уже в экспозиции автор Повести в редакции *ЛвМ* характеризует татар лишь как «безбожных Измаилтян» в отличие от составителей *Н 1* и *Лавр*, начинающих рассказ с эсхатологического введения, где идет речь о пришествии «незнаемых» народов. В них цитируется один из основополагающих для «теории Божиих казней» текстов – апокрифическое «Откровение» Мефодия Патарского. Это предисловие нашло отражение во всех основных общерусских сводах⁴¹⁸, поэтому есть основания предполагать, что оно было сознательно исключено из протографа Повести при ее редакционной обработке самим автором *ЛвМ*, когда перед ним уже не

⁴¹⁵ Именно так выглядят летописные известия о поставлении митрополитов-русинов Илариона (1051 г.) и Климента Смолятича (1147 г.) в ПВЛ и Киевском своде. См. *Панова В. И.* Митрополиты и епископы Руси в XII веке по материалам Ипатьевской летописи. Воронеж, 2016. С. 130.

⁴¹⁶ *Дергачева-Скоп Е. И.* Сибирское летописание в общерусском литературном контексте... С. 27.

⁴¹⁷ Древнейшие редакции Повести (*Ин*, *Лавр* и *Н 1*) установлены Дж. Феннеллом – *Fennell J. L. I.* The Tatar Invasion of 1223: Source Problems // *Forschungen zur Osteuropäischen Geschichte*. Bd. 27. Berlin, 1980. P. 18–31.

⁴¹⁸ *Дмитриев Л. А.* Откровение Мефодия Патарского // *Словарь книжников и книжности...* С. 284.

было столь острой необходимости богословского истолкования невиданного поражения объединенного войска русских князей от «незнаемых» народов.

Именно в Повести в редакции *ЛвМ* похвала героизму и «дерзости», проявленной младшими князьями⁴¹⁹, преобладает над мотивами Божественного наказания Руси, что согласуется и с характером остального повествования *ЛвМ*. Из её изложения следует, что поражение русских войск случилось во многом по вине старших князей – киевского князя Мстислава Романовича, черниговского Мстислава Святославича и галицкого Мстислава Мстиславича. Автор противопоставляет мужество Даниила Романовича, Олега Курского и других «младых» несогласованным действиям старших князей. Причиной неудачного расположения русских войск перед битвой, по версии *ЛвМ*, была зависть ехавшего в авангарде Мстислава Удатного к великому киевскому князю («бе бо котора mezi ими велика»), о чем не содержится никаких упоминаний в других древнейших редакциях.

Взятие Новгорода Святополчегю после разгрома на Калке автор связывает с татарской «лестью», о чем также нет упоминаний в остальных древнейших версиях Повести⁴²⁰.

Отсутствует в редакции *ЛвМ* и общий для древнейших версий комментарий о божественном наказании «безбожных сынов Измаиловых» – половцев и вообще какая-либо недоброжелательность тона в отношении половецких союзников. Уход татар из пределов Русской земли автор воспринимает как избавление, проявление Божьего милосердия: «Ожидаа

⁴¹⁹ Ни *Н 1*, ни *Лавр* вообще не упоминают об участии младших князей как в совете в Киеве перед битвой, так и в самом сражении.

⁴²⁰ Эсхатологическая тональность статьи о поражении на Калке наиболее усилена в *Лавр* в соответствии с общей направленностью ее известий о татарских нашествиях (см. *Бородихин А. Ю.* Цикл повестей о нашествии Батые... С. 81–83). В то же время согласно версии *Н 1* главным виновником поражения последовательно представлен Мстислав Мстиславич Удатный, бывший в 1209–1215 и 1216–1218 гг. новгородским князем. Именно он по просьбе своего тестя, половецкого хана Котяна, сначала уговаривает русских князей выступить против татар, а после поражения отступает «одва убежа», отогнав от берега Днепра ладьи, чтобы татары не смогли его преследовать.

Богъ покаяния христианьского: обратися въспят на землю Вьсточную, и воеваша землю Танагутску, на ины страны»⁴²¹.

Совершенно иная тенденция проводится в концовках двух других версий. Финал повести в *Лавр* выдержан в стилистике «плача»: «И бысть плачь и туга в Руси и по всей земли...» (Лавр., 447). В *Н I* Повесть заканчивается комментарием, выражающим недоумение книжника по поводу дальнейших действий татар: «Татары же възвратишася от реки Днепря; и не съведаем, откуда суть пришли и где ся деша опять: Богъ вестъ, отколе приде на нас за грехы наша» (Н I, 63).

Не столь ощутимо трагическое звучание и во включенном в состав *ЛвМ* известии об осаде и взятии Киева. Совершенно в другом тоне выдержана данная статья в *Лавр*⁴²², автор которой приводит яркие картины разорения города «иноплеменниками»: «Того ж лета взяша Кыевъ Татарове и святуую Софию разграбиша и монастыри все, и иконы, и кресты честныя, и взя (*sic*) узорочья церковныя взяша, а люди от мала и до велика вся убиша мечем» (Лавр., 470).

Составитель компилятивной статьи о Киевском взятии в *Густ* даже счел нужным восполнить недостаток сведений южнорусского свода (либо его источника), приведя сцену страшного разорения города: «И изсекше людей без числа, а прочиихъ связаньныхъ въ пленъ поведоша, а градъ Кыевъ огнем и монастыре все запалиша» (Густ., 119).

Не вводя в повествование развернутых картин взятия русских городов⁴²³ и не обращаясь к историософским комментариям, автор *ЛвМ* напротив стремится подчеркнуть божественную помощь русским князьям и воеводам в их борьбе с иноплеменниками. Характерным примером является

⁴²¹ The Old Rus' Kievan and Galician-Volhynian Chronicles. P. 318.

⁴²² Отражающей здесь свод 1305 г. (по версии М. Д. Приселкова, поддержанной А. Н. Насоновым).

⁴²³ Исключением выглядит подробный рассказ о жестоком разграблении Бурандаем польского города Сандомира. В нем же появляется резюмирующая концовка в духе идеи «казней Божиих»: «и не быст, кто помилуя ихъ. Гневу бо Божию скончавшюся на нихъ <...> и не избы от них ни одинъ же» (Ип., 854).

эпизод спасения Луцка во время его осады войсками Куремсы благодаря заступничеству Бога и святых⁴²⁴.

Мотивы божественного заступничества развиваются и в эпизоде первого пришествия Бурандая. Узнав о приходе татарского военачальника на Русь с требованием идти с ним на Литву, братья Даниил и Василько «печалны бывша гадахуть, ведяше бо аще Данил поедеть не будеть опят з добром»⁴²⁵. Однако после молитвы Даниила и его обещания украсить икону Спаса в городе Мельнике, Бурандай меняет гнев на милость.

Подобным образом изложен эпизод возвращения Бурандая из похода на Литву. В его завязке во время свадебного торжества во Владимире братья узнают о пришествии татар: «И прииде весть тогда къ Данилу князю и к Василкови, иже Бурандаи идет оканьныи и проклятыи, и печална быста брата о том велми»⁴²⁶. Бурандай принуждает князей уничтожить городские стены. Но Даниил вновь избегает «татарского гнева» и разрушения укреплений Холма благодаря Васильку Романовичу, подавшему знак горожанам и перехитрившему татар, среди которых был и толмач, «розумеющи рускыи языкъ».

Описывая картину разорения волыньских земель после нашествия Батыя, автор также упоминает, что построенный Даниилом Холм «одержал бо бяше Богъ от безбожных татар». В повествовании о «Куремсине рати» он подчеркивает, что город сгорел не из-за иноплеменников, а по вине некоей «окаянной бабы». Во все эти эпизоды автор *ЛвМ* вводит мотивы божественного покровительства Романовичам, что было бы необъяснимо с

⁴²⁴ «Потом же Куремьсе стоящю у Луцка, сътвори Богъ чюдо велико. Луцескъ бе не утвержень и не уряжен, събегшимся во нь многим людем, и бе бо воде бывши зиме велице. Оному же пришедшю к Луцку и не могшю ему переити, хотяше мость прияти. Гражане же отсекиши мость. Он же пороки поставивь отгнати хотя. Богъ же чюдо сътвори и святой Иоан и святой Никола: ветру же тако бывшю, яко опороком врьгшим. Ветръ же обращаше камень на ня. Паки же мечюшим на ня крепко – изломися Божию силою пракъ ихъ, и не успевше ничтоже...» – *The Old Rus' Kievan and Galician-Volhynian Chronicles*. P. 356.

⁴²⁵ *Ibid.* P. 357.

⁴²⁶ *Ibid.* P. 358.

позиций теории «Божьих казней», распространившейся в севернорусском летописании той эпохи.

Темы «погибели» и «казней» получают некоторое развитие только в сюжетах, связанных с принуждением русских князей к военному союзу с татарами. Но, во-первых, к дважды повторяемой фразе о «татарской неволе» русских князей (Ип., 872; 897) автор обращается скорее для оправдания Владимира, Мстислава и других князей, вынужденных идти вместе с татарами в набеги на Польшу, чем в целях усиления трагизма повествования. Под «неволей» автор, по-видимому, понимал именно эти конкретные случаи участия русских дружин в татарском войске, поскольку он явно пишет об этом с некоторой временной дистанции: «тогда бо бяху вси князи у воли Татарьской»⁴²⁷. Во-вторых, в образе татар в *ЛвМ* совершенно отсутствуют черты известных по апокрифической литературе «сынов Измаиловых», пущенных «на казнь хрестьяномъ», какими изображены, например, половцы в статье 1096 г. ПВЛ.

Характерно, что автор приводит и такие эпизоды, где «гнев Божий» сбывается и на самих иноплеменниках: «Телебуга поиде поперець горь, што бяше переити трети деньми, и ходи по тридцать днєвь, блудя в горах, водимь гневом Божиим. И бысть в них голод велик, и начаша люди ясти. Потом же начаша и сами покаряти (в *Ип* – «измирати») и умре их бесчисленное множество»⁴²⁸.

При упоминании стихийных бедствий, как правило, речь идет о событиях в западных землях⁴²⁹.

⁴²⁷ «Здесь дело идет не о татарском иге вообще, а о принуждении, с одной стороны, и о необходимости повиноваться – с другой, когда татары заставляли русских князей воевать с собою» – *Насонов А. Н.* История русского летописания... С. 230.

⁴²⁸ *The Old Rus' Kievan and Galician-Volhynian Chronicles*. P. 373.

⁴²⁹ Мы имеем в виду явно вставные (их погодная, летописная основа очевидна) сообщения о явлении кометы, о «великом мятеже у татар» и др. Серия сообщений о стихийных бедствиях помещена после рассказа о нашествии Тула-буги и Ногая. Это известия о море в Польше и у татар, наводнение в Голландии (Ип., 895–896). Известие об эпидемии в Польше сопровождается комментарием, что «гнев Божий» был не только на Руси, но и «в Ляхохъ» и «в Татарех» (Ип., 895).

Лишь в нескольких случаях описанные события становятся для летописца материалом для достаточно общих «благочестивых рассуждений»⁴³⁰.

Раскрытие историософского, символического плана летописного повествования устанавливается через выяснение функций цитат из библейских и богослужебных текстов, реминисценций, а также особенностей употребления календарных дат⁴³¹. Именно они, выполняя важную роль в повествовательном пространстве средневекового произведения, позволяют говорить определенно о историософских воззрениях автора-летописца. Как и составители *Лавр*, автор *ЛвМ* обращается к символическим сопоставлениям, в том числе и к приемам календарного символизма, но и здесь между ними обнаруживается принципиальная разница позиций.

В *ЛвМ* практически не нашли отражения цитаты, отсылающие к библейским⁴³², апокрифическим или учительным текстам, используемым для литературного оформления теории «казней Божиих» (некоторые псалмы, книга пророка Амоса, апокрифические тексты, «Слово о казнях Божиих» Феодосия Печерского и т.д.).

Активное, творческое и нетипичное использование автором евангельских цитат и реминисценций можно наблюдать на ярком примере. В начале крупного фрагмента, посвященного княжению Владимира Васильковича, автор рассказывает о замысле князя построить город за Берестьем. Владимир обращается к Богу со словами: «Што ми, Господи,

⁴³⁰ См., например, комментарий, предваряющий эпизод нашествия Алгуя и Тула-буги: «посла Богъ на насъ меч свои, иже послужитъ гневу своему за умножние грех нашихъ» (Ип., 897). Сообщение о том, как войска Телебуги в течение двух недель стояли на земле Льва имеет сходную концовку: «се же наведе на ны Богъ грехъ ради наших, казня нас, а быхом ся покаали злыхъ своих и незаконныхъ дель...» (Ип., 894).

⁴³¹ См. *Бородихин А. Ю.* Хроника событий и календарь: об особенностях исторического повествования в древнерусских летописях // *Гео-Сибирь*. 2009. Т. 6. С. 91–96; *Данилевский И. Н.* Повесть временных лет: герменевтические основы изучения летописных текстов. М., 2004. С. 191.

⁴³² Наверное, единственное исключение – чисто риторическое, лишенное каких-либо глубоких эсхатологических коннотаций сравнение венгерского воеводы Бенедикта с антихристом, переданное со ссылкой на очевидца – киевлянина Тимофея (Ип., 722).

проявишь, грешному рабу своему, на том стану». Князь открывает пророческие книги⁴³³ и перед его глазами оказывается следующий отрывок:

«Духъ Господень на мене, егоже ради помаза мя благовестити нищим, посла мя исцелити съкрушеньныя сердцем, проповедати пленником отпущение и слепым прозрение, призывать лето Господне приятно и день въздаяния Бога нашего, утешити вся плачащияся, дати плачущимся Сионоу славу за попел, помазание, веселие и украшение – за духъ уныния. И нарекутся род правды, насаждение Господне въ славу и съзижут пустыня вечныя, запустевшаа преже, въздвигнути города пусты, запустевшаа от рода»⁴³⁴.

Автор обращается здесь к такому нетипичному, вне рамок соответствующей системы топосов, способу *imitatio Christi*, вызывая у читателя ассоциации с рассказом Евангелия от Луки. Именно этот фрагмент из Исаии (Ис., 61.1–4)⁴³⁵ Иисус читает в синагоге Назарета, открывая слушающим Свое мессианское предназначение: «И прииде в Назареть, идеже бе възпитанъ и вниде по обычаю своему въ день суботныи и въ сьнмище. И вьста чести, и дашя ему книгу Исаия пророка. И разгнувъ книгу, обрете место, идеже бе написано: “Духъ Господень на мене <...>”. И съгнувъ книгу, отдавъ слуге, седе. И всемь въ сьнмищи очи бяху зрящи нань. И начать глаголати к нимь, яко днес събысться писание се въ ушию вашею»⁴³⁶.

Итак, в осмыслении трагических событий XIII в., автор *ЛвМ*, будучи их современником и духовным лицом, придерживается иных принципов, по сравнению с распространившейся в литературе того периода

⁴³³ По наблюдениям Т. Л. Вилкул, цитируемый текст обнаруживает близость с древнейшими рукописями паремийника, а не Толковых пророков – *Вилкул Т. Л. Біблія у Галицько-Волинському літописі // Княжа доба: історія і культура, Вип. 8. Львів, 2014. С. 230–231.*

⁴³⁴ *The Old Rus' Kievan and Galician-Volhynian Chronicles. P. 368.*

⁴³⁵ «Святые отцы и учителя церкви Христовой всегда считали пророчество LXI главы христологическим» – *Григорьев И. Ф. Пророчества Исаии о Мессии и Его царстве. Казань, 1901. С. 240.*

⁴³⁶ Цит. по: Библия 1499 года и Библия в синодальном переводе с иллюстрациями (в 10 тт.). Книги Священного Писания Ветхого и Нового Завета. Т. 7. Господа нашего Иисуса Христа Святое Евангелие от Матфея, Марка, Луки, Иоанна. М., 1992. С. 207.

эсхатологической тенденцией, отразившейся в учительных словах Серапиона Владимирского и в летописно-исторических повестях сводов второй-половины XIII и начала XIV в. Рассказывая о правлении Владимира Васильковича, автор представляет его богоизбранным⁴³⁷ и богоугодным князем, для чего использует, помимо отсылок к образам благочестивых правителей из «Слова о Законе и Благодати», христологические, даже «мессианские» евангельские реминисценции.

Таким образом, осмысление автором *ЛвМ* событий «татарского пленения» обнаруживает его значительные расхождения с позициями книжников круга митрополита Кирилла⁴³⁸. Причем, эти расхождения наиболее очевидны именно в тех частях повествования, которые приписываются руке митрополита (Летописец Даниила Галицкого, «Холмский свод 1246 г.»). Эсхатологическая и учительная тенденция в осмыслении как событий самого нашествия, и, прежде всего, «первого прехождения» татар в 1223 г., так и последовавшей «татарской неволи» не оказывается здесь преобладающей, хотя некоторые эпизоды сопровождаются дидактическими комментариями. Все это в значительной мере опровергает гипотезы о принадлежности произведения митрополиту Кириллу II, либо книжникам из его окружения. Остается возможным только допущение, что либо использованные автором *ЛвМ* тексты Кирилла могли быть существенно переработаны при их включении в свод, либо Киевский митрополит вообще едва ли был причастен к созданию памятника.

Обращение к анализу тех особенностей формы *ЛвМ*, которые отличают её от типичного летописного повествования, может обозначить подходы к

⁴³⁷ См. «...даль бяше ему Бог васнь не токмо на одинех ловех, но въ семь, за его добро и правду» – The Old Rus' Kievan and Galician-Volhynian Chronicles. P. 379.

⁴³⁸ Интересно отметить, что при создании во второй половине XIII в. Волынской редакции Кормчей, оригинал одного из списков которой имеет запись с датой 1286 г., «Правило митрополита Кирилла» не было включено в ее текст. Я. Н. Шапов связывает этот факт с критическим отношением к статье о поставлении священников «по мзде», что могло послужить причиной отсутствия всего «Правила» в Волынской Кормчей – Шапов Я. Н. Византийское и южнославянское правовое наследие на Руси в XI–XIII вв. М., 1978. С. 210.

решению вопросов, подобных тем, которые были поставлены в европейской филологии о жанре классического романа XIX в.: «как это сделано» и «относится ли это к традиционной технике, или перед нами факт индивидуальности?»⁴³⁹. В конечном итоге, анализ формы позволит выйти на прочтение *ЛвМ* как повествования авторского типа.

Право выделить *ЛвМ* как единовременный и целостный авторский текст нам дает, прежде всего, особая, гибкая временная структура сочинения, устраненная в *Ип* и сохранившаяся в оригинальном виде в *Хл*. На протяжении всего повествования описываемые события как бы вытекают одно из другого, книжник осознает и декларирует свое право «овогда же писати в предняя, овогда же вступати в задняя». О единстве авторского взгляда на временную организацию рассказа свидетельствуют необходимые морфологические элементы исторического повествования – хронологические указания.

Эпоха первой половины XIII в. в изложении автора предстает как «те лета», «лета Данила и Василка Романович»⁴⁴⁰. Автор определенным образом описывает последовательность событий этого периода; например, между возвращением Рюрика в Киев и пришествием Игоревичей в земли Романа Мстиславича «малу времени минувшу»⁴⁴¹, распря между Игоревичами случилась после того, как Лестько отправил Даниила к венгерскому королю («долгу времени минувшу»)⁴⁴², после приглашения Мстислава Удатного на Галицкий стол Даниил взял его дочь в жены («В та же лета времени минувшу»)⁴⁴³ и т.д.

Наблюдения над временной организацией повествования в *Хл* приводят к выводу, что автор не ставил перед собой задачи последовательной хронологической фиксации всех событий. Например, его не интересовала точная очередность походов Рюрика Ростиславича и Ольговичей на Галич

⁴³⁹ Дибелиус В. Морфология романа // Проблемы литературной формы. Сб. ст. Л., 1928. С. 108.

⁴⁴⁰ The Old Rus' Kievan and Galician-Volhynian Chronicles. P. 316.

⁴⁴¹ Ibid. P. 308.

⁴⁴² Ibid. P. 309.

⁴⁴³ Ibid. P. 313.

или подробности отношений Ростислава Михайловича Черниговского с Даниилом в 1230-е гг. (здесь он дает им общую характеристику: «бывшую же межи ими овогда миру, овогда рати») ⁴⁴⁴; приход татар к Бакоте, по указанию автора, случился «в та же лета, или преже или потом» ⁴⁴⁵.

В некоторых случаях для хронологического соотнесения эпизодов автор устанавливал их связь с другими известными и, по-видимому, памятными для него или его информантов событиями, при этом всегда избегая годовых датировок. Такими вехами в повествовании выступают, например, основание Холма Даниилом (Ип., 799), осада Куремсой Кременца (Ип., 838), год убийства Миндовга, год похода Лестька Черного на Переворск (Ип., 890).

Характер временной структуры заметно меняется в изложении последних лет княжения Владимира Васильковича, где с большей частотой начинают использоваться точные и дробные указания на последовательность событий. Так, сообщая, что Тройден еще княжил в Литовской земле ⁴⁴⁶, автор упомянул о походе литовцев на Люблин, который длился *три дня* ⁴⁴⁷. Войско Телебуги не могло покинуть пределы Венгрии в течение *тридцати дней* ⁴⁴⁸. Нашествие татар на Польшу заняло *10 дней*, а на землях Льва Телебуга простоял *две недели* ⁴⁴⁹. Даты этих событий были установлены М. С. Грушевским: они приходятся на вторую половину 1280-х гг ⁴⁵⁰.

Временные интервалы между эпизодами здесь становятся очень уплотненными, о чем свидетельствует изменившийся характер хронологических указаний. Неопределенные фразы типа «в та же лета», «времени минувши», «бысть по сих», используемые для связи эпизодов в

⁴⁴⁴ Ibid. P. 330.

⁴⁴⁵ Ibid. P. 351

⁴⁴⁶ Литовский князь Тройден был убит около 1282 г., а описываемые события относятся, по расчетам М. С. Грушевского, к 1278 г.

⁴⁴⁷ Ibid. P. 369.

⁴⁴⁸ Ibid. P. 373.

⁴⁴⁹ Ibid. P. 375.

⁴⁵⁰ *Грушевський М. С. Хронологія подій Галицько-волинської літописі // ЗНТШ. Т. 41. Львів, 1901. С. 54–56.*

изложении событий первой половины XIII в., уступают здесь место указаниям на число прошедших дней: Мстислав Данилович перед отъездом в Луцк пробыл во Владимире Волынском «неколько дней», о приезде послов Юрия Львовича к Владимиру после люблинского похода Юрия сообщается с помощью переходной формулы «Бысть же по сем минувшим непоколицем днем»⁴⁵¹.

Наиболее точные датировки, вплоть до времени суток (но при этом без указания года) обнаруживаются только в тех эпизодах, где фигурируют Владимир Василькович и Мстислав Данилович. Так, по сообщению автора, Владимир по пути в Каменец пробыл *два дня* в Берестье⁴⁵², а «положил ряд» с Мстиславом *на Федоровой неделе*⁴⁵³. На четвертый год своей болезни князь *семь недель* не мог принимать никакой пищи, кроме воды, а приближение кончины почувствовал «*в куры*» на пятницу (*10 декабря*). Наконец, автор привел даты вскрытия гробницы князя Владимира (*6 апреля*) и вступления Мстислава на Владимиро-волынский стол, которое пришлось *10 апреля* на Пасху. Именно в повествовании о последнем семилетии правления Владимира Васильковича изложение «объективного» времени уступает место «времени очевидца» с почти дневниковой фиксацией событий.

Такая точность хронологических указаний и уплотненность временных интервалов между эпизодами, а также обилие подробностей особенно ощутимы в тех эпизодах, непосредственным участником которых является сам Владимир Василькович: детально изложен эпизод основания «города за Берестьем», с множеством подробностей описан прием князем посольства от Кондрата Семовитовича⁴⁵⁴, запросившего помощь у волынского князя.

Конечно, временные указания, датирующие те или иные события, используются и в предшествующем повествовании. Однако при этом полные даты с указанием месяца и дня практически отсутствуют в рассказе «о летах

⁴⁵¹ The Old Rus' Kievan and Galician-Volhynian Chronicles. P. 381.

⁴⁵² Ibid. P. 376.

⁴⁵³ Ibid. P. 378.

⁴⁵⁴ 1282 г. по хронологии М. С. Грушевского.

Даниила и Василька», где часты датировки по церковным праздникам, которые могут восходить к устной памяти очевидцев. Например, прибытие отступающего из Галича Даниила «къ Плаву» случилось на канун Святого Димитрия (Ип., 807), в черниговских землях Даниил воевал «от Крещения до Вознесения» (Ип., 773), победа Романовичей над Ростиславом Михайловичем случилась на канун великомучеников Флора и Лавра (Ип., 805).

Итак, обращение к *Хл*, сохранившему временную структуру оригинального текста, позволяет примерно установить время работы автора *ЛвМ*. Временная уплотненность повествования о делах, приеме посольств и переездах Владимира Васильковича указывает на то, что автор был непосредственным очевидцем событий конца 1270-х – начала 1280-х гг. Судя по обилию подробностей, он постоянно находился при больном волынском князе, сопровождал его в поездках, был в курсе дипломатических приемов и даже разговоров Владимира с супругой, княгиней Ольгой.

Как сообщает автор, Владимир пролежал в болезни четыре года и преставился ранним утром пятницы, 10 декабря, в городе Любомле на память мученика Мины. Уже к вечеру его тело было перевезено на санях из Любомля во Владимир Волынский, где на следующий день (11 декабря 1289 г., на память Даниила Столпника) было погребено в Успенском соборе.

Итак, множество деталей в повествовании свидетельствует, что автор находился в самой непосредственной близости к Владимиру Васильковичу, был свидетелем обмена посольствами и бесед князя с супругой, а также его болезни, длившейся четыре года.

Автором традиционно выделяемой «Волынской летописи» практически всеми исследователями признается духовное лицо из близкого окружения князя Владимира. П. П. Толочко в своей специальной статье среди

возможных авторов упоминает волынского епископа Евсегения, либо не названного по имени духовника князя⁴⁵⁵.

Более вероятной кандидатурой из числа упоминаемых в тексте лиц мы считаем присутствовавшего на погребении князя «печерского игумена» Агапита. В данном случае ключевую роль играет сообщаемое в летописи имя игумена, которое может указывать на его роль при больном Владимире Васильковиче. Мы предполагаем, что имянаречение иноков-лечьцов в честь прославленного печерского Агапита-безмездника могло войти в обычаи монастыря достаточно рано (как минимум, в первой половине XIII в.). Известно, что такая традиция сохранялась в Киево-Печерской лавре еще в XIX веке⁴⁵⁶.

Упоминание игумена Агапита в числе прочих не названных по именам игуменов и клириков, участвовавших в отпевании Владимира, сохраненное также в *Густ*⁴⁵⁷ и «Хронике» Феодосия Софоновича 1780 г.⁴⁵⁸, может свидетельствовать о его значительной роли при волынском князе. Вероятно, Агапит, нареченный в монашестве именем уже прославленного к концу XIII в. знаменитого печерского безмездного лечьца, сам был врачом и несколько лет находился при страдавшем тяжелой болезнью Владимире Васильковиче. Поэтому последним годам жизни князя он посвятил отдельный, насыщенный медицинскими подробностями фрагмент повествования, открывающийся словами «болезнь же его сице скажемь...»⁴⁵⁹. Внимание к состоянию здоровья Владимира заметно и в предшествующем повествовании⁴⁶⁰. Хронологически время событий,

⁴⁵⁵ Толочко П. П. Летопись Владимира Васильковича и ее автор // Восточная Европа Древности и Средневековье. Автор и его текст. Материалы XV чтений памяти В. Т. Пашуто. М., 2003. С. 249.

⁴⁵⁶ См. Крашенинникова Н. Н. Агапит Киево-Печерский // Православная энциклопедия. Т. 1. М. 2000. С. 230.

⁴⁵⁷ «...и бяше на его погребѣ Агапит, игумень Печерский» (Густ., 127).

⁴⁵⁸ Софонович Феодосій. Хроніка з літописців стародавніх. Київ, 1992. С. 165.

⁴⁵⁹ The Old Rus' Kievan and Galician-Volhynian Chronicles. P. 382.

⁴⁶⁰ «Вълодмир же бяше тогда хром ногою, тем не иде, зане бысть рана зла на нем», «...токмо один Володимеръ остася, зане бысть хром» (Ibid. P. 372); «Володимеру же

изложенных в *ЛвМ* с наибольшей точностью и полнотой, примерно соответствует 1284–1288 гг., т.е. тем самым «полным четырем» годам болезни Владимира Васильковича.

Необходимо отметить также, что игумен Агапит мог быть настоятелем не Киево-Печерского, а другого древнего монастыря, расположенного в предместье Владимира Волынского, в нынешнем селе Зимно. Основанный около 1060 г.⁴⁶¹, Зимненский монастырь имел в основании «пещеры на подобие Киевских»⁴⁶². В исторической литературе XIX в. этот монастырь отождествлялся с известным по источникам Печерским (Святогорским) монастырем на Волыни. Двое упоминаемых в *ЛвМ* в перечне владимиро-волыньских епископов, Иосаф и Василий, по сведениям автора, происходили из этой обители⁴⁶³. В пользу того, что автор мог быть настоятелем именно этого Печерского монастыря, свидетельствует как сообщаемый сан (игумен, а не архимандрит), так и его осведомленность в монастырской жизни Волыни⁴⁶⁴.

Не стоит исключать и возможности его происхождения из Киево-Печерского монастыря, с которым Святогорский Успенский еще со времен игумена Варлаама, который был погребен именно на Волыни⁴⁶⁵, и в течение

князю болну сущю, зане бысть рана послана от Бога нань неисцелимаа», «...а Володимера воротиша назад, зане бысть жалостно зрети нань, видячи его болна сущи» (Ibid. P. 376).

⁴⁶¹ См. *Poppe A. The Christianization and Ecclesiastical Structure of Kyivan Rus' to 1300 // Harvard Ukrainian Studies. Vol. XXI, № 3/4. December 1997. Cambridge, 2001. P. 355.* Иногда в литературе встречается и более ранняя дата основания Зимненского Успенского монастыря – 1001 г. См. *Православные русские обители. Полное иллюстрированное описание всех православных русских монастырей в Российской Империи и на Афоне. СПб., 1910. С. 557.*

⁴⁶² Краткие сведения о монастырях Волынской епархии в настоящее время несуществующих // *Волыньские епархиальные ведомости. 1 октября, № 3, 1867. С. 50.*

⁴⁶³ «Бе бо Асафъ блаженный, преподобный святитель Святое Горы, и по том бе Василий от Святое Горы» – *The Old Rus' Kievan and Galician-Volhynian Chronicles. P. 316.*

⁴⁶⁴ Так, автор был в курсе событий, связанных с пострижением и убийством Войшелка, ему был известен игумен Григорий из Полонинского монастыря в Карпатах, постригавший Войшелка – *Паушто В. Т. Очерки по истории Галицко-Волынской Руси. С. 115.*

⁴⁶⁵ Памятники древнего православия в г. Владимире-Волыньском / В пользу Свято-Владимирского братства сост. и изд. Е. Н. Дверницкий. Киев, 1889. С. 33.

ХІІ в. поддерживал устойчивые связи⁴⁶⁶. Именно в этом монастыре располагалась резиденция волынских епископов Стефана и Амфилохия, бывших до этого Киево-Печерскими настоятелями. Связь между двумя обителями могла заметно усилиться в ХІІІ в. Именно в это время, после разорения Киева, многие печерские иноки были вынуждены укрываться в волынских землях⁴⁶⁷.

Итак, выявленная в тексте *ЛвМ* по *Хл* временная структура, совершенно свободная от летописной годовой сетки, позволяет определить памятник как яркий пример меморатного типа исторического повествования⁴⁶⁸.

Поскольку автор *ЛвМ* не стремился выстроить эпизоды в последовательности годовых статей, организация повествовательного ряда в сочинении должна быть обусловлена иными способами как в «линейном» его построении, так и в объединяющем концептуальном плане. В отличие от сложившейся в киевском летописании ХІІ в. традиции изложения событий по периодам великих княжений, игумен Агапит реализует собственный композиционный план: «писати все и вся бывшая».

Поскольку нашей целью не является реконструкция источников и выделение редакционных слоев, мы не будем использовать термины «свод», «повесть» и «редакция». Приоритетной является именно смысловая сторона текста. Первостепенное значение имеет тот выбранный автором формат, в

⁴⁶⁶ *Иконников В. С.* Опыт русской историографии: В 2-х тт., в 4-х книгах. Т. II. Кн. 1. СПб., 2007. С. 568–569.

⁴⁶⁷ Древность Почаевской обители // Волынские епархиальные ведомости. 16 сентября, № 2, 1867. С. 27.

⁴⁶⁸ Термин «меморат» предложен Е. И. Дергачевой-Скоп для обозначения принципов обработки официального исторического источника, при которых отчетливо проявляется авторский голос и понимание событий – *Дергачева-Скоп Е. И.* Сибирское летописание в общерусском литературном контексте конца ХVІ – середины ХVІІІ вв. Екатеринбург, 2000. С. 23.

который он в конечном итоге привел бывшие в его распоряжении литературные протографы⁴⁶⁹.

По тематике в повествовании выделяется несколько частей, развивающих определенные исторические сюжеты. В качестве оптимального для обозначения такого крупного повествовательного фрагмента мы будем использовать термин *текстовый блок*.

Важно отметить, что либо основное содержание, либо текстуальные границы этих блоков могут обозначаться самим автором, который выделяет их в общем потоке повествования с помощью некоторых формальных признаков. Это могут быть начальные фразы, характеризующие тематику блоков или их авторские определения («якоже сказахом **о ратехъ многихъ**», «якоже древле писахомъ **во Куремсину рать**», «**создание** же его (*Холма*) иногда скажемь»). При выделении в повествовании текстовых блоков необходимо, в первую очередь, учитывать эти авторские указания. Не всегда, вероятно, соответствуя генетической структуре текста, они, тем не менее, позволяют выявить принципы авторской телеологии в расположении эпизодов и структурировании сюжета. Текстовые блоки мы рассматриваем как подборку эпизодов на определенную, развиваемую автором тему.

Минимальную единицу повествовательного ряда мы будем называть *эпизодом* (микросюжетом). В конструктивном плане эпизоды представляют собой тот *материал*, который может быть либо авторским, либо заимствованным из готового источника, и поэтому способным сохранять следы своего прежнего состояния («память текста»). Эпизоды могут выделяться самим книжником в общем потоке повествования, например, с помощью выражений типа «мы же на преднее возвратихомся». Кроме того, автор зачастую дает собственное определение тому или иному эпизоду во введениях или в концовках: «и тако бысть конець **Судомирскому взятию**», «**убийство же его** (*Миндовга – В.П.*) сие скажемь», «**болезнь же его** сие

⁴⁶⁹ Терминология, используемая для описания морфологических элементов исторического повествования, частично заимствуется из исследований структуры древнерусских сборников.

скажемь», «туто же положим конец **Вьлодимерову княжению**» и т.п. При этом, что характерно именно для *ЛвМ* как повествования, построенного на меморатной основе, в крупные текстовые блоки могут объединяться разновременные эпизоды.

Помещение эпизода в том или ином месте повествования придает ему смысловые связи с окружающим контекстом. Поэтому отдельный эпизод, независимо от своего происхождения, начинает играть роль в развитии сюжета. Повествовательный элемент, рассмотренный как часть целостного исторического повествования, приобретает, таким образом, свою сюжетную функцию.

Одним из главных принципов авторской телеологии *ЛвМ* как единого текста становится стремление изобразить общность судеб двух сыновей Романа Мстиславича, что отразилось как в тематике эпизодов, так и в авторских характеристиках героев. Эпизоды, в которых автор развивает тему «братолюбия» как старшего поколения Романовичей, так и их сыновей проходят через всё сочинение.

Прославление добродетели братолюбия проводится и в завершающей части всей *ЛвМ* – похвале Владимиру Васильковичу. Подбирая цитаты из «Слова о Законе и Благодати» автор наделяет братские отношения двух князей – Владимира Васильковича и Мстислава Даниловича – атрибутами святости, уподобляя их примерам Давида и Соломона, а также Владимира Святого и его сына Ярослава. В финальной похвале игумен Агапит, следуя схеме Илариона, обращается к преставившемуся Владимиру Васильковичу как молитвеннику за своего брата Мстислава и родной город Владимир. В своих добавлениях, расширяющих цитаты из «Слова», Агапит просит Владимира молиться «о земли брата своего», дабы Бог избавил её от «нашествия иноплеменньникъ и от усобныхъ рати»⁴⁷⁰.

После выхода статьи Л. В. Черепнина, стало практически общепринятым выделение летописца Даниила скорее даже как составной

⁴⁷⁰ The Old Rus' Kievan and Galician-Volhynian Chronicles. P. 387.

части галицко-волынского редакционного слоя *Ин-Хл*, а не его возможного источника. Между тем, Летописец не имеет в дошедшем тексте отчетливых текстуальных границ, которые были бы обозначены самим книжником, что позволяет говорить о нем только как о гипотетическом источнике. При подходе к *ЛвМ* как целостному авторскому произведению следует иметь в виду это обстоятельство. Даже если отдельный литературный протограф (или, что более вероятно, их группа), посвященный только истории Даниила Романовича и существовал, тем не менее, автор не стремился выделить его княжение в особый композиционный раздел. Что интересно, не сделал этого и редактор *Ин*, для которого история галицко-волынских княжений XIII в. как бы продолжала последовательность правлений великих князей Киева.

В историографии XIX–XX вв. утвердилось представление о двух крупных источниках третьей части *Ин-Хл* или, по крайней мере, отражении в тексте двух тенденций, связанных с дворами каждого из сыновей Романа Мстиславича. Так, В. Т. Пашуто предполагал редактирование составленного по инициативе Даниила Галицкого «Холмского свода» 1260-х гг. при дворе его младшего брата после смерти Даниила. Работа владимири-волынского редактора, по мнению исследователя, ограничилась сокращением текста «Холмского свода» и простым приписыванием имени Василька Романовича в известиях, относившихся первоначально только к деятельности Даниила.

Доказывая это предположение, Пашуто приводил такие примеры, где при двух субъектах действия употреблены формы единственного числа сказуемого вместо ожидаемого двойственного. Исследователь ссылался также на цитируемые в тексте документы, которые адресовались только старшему брату, что представлялось Пашуто доводом в пользу позднейшей редакции⁴⁷¹.

Между тем, при обращении к текстам различных летописных известий XI–XIII вв. случаи использования форм единственного числа сказуемого при двух или нескольких субъектах действия оказываются не столь редки. При

⁴⁷¹ Пашуто В. Т. Очерки по истории Галицко-Волынской Руси. С. 106–107.

отсутствии разночтений в параллельных текстах нет и особых оснований принимать их за следы позднего редакторского вмешательства.

Приведем примеры только из ПВЛ в редакции *Ип*: «...*иде* Аскольдъ и Дирдъ на Греки и *приде* въ 14 лето Михаила царя» (Ип., 15), «...*присла* Романъ и Костянтинъ и Стефанъ слы къ Игореви» (Ип., 35), «...и *поиде* Мьстиславъ и Ярославъ противу и съступися [в] чело Варязе с Северомъ» (Ип., 136), «...*ходи* Володимеръ сынъ Всеволожь и Олег Святъславль Ляхомъ в помочь на Чехы» (Ип., 190), «...*приведе* Олегъ и Борисъ поганья на Рускую землю» (Ип., 191), «Изяслав же и Всеволод слышаста, яко *иде* Олег и Борис противу» (Ип., 192), «...и *поиде* Святополк и Володимеръ и Ростислав к Трьполю» (Ип., 210), «и *прииде* Святоша и Путята августа в 5 день» (Ип., 247), «и *поиде* Давыд и Боняк на Святошу к Лучьку» (Ип., 247–248) и т.д.⁴⁷²

Подобные примеры встречаются и в пределах *ЛвМ*: «Василко же и Александръ *прииде* к брату» (Ип., 771), «заутра же по взятии города *прииде* Романъ и Глебъ с великою силою» (Ип., 873) «и *рад бысть* ему (*Льву Даниловичу – В.П.*) Болеславъ и Кондрать и Локотко» (Ип., 935).

Обращения героев только к одному из братьев, к Даниилу, в годы их совместного правления в цитируемых в повествовании посланиях и речах также вполне объяснимы, поскольку дипломатические документы адресовались именно старшему сыну Романа Мстиславича. К тому же требование татарского темника Могучея отдать Галич – именно на этот пример ссылается Пашуто⁴⁷³ – естественно обращено именно к Даниилу как владельцу Галича, поскольку Василько Романович в это время держал владими́ро-волы́нский удел.

Итак, авторское внимание к действиям либо Даниила Романовича, либо его младшего брата само по себе еще не может дать основания для

⁴⁷² Важно отметить, что в процитированных примерах одинаковые глагольные формы дают как *Ип*, так и *Хл*. Таким образом, у переписчиков обоих списков, видимо, отсутствовало какое-либо побуждение скорректировать грамматические формы. При том, что переписчик *Хл* особенно последовательно стремился выдерживать нормы орфографии и грамматики, зачастую в ущерб смысловой стороне.

⁴⁷³ *Пашуто В. Т.* Очерки по истории Галицко-Волинской Руси. С. 107.

выделения в тексте двух источников или редакционных слоев. Именно за такой подход выводы В. Т. Пашуто были подвергнуты обоснованной критике со стороны И. П. Еремина⁴⁷⁴.

Из особенностей композиционного построения и членения повествования заметно, что автора интересовала судьба именно обоих сыновей Романа Мстиславича, начиная с их детских лет. Рассказ о судьбе Даниила и Василька доводится автором также до определенного рубежа их *совместной* деятельности: нашествия Бурандая, когда Холм, столица княжества Даниила, благодаря усилиям и хитрости его младшего брата был спасен от разорения. По всей видимости, по этой же причине автор оставил без внимания те события, в которых Даниил действовал без участия Василька⁴⁷⁵.

Прославлением братолюбия родителей Владимира Васильковича и Мстислава Даниловича обусловлен телеологизм, придающий *ЛвМ* характер сюжетного повествования. Эта идея связывает все части повествования, традиционно считающиеся восходящими к двум источникам: «галицкому» (вернее, холмскому) и «владимиристо-волынскому» летописцам. Так, очень характерный для стилиа той части, которая обычно считается «холмской», эпизод встречи послов Василька Романовича Даниилом по пути в Венгрию помещен в том тексте, который принято относить уже к «волынскому» своду⁴⁷⁶.

Рассказывая о судьбе Романовичей, мятежах и войнах, когда «измлада бо не бы има покоя», автор на протяжении всего повествования стремится изобразить взаимное согласие братьев в военных и политических делах.

⁴⁷⁴ Еремин И. П. Волинская летопись 1289–1290 гг. С. 106–107.

⁴⁷⁵ К примеру, в *ЛвМ* совершенно не упомянуто об участии Даниила и Льва в битве под Крессенбрунном в июле 1260 г., известной по западным источникам – Грушевський М. С. Історія України-Руси. Т. III. Львів, 1905. С. 519.

⁴⁷⁶ На эту особенность стилиа, заключающуюся в антитезе печали и радости, обратил внимание А. А. Пауткин, который, тем не менее, придерживается традиционных взглядов на структуру памятника (*Пауткин А. А. Беседы с летописцем. С. 36–37*). Такой прием использован также в рассказе о встрече князя Владимира Васильковича с дружиной – *The Old Rus' Kievan and Galician-Volhynian Chronicles. P. 372*.

Выразительно иллюстрируют его стремление те эпизоды, где Василько спасает Даниила от заговорщиков, а построенный им город Холм – от татарского разорения. В многочисленных воинских эпизодах также подчеркивается совместное участие обоих братьев, либо их дружин.

В нескольких эпизодах действиям младшего брата, Василька Романовича, автор уделил даже большее внимание. Примечателен в этом отношении рассказ о походе Романовичей на польский город Калиш в помощь их союзнику Конраду Семовитовичу. После продолжительной осады города польские воеводы Пакослав и Мстиуй прибывают к Романовичам. Пакослав советует Даниилу переодеться в польские доспехи и начать переговоры с осажденными горожанами: «изменивъ ризы своа, поеди с нами». Даниил вначале отказывается, но Василько убеждает старшего брата: «иди да слышишь вече ихъ»⁴⁷⁷.

Автор подчеркивает также, что именно младший брат убедил Даниила отправиться к венгерскому королю для заключения бракосочетания дочери Белы и Льва Даниловича⁴⁷⁸. В свете авторской телеологии также вполне объяснимы некоторые детали воинских эпизодов. Например, в самый разгар сражения под Ярославлем Василько сдерживает устремившегося на венгров Даниила: «Данилови же хотящю гнати по них – Василко же възбраняше ему»⁴⁷⁹.

Автор последовательно упоминает об участии обоих Романовичей также в многочисленных политических совещаниях (Ип., 791; 806; 815; 838; 846). Он не забывает отметить, что братья постоянно скорбят «об обидах» и радуются «о здравьи» друг друга. В эпизодах важнейших деяний Даниила, автор так или иначе не оставляет без внимания действия его младшего брата. Отсутствие Василька Романовича во время битвы на Калке он объясняет

⁴⁷⁷ Ibid. P. 323.

⁴⁷⁸ «Василкови рекшу: «Иди къ нему, яко хрстианъ есмъ» (здесь *Ип* дает более осмысленное чтение «естъ»))» (Ibid. P. 342).

⁴⁷⁹ Ibid. P. 340.

юным возрастом князя: «Василка же не бе: бе бо в Володимери млад»⁴⁸⁰. Случаи личного неучастия Василька в сражениях обязательно сопровождаются упоминанием об отправке в помощь Даниилу дружины брата: воеводы Василька участвуют в войне за наследство герцога Фридриха Бабенберга в Чехии, походах против болоховских князей и ятвягов после коронации Даниила в Дорогичине⁴⁸¹.

Авторский интерес к судьбе обоих сыновей Романа Мстиславича заявлен уже в экспозиции ко всему повествованию – «Оставившима же ся двема сынома его: един 4 лета, а другии две лет»⁴⁸².

После смерти отца братьям-Романовичам пришлось бежать из Галича во Владимир из-за неверности галицких бояр, призвавших к себе на княжение Владимира Игоревича – сына Игоря Святославича Новгород-Северского. Историю изгнания сыновей Романа из родной земли и скитаний по польским, венгерским и русским землям автор начинает с яркого эпизода осады Владимиром Игоревичем их вотчинного города⁴⁸³. Владимирские бояре уже согласились сдать город и выдать сыновей Романа Игоревичам. Однако вдове Романа с детьми удается бежать: Даниила спасает дядька, известный галицкий боярин Мирослав, который, как можно предположить из деталей рассказа, вывел князя из города, укрыв его под своей одеждой: «Данила же възем дядко пред ся, изыде из града»⁴⁸⁴. Двухлетнего Василька выносят поп Юрий с кормилицей через проход в городской стене («дерою вон из града»). Вдова Романа с сыновьями вынуждена покинуть родную

⁴⁸⁰ Ibid. P. 317. В действительности Васильку, который был младше Даниила всего на два года, к этому времени было около двадцати лет.

⁴⁸¹ Во многих случаях автор объясняет причины личного неучастия младшего Романовича в походах и сражениях. Так, перед походом Даниила на Галич в 1230 г. Василько с дядькой Мирославом уехал в Суздаль «на веселье шюрина своего» (Ibid. P. 323), во время войны с болоховцами Василько остался «стеречи земле от Литвы» (Ibid. P. 336), из ятвяжского похода князь возвратился из-за раны на ноге (Ibid. P. 351).

⁴⁸² Ibid. P. 308.

⁴⁸³ По замечанию автора, занявший галицкий стол Владимир Игоревич собирался «искоренити племя Романово».

⁴⁸⁴ Ibid. P. 309.

землю, не зная куда бежать, поскольку польский герцог Лестько, как сообщает автор, до этого воевал с Романом и не заключил мира.

Кстати, авторские замечания в повествовании о событиях начала XIII в., разъясняющие их предысторию⁴⁸⁵, наводят на предположение, что они скорее так или иначе могли быть известны автору или его информаторам, чем основываться на сведениях письменного источника. События времени Романа, о котором повествователь говорит как о еще не забытом («памятном», согласно чтению *Хл*), а не как о незабвенном («приснопамятном» – такое чтение дает *Ин*)⁴⁸⁶, могли быть известны ему по рассказам современников Романа и передаваться в семействе его сыновей. Вероятно, учет этих замечаний может преодолеть уверенность многих исследователей в утрате начальной части сочинения⁴⁸⁷.

Кроме того, многочисленные похвалы Роману Мстиславичу могут указывать и на личное отношение к князю предполагаемого нами автора – игумена Агапита (если предположить, что он имел отношение к Киево-Печерскому монастырю). По различным, хотя и позднейшим источникам известно, что Роман Мстиславич выступал активным покровителем русских и европейских монастырей и в частности Киево-Печерского. И. М. Каманин со ссылкой на позднее (конец XV – начало XVI вв.) описание стенописи Лавры сообщает даже об изображении Романа Мстиславича на стене

⁴⁸⁵ Так, мы узнаем, что Рюрик принял монашеский постриг из страха перед Романом, галицкие бояре не могли сотворить никакого зла Романовичам благодаря венгерскому гарнизону, который король оставил в Галиче, следуя своему договору с княгиней Романовой в Санюке (Ип., 717), бояре Кормиличичи были изгнаны Романом «неверы ради» (Ип., 718), Лестько не заключил мира после войны с князем Романом (Ип., 719).

⁴⁸⁶ См. Ип., 715. Разница в семантике этих эпитетов указана в «Словаре» Срезневского: памятный – «...помнящийся, не забытый» – *Срезневский И. И.* Материалы для словаря древнерусского языка по письменным памятникам. Т. 2. СПб., 1902. С. 873; приснопамятный – «достойный вечной памяти» – Там же. С. 1472. Такое исправление весьма характерно для манеры редактора *Ин*, стремившегося придать тексту более «официальный» формат.

⁴⁸⁷ Эта точка зрения достаточно устойчива в историографии. См.: *Приселков М. Д.* История русского летописания XI–XV вв. С. 95–96; *его же.* Летописание Западной Украины и Белоруссии. С. 290; *Котляр Н. Ф.* Галицко-волынская летопись... С. 84; *Махновець Л. Є.* Від перекладача // *Літопис руський.* Київ, 1989. С. VIII.

Великой церкви⁴⁸⁸. Кроме того, хорошо известна поздняя грамота, в которой от имени Романа за Киево-Печерским монастырем закреплено владение несколькими деревнями⁴⁸⁹. Несмотря на укоренившееся мнение о её позднем происхождении и подложном характере, Каманин допускает, что она может иметь под собой определенную фактическую основу. Грамота могла быть восстановлена по памяти в более позднее время из-за частых пожаров в библиотеке Лавры, когда мог быть утрачен её оригинал.

Связь Киево-Печерского монастыря с центром летописания на Волыни подтверждается еще и тем обстоятельством, что в середине XVII в. в монастыре «имелся список Киевского свода 1199 г. по крайней мере с галицким продолжением»⁴⁹⁰. С Киево-Печерской лаврой Ю. П. Князьков связывает бытование списка южнорусского свода, подобного *Хл*, который восстанавливается по уникальным чтениям Украинского хронографа XVII в.⁴⁹¹

Основная тематика первого блока повествования – детство Романовичей, их скитания и постоянная борьба за вотчинные столы. В изображении автора братья – единственные, кто оказывается достоин наследства Романа Мстиславича, что иллюстрируют многочисленные в этом текстовом блоке эпизоды неудачных попыток других претендентов утвердиться в их вотчинах. В этих эпизодах братолюбие Романовичей автор противопоставляет распри между братьями Владимиром и Романом Игоревичами, захватившими галицкое и владимирское княжения. В другом эпизоде волынский стол на недолгое время занимает Александр Всеволодович Белзкий, двоюродный брат Романовичей. Несмотря на его родство с сыновьями Романа и достаточные права на княжение, эпизод

⁴⁸⁸ См. Каманин И. М. Судьба грамоты кн. Романа Галицкого // Чтения в историческом обществе Нестора Летописца. Книга 19, выпуск I–IV. Киев, 1906. С. 79.

⁴⁸⁹ Там же. С. 78.

⁴⁹⁰ Кучкин В. А. Фрагменты Ипатьевской летописи в Киево-Печерском патерике Иосифа Тризны // ТОДРЛ, Т. 24. Л., 1969. С. 197.

⁴⁹¹ Князьков Ю. П. Украинский хронограф как источник по отечественной истории: дисс. <...> канд. ист. наук: 07.00.09 / Князьков Юрий Петрович. Днепропетровск, 1984 (машинопись). С. 136.

изложен весьма тенденциозно. Владимирские горожане открывают прибывшему с польскими союзниками Александру ворота со словами: «Се есть сыновець Романови»⁴⁹². Александр занимает город, но не может сдержать поляков, которые принимаются грабить горожан. Поляки уже готовились штурмовать главный собор города, пока не были остановлены своими князьями. Эпизод завершается жалобой жителей Владимира на Александра и поляков: «Аще не былъ бы сродникъ их (*т.е. Романовичей*) с ними Олександръ, то не перешли быша ни Буга»⁴⁹³.

Дальнейшие смены на владимирском столе автор отмечает довольно лаконично, но в свете той же тенденции. Так, по его замечанию, Ингваря Ярославича не любили местные бояре⁴⁹⁴. Непопулярности у горожан всех других претендентов автор противопоставляет их расположение к Романовичам. Например, в эпизоде вокняжения Даниила и Василька в Берестье жители города встречают вдову Романа с сыновьями с радостью, «яко великого Романа жива видящей».

В том же духе автор ведет рассказ и о борьбе за галицкое княжение. Узнав о мятеже в Галиче, венгерский король отправляет в город воеводу Бенедикта. Автор красноречиво осуждает венгров, ссылаясь на слова некоего жившего в Галиче «премудрого книжника» Тимофея, который иносказательно («притчею») сравнивал Бенедикта с антихристом.

Так же неудачно в изложении автора представлены попытки овладеть галицким столом родственника Романовичей Мстислава Пересопницкого («не успешю ему ничтоже») и сыновей Игоря Святославича. Игоревичи, занявшие Галич после ухода венгров, казнили множество местных великих бояр, что заставило галичан просить венгерского короля посадить на

⁴⁹² Стоит отметить, что Александр Всеволодович имел определенные права на владими́ро-во́лынское княжение, поскольку, во-первых, его отец с согласия Романа успел небольшое время покняжить в городе, а, во-вторых, был по возрасту старше обоих Романовичей – *Домбровский Д.* Генеалогия Мстиславичей: Первые поколения (до начала XIV в.). СПб., 2015. С. 334.

⁴⁹³ *The Old Rus' Kievan and Galician-Volhynian Chronicles.* P. 309.

⁴⁹⁴ Луцкий князь Ингварь Ярославич приходился Роману Мстиславичу двоюродным братом – *Baumgarten de N. Généalogies et mariages occidentaux des Rurikides Russes...* P. 60.

княжение Даниила. История борьбы с Игоревичами завершается победой Романовичей и венгров и эпизодом вокняжения Даниила в Галиче.

В начальных блоках повествования автор неоднократно изображает своих героев в драматичных эпизодах заговоров или довольно продолжительной борьбы Даниила в союзе с Мстиславом Удатным против венгров. Посаженный венгерским королём на галицкое княжение и боярами совсем ребёнком («тако младу сущю, яко и матере своя не позна»), Даниил оказывается бессилён перед городскими боярами. Боярин Владислав изгоняет из города мать Даниила, обвиняя её в том, что та желает править сама. Маленький князь, защищая мать, берет в руки меч и пытается ударить коня тиуна Александра Шумавинского, приехавшего с целью увести «княгиню Романову» из города. Тогда мать забирает у сына меч и уговаривает его остаться в Галиче.

Первый блок повествования, где изложена история «младости» братьев, завершается эпизодом вступления Даниила в союз с занявшим галицкое княжение Мстиславом Удатным. С помощью польского герцога Леська вдове Романа Мстиславича с сыновьями удалось занять владимирский стол, заключить мир с литовскими князьями и укрепить своё положение среди соседей. В этот блок включена также Повесть о битве на Калке, в которой принимал участие юный Даниил Романович.

Эпизоды, которыми завершается этот блок, призваны подчеркнуть рост авторитета Даниила у соседних князей. Так, его троюродный дядя Мстислав Немой завещает ему свою вотчину, а Мстислав Мстиславич Удатный уже собирается передать князю галицкий стол, но по совету бояр меняет решение в пользу венгерского королевича.

Основное содержание центрального текстового блока в повествовании о Данииле и Васильке самим автором определено так: «Посем скажем многы мятежи, и великы льсти, и бесчисленьныа рати»⁴⁹⁵. Этот раздел открывается яркой экспозицией – серией эпизодов боярских заговоров против

⁴⁹⁵ The Old Rus' Kievan and Galician-Volhynian Chronicles. P. 325.

Романовичей, последовавших за вокняжением Даниила в Галиче. Автор начинает этот блок с эпизода «крамолы» галицких бояр Молибоговичей и Александра Белзского, которые собрались поджечь дом, где находился Даниил, но вмешательство младшего брата спасло князю жизнь. Юный Василько вышел из дома, «обнажившу меч свои, играя на слугу королева⁴⁹⁶, иному похвативши щит играючи», что спасло Даниила. Вводя в повествование подобные эпизоды, автор стремится оправдать дальнейшую борьбу Романовичей против их двоюродного брата Александра Всеволодовича Белзского и «неверных» галицких бояр.

Рассказав о последовавших далее победах Романовичей в борьбе с мятежными галичанами, венграми, сыном Михаила Черниговского – Ростиславом и закреплении завоеванных земель за Даниилом в Орде, автор строит повествование путем сочленения эпизодов военных кампаний Даниила и Василька («бесчисленьныа рати»).

Первостепенное значение в динамике повествования в этом блоке имеет тема распространения славы Романовичей в русских землях и среди иноземных правителей. Так, рассказав о благополучном возвращении Даниила из ставки Батыея, автор сразу подчеркивает возросший внешнеполитический авторитет князя: «Бысть же ведомо странам приход его всем с татар, яко Бог спасль его»⁴⁹⁷. Следующий далее эпизод, хотя и вводится типичной для летописания формулой временного сочленения («В то ж лето»), логически продолжает выбранную тему. Здесь уже речь идет о предложении венгерского короля Белы IV о браке Льва Даниловича и его

⁴⁹⁶ В. Т. Пашуто обратил внимание на использование здесь королевского титула по отношению к Даниилу, объяснив это следующим образом: «Под пером владимирского редактора этот текст (*Холмский свод* – В. П.) был дополнен припоминанием князя Василька о том, как однажды сидевшие в замке бояре в испуге бежали <...>. Вставка эта поздняя, ибо в ней Даниил Романович назван «королем» («слугу королева»)» – Пашуто В. Т. Очерки по истории Галицко-Волынской Руси. С. 75. На наш взгляд, это является еще одним доказательством более позднего составления всей *ЛвМ*, в последние годы княжения Владимира Васильковича. Само композиционное построение повествования, акцентирование темы братолюбия Романовичей, подбор и обработка источников, группировка эпизодов принадлежит именно этому автору.

⁴⁹⁷ The Old Rus' Kievan and Galician-Volhynian Chronicles. P. 342.

дочери. По замечанию автора, король боялся Даниила, поскольку тот «был бе у татарех, победою победи Ростислава и Угры его». Акцентированием политического значения победы под Ярославлем объясняется введение в повествование эпизода самой свадьбы Льва с королевской дочерью и освобождения пленных венгерских бояр: «И поя дъщерь его сын си (*т.е. Лев Данилович*) жене, и отдасть ему ятыя бояры, еже Бог вьдасть в руци его, одолевшу ему с братом у Ярославля, и сътвори с ним мир»⁴⁹⁸.

В следующем эпизоде развиваются сюжеты, связанные с политикой Романовичей в Литве. Здесь автор подчеркивает признание могущества Даниила рыцарями Ливонского Ордена, которые даже заключают мир со своим врагом, союзным Даниилу литовским князем Выкинтом («тебе доля мирь сътворим съ Викынтом, зане братию нашу многу погуби») ⁴⁹⁹ и обещают помощь другому литовскому союзнику Даниила – князю Тевтивилу. Серия эпизодов войн Даниила с Миндовгом, охватывающих события 1248–1252 гг., завершается сообщением о захвате Романовичами Новогрудка и Городена, после чего Миндовг отправляет посольство к Даниилу, «прося миру и хотя любве о сватстве»⁵⁰⁰.

В концовке эпизода первой австрийской кампании Даниила, по окончании которой чешский воевода Герборт присылает князю «мечь и покорение свое», упоминается о встрече князя с папскими послами. Следуя избранной логике повествования, автор в окончании эпизода похода в Чехию⁵⁰¹ последовательно переходит к теме отношений Даниила со святым престолом: теперь слава и могущество князя признаются самим папой римским. Уже в следующем эпизоде, после фразы «в то ж время», сообщается о прибытии ко двору Даниила послов от папы с королевскими регалиями: «В тож время присла папа послы честныя, носяще венець и

⁴⁹⁸ Ibid.

⁴⁹⁹ Ibid. P. 344.

⁵⁰⁰ Ibid. P. 346.

⁵⁰¹ Этот поход в действительности не привел к крупным успехам, но, по словам автора, завершился для князя «с честью и с славою».

скупетръ и коруну, еже наречеться королевьскыи сан»⁵⁰². Упоминание о прибытии посольства от Иннокентия IV побудило автора изложить предшествовавшие этому событию приемы папских посольств Даниилом.

В магистральную линию повествования автор встраивает многочисленные эпизоды сражений с языческими племенами ятвягов и литовцев на границах северной Волыни. Эти эпизоды, рассредоточенные по всем начальным текстовым блокам, интересны тем, что в их группировке прослеживается тот же прием композиционной градации, характерный для построения самих первых блоков повествования, развивающегося от бедственного положения сыновей Романа и «великого мятежа» в Русской земле в его завязке (события первого десятилетия XIII в.) до военных побед Романовичей в 1240–1250-х гг.

Л. В. Черепнину источником «ятвяжских известий» представлялись воинские повести «о трудах»⁵⁰³, характерные именно для литературы Галицко-Волынской Руси. По нашему мнению, их происхождение скорее следует предполагать в местном летописном источнике, связанном с Владимиро-волыньским княжеским двором, либо с епископской кафедрой при Успенском соборе. Обилие подробностей – названия волыньских городов и мест, имена убитых русских воевод, ятвяжских и литовских вождей – позволяет предположить здесь отражение текущих летописных записей. Способы монтирования данных известий в строй повествования стоит рассмотреть особо.

Этот цикл известий имеет собственную завязку и развивается с эпизода, помещенного после сообщения о взятии Александром Белзским нескольких городов на Волыни. В это время малолетний Василько Романович был посажен на княжение в Белзе – городе на границе Волынской и Перемышльской земель. Автор предваряет известие о первой войне с ятвягами и Литвой указанием, сообщающим, что «в та же лета», когда

⁵⁰² Ibid. P. 350.

⁵⁰³ Черепнин Л. В. Летописец Даниила Галицкого. С. 252.

Александр Всеволодович еще княжил во Владимире, а его брат Всеволод в Червене, ятвяги с литовцами пограбили окрестности волынских городов и убили ехавших в сторожевом отряде русских дружинников Матея и Доброгостя. Характерна концовка данного эпизода в виде резюмирующей фразы «беда бо бе въ земли Вьлодимерьстии от воевания Литовьскаго и Ятвязьскаго»⁵⁰⁴. Так автор подчеркивает, что во время долгих скитаний князей «племени Романова», занявший их вотчинный стол Александр Всеволодович не мог защитить земли Западной Волыни от набегов враждебных язычников. Убеждение автора, что кроме Романовичей никто из князей не был способен удержать власть в их вотчинном городе Владимире, четко согласуется с другими эпизодами этого текстового блока: о нелюбви волынских бояр к ненадолго занявшему владимирское княжение Ингварю Ярославичу, о пленении города поляками во время его взятия Александром Белзским и т.д.

Далее автор вновь возвращается к теме отношений с языческими племенами уже в контексте изложения борьбы Мстислава Мстиславича Удатного и Даниила с венграми и галицкими боярами. После удачного для Даниила сражения с боярским войском, молодой князь встречается со своим тестем Мстиславом. Упомянув о приезде Даниила во Владимир, автор последовательно переходит к событиям на Волыни и помещает здесь явно вставной эпизод примирения литовских князей с Романовой княгиней и ее детьми. Следствием заключения мира между Романовичами и Литвой, по-видимому, стали нападения литовцев на земли поляков, враждовавших в это время с сыновьями Романа, о чем автор говорит далее. Этот эпизод явно имеет под собой некую современную событиям документальную основу (здесь перечислены крупные литовские роды и называются имена их старшин) и в то же время несет следы поздней авторской обработки и находится в неразрывной связи с другими частями повествования. Так, автор

⁵⁰⁴ The Old Rus' Kievan and Galician-Volhynian Chronicles. P. 310. Далее автор после переходной фразы: «мы же на преднее възвратимся, случившихся в Галиче» вновь возвращается к галицким событиям.

здесь заранее сообщил, что Миндовг убил князя Вишимута и «поаял» его жену, о чем будет упомянуто только в дальнейшем изложении, при описании событий 1252 г.⁵⁰⁵ (по хронологии М. С. Грушевского). Кроме того, отсылку к войне литовцев с поляками мы встретим и в следующем далее эпизоде («[По] побеждении Мьстиславли и по литовьском воевании на ляхы...»).

Основная группа эпизодов ятвяжских войн вводится в начале крупного текстового блока, который открывается вводной фразой «Начнем же сказати бесчисленьна рати и великия труды и частыя воины и многыя крамолы...». Рассказав о принятии Даниилом Луцка, завещанного ему его троюродным дядей Мстиславом Немым, автор сообщает, что Даниил передал Луцк и Пересопницу своему брату, а Берестье дал ему раньше. Упомянув о Берестье и создав тем самым последовательный переход, автор приводит эпизод нападения ятвягов на город, когда Даниил проявил личное мужество, ранив ятвяжского вождя Небра «четырьмя ранами». Эпизод завершается традиционной ремаркой «мы же се оставльше, на преднее възвратимся», и далее автор переходит уже к теме взаимоотношений Даниила и Мстислава Удатного. Однако новое упоминание Берестья в сообщении о войне в Польше после смерти Лестько Белого, в которой участвовали Даниил и Василько, вновь побудило автора прервать тему польского похода Романовичей и обратиться к рассказу о войне с литовцами на Волыни.

Лаконичный эпизод войны с ятвягами помещен среди группы кратких, вероятно, летописных по своему происхождению записей о событиях 1238 г.: «Весне же бывши пойдоста (*Даниил и Василько*) на ятвязе и приидоста к Берестью. Рекам наводнивьшимся – не возмогоста ити на ятвязе»⁵⁰⁶. В характерных особенностях его оформления (краткость, формула «весне же бывши») проступает летописная основа привлеченного автором источника.

Крупную серию эпизодов войн с литвой и ятвягами, автор поместил среди изложения истории соперничества Романовичей и Михаила

⁵⁰⁵ «Многым же ратным бившимся межы ими; Висимот под тем же градом убиень бысть» (Ibid. P. 345).

⁵⁰⁶ Ibid. P. 330.

Черниговского с сыном Ростиславом за Галицкое княжение. Их вставной характер заметен как по довольно слабой соотнесенности с контекстом, так и подчеркнут самим книжником, упомянувшим о привлечении письменного источника либо устных рассказов: «И въ ина времена избъени быша погании, ихже не хотехом писати от множества ради»⁵⁰⁷. Однако здесь автор не ограничился простым включением готового материала, но и хронологически соотнес его с другими событиями, упомянув, что нападение ятвягов на Западную Волынь случилось еще до войны Даниила против Михаила Черниговского⁵⁰⁸, когда «еще бо Холму не поставлену бывшую Даниломъ». На довольно позднее включение этих известий указывает также авторская характеристика, данная здесь Васильку Романовичу: «Василко бо бе възрастом середний, умом велик и дръзостию, иже иногда многожды побежаше поганые, или иногда многожды посылающима има (*т.е. Даниил и Василько*) на поганые. На её позднее происхождение уже обращали внимание исследователи⁵⁰⁹.

Очень краткий вставной эпизод войны с ятвягами читается после сообщения о встрече вернувшегося из Орды Даниила с братом и сыновьями: «Тоеже зимы Кондрат присла посоль по Василка, рече: “Поидем на Ятвязе”. Падшю снегу и серену – не могоша ити, въротишась на Нуре»⁵¹⁰. Помещение данного эпизода именно в этом месте вполне объяснимо недавним упоминанием о младшем брате Даниила.

Заключительная группа эпизодов войн с ятвягами читается после рассказа о возвращении Даниила от Батыя и отличается обилием деталей,

⁵⁰⁷ Ibid. P. 339.

⁵⁰⁸ Здесь идет речь о черниговской войне зимы-весны 1235 г., согласно хронологии М. С. Грушевского. События, о которых идет речь в повествовании, окружающем данный эпизод, относятся ко времени после 1244 г. См. *Грушевський М. С. Хронологія подій Галицько-волинської літописи*. С. 32.

⁵⁰⁹ А. И. Генсѡрскій (Галицько-Волинський літопис... С. 11–12) и современный историк А. В. Горовенко (Меч Романа Галицкого... С. 231) совершенно справедливо считают эту характеристику посмертной. Таким образом, привлечение волыньских летописных известий, скорее всего, произошло уже после смерти князя Василька Романовича, в годы княжения его сына.

⁵¹⁰ The Old Rus' Kievan and Galician-Volhynian Chronicles. P. 342.

вниманием к подвигам князей и их дружинников. Здесь автор прибегает к яркой изобразительности, описывая победное шествие русских полков: «Щити же их, яко заря бе, шеломи же их, яко солнцю вѣсходящю, копием же их дрѣжащим въ руках, яко трости мнози...». Показывая, как некогда сильные и опасные противники волынских князей теперь признают своё бессилие, автор приводит яркую метафорическую речь союзных ятвягам пруссов: «И реша друзи (в *Ин*: «Прузи») ятвязем: «можете ли древо подрѣжати сулицами и на сию рать дрѣзнути?». Концовкой эпизода войны объединенных под началом Даниила русских и польских дружин с ятвягами служит торжественное славословие братьям-Романовичам, которое по своей стилистике перекликается с похвалой подвигам их отца в экспозиции: «Богу помогшу има, и приидоста съ славою на землю свою, наследивша путь отца своего великого Романа, иже бе изострился на поганья, яко левъ, имже половьци дети страшаху»⁵¹¹.

Панегирик Даниилу⁵¹² в концовке эпизода окончательной победы над ятвягами и обложения их данью после войны 1253 г., подчеркивает значимость его побед не только для современных государей, но и для памяти его потомков: «По великом бо князи Романе никто же не бе воевал на не в Руских князех, разве сына его Данила. Богом же даннаа ему дань послушество сътвори Лядскою землею, сиречь въ память детем своим, яко от Бога мужство ему показавшю, якоже премудрыи гронографъ списа, якоже добродееяния въ веки святятся»⁵¹³. Такая торжественная амплификация выступает в качестве закономерного финала не только эпизодов ятвяжских войн, но и всего повествования «о бесчисленных ратях» Романовичей, которое здесь завершается автором («якоже сказахом о ратех многих»).

⁵¹¹ Ibid. P. 343–344.

⁵¹² Заключительный эпизод войны с ятвягами помещен после сообщения о коронации Даниила. Тот факт, что здесь прославляется Даниил, а не оба Романовича, еще не может доказывать его принадлежности отдельному «Летописцу Даниила». Автор специально оговаривается в экспозиции рассказа, что Василько Романович был ранен в ногу и поэтому не смог участвовать в описанном походе, но отправил в помощь брату свою дружину.

⁵¹³ The Old Rus' Kievan and Galician-Volhynian Chronicles. P. 354.

Если в концовке эпизода австрийской кампании летописец сравнивает войны князя с походами «старых» русских князей – Владимира Святого и Святослава Игоревича, то здесь обращается уже к образцам всемирной истории. А. С. Орлов отметил в этом панегирике обильное цитирование «Хроники» Иоанна Малалы⁵¹⁴. Всемирноисторические реминисценции здесь использованы для усиления значимости деяний героев. В структуре повествования процитированный панегирик важен еще и потому, что Даниил в войнах с ятвягами достигает воспеваемой в экспозиции славы Романа Мстиславича, утрату которой автор оплакивал в эпизоде вынужденного поклонения князя Батыю на Волге («о, злее зла честь татарская!»).

Подход к *ЛвМ* как единому, структурированному в соответствии с авторской телеологией тексту, а не механической компиляции различных по происхождению источников, позволяет преодолеть некоторые затруднения, возникавшие при её прочтении.

До сих пор никто из исследователей удовлетворительно не объяснил функций в повествовании легенды о двух живших во времена Владимира Мономаха половецких ханах-братьях Сырчане и Отроке. Так, Ю. К. Бегунов, сравнивая «Слово о погибели Русской Земли», помещенное в предисловии к Житию Александра Невского⁵¹⁵, с легендой *ЛвМ*, писал: «В обоих случаях редакторы поступили не особенно умело, но заслуживают благодарности: они сохранили прекрасные образцы древнего песенного творчества»⁵¹⁶.

В экспозиции к *ЛвМ* после похвалы Роману – «памятному самодержцу всея Руси» и его предку Владимиру Мономаху, автор неожиданно переходит к рассказу об изгнанных Мономахом половецких ханах. Разбитые Владимиром Отрок и Сырчан вынуждены покинуть родные степи. Сырчан остается на Дону, «рыбою оживши», а его брат бежит «въ Обезы, за

⁵¹⁴ Орлов А. С. К вопросу об Ипатьевской летописи. С. 108–109.

⁵¹⁵ В результате текстологического исследования «Слова о погибели» Бегунов пришел к выводу, что «присоединение «Слова» к Житию сделано, по-видимому, в Псковской земле между 50–80-ми годами XV в.» – Бегунов Ю. К. Памятник русской литературы XIII века «Слово о погибели русской земли». М.; Л., 1965. С. 81.

⁵¹⁶ Там же. С. 80.

Железные врата». Узнав о смерти Мономаха, Сырчан призывает брата вернуться на родину: «Въротися, брате, поиди в землю свою». Хан отправляет к брату своего певца с наказом петь для Отрока «песни половецкия», а если тот не согласится возвращаться, то дать ему «поухати зелия именовь емшан». Отрок не захотел ни слушать песни, ни возвращаться. Тогда посланник Сырчана дает хану траву емшан. Вспомнивший родные степи Отрок заплакал и сказал: «да лучше на своей земли костью лечи, нежели на чужей славно быти».

Едва ли в образы половцев автором здесь были вложены эсхатологические ассоциации и отсылки к тем языческим народам, которые, согласно апокрифическим сочинениям, были запечатаны в горах Александром Македонским до наступления конца времен. В таком плане экспозицию *ЛвМ* интерпретируют современные исследователи А. В. Майоров⁵¹⁷ и В. И. Ставиский⁵¹⁸. Отметим пока, что эсхатологическая направленность вообще оказалась чужда авторской концепции *ЛвМ* (см. *Раздел 3.3*), хотя её автор и был современником и, возможно, очевидцем разорения во время Батыева нашествия волынских и галицких городов, взятия Киева и наступившей на Руси «татарской неволи». Эсхатологические реминисценции в *ЛвМ* отсутствуют даже в образах иноплеменников-татар, что явилось яркой отличительной особенностью её редакции Повести о Калкской битве и Цикла повестей о нашествии Батыя⁵¹⁹.

⁵¹⁷ «Соотнесение половцев с измаилтянами в летописной похвале Роману также имеет целью уподобление галицко-волынского князя Александру Великому. В «Повести временных лет» под 1096 г. читается заимствованная из «Откровения» Мефодия Патарского и заново переосмысленная русским книжником легенда о том, как царь Александр запечатал в горах «сынов Измаиловых», в том числе и половцев. С приходом «конца времен» эти «нечистые» народы вырвутся на свободу и погубят весь мир. <...> Своими подвигами Роман, как прежде Александр Великий, как бы предотвратил ожидаемое наступление конца света, пророчески связываемое с нашествием измаилтян» – Майоров А. В. Русь, Византия, Западная Европа ... С. 569.

⁵¹⁸ Ставиский В. И. О возможном источнике некоторых образов летописной «Похвалы» князю Роману Мстиславичу // Slověne = Slovĕne. International Journal of Slavic Studies. 2015. Т. 2. С. 159–179.

⁵¹⁹ В отличие от прочих ранних редакций Цикл повестей о Батыевом нашествии в южнорусском своде, по наблюдениям А. Ю. Бородихина, «не содержит подобно другим

Стоит отметить, что в целом с половецкими ханами как у Мономаховичей вообще, так и у волынской ветви были довольно длительные и тесные семейные и союзнические отношения. Известно, что Романовичи состояли в близком родстве с некоторыми половецкими родами. Так, первая жена Даниила Романовича, Анна Мстиславовна, приходилась внучкой одному из старейших и влиятельных ханов – Котяну Сутоевичу. Супругой Мстислава Даниловича могла быть дочь половецкого хана Тегака⁵²⁰, имя которой не сохранилось в источниках. Половецкие союзники участвовали в войнах Романовичей с венграми и походах на Литву против Миндовга в 1252–1253 гг.

С другой стороны, именно упоминаемые в легенде ханы из семейства Шарукана (Сырчан, Отрок и его сын Кончак) с начала XII в. постоянно враждовали с Мономахом и его потомками. Владимир Мономах нанес крупное поражение Шарукану в 1107 г. в битве между Сулой и Хоролом, когда был убит брат Боняка. Против Шарукана был направлен и знаменитый поход 1111 г. Память о родовой вражде Мономаховичей и Шаруканидов могла быть актуальна и в XIII в., отразившись как в половецком фольклоре⁵²¹, так, вероятно, и в устных эпических преданиях Галицко-Волынской Руси.

Путем ретроспективного взгляда на историю взаимоотношений двух родов экспозиция *ЛвМ* вплотную подводит читателя к героям дальнейшего рассказа – потомкам Владимира Мономаха (Романовичам), вступившим в борьбу с вторгшимся в Галицкую землю союзником Кончака – Рюриком

ранним циклам развернутых объяснений всеобщей беды в духе религиозной дидактики, обращений к читателю-современнику с призывом к покаянию» – *Бородихин А. Ю.* Цикл повестей о нашествии Батые в летописных и летописно-хронографических сводах XIV–XVII вв.: дисс. <...> канд. филол. наук: 10.01.01 / Бородихин Андрей Юрьевич. Новосибирск, 1989. С. 156–157.

⁵²⁰ *Baumgarten de N.* Généalogies et mariages occidentaux des Rurikides Russes du Xe au XIIIe siècle // *Orientalia Christiana*. Vol. IX, № 35. Roma, 1927. P. 47.

⁵²¹ См. *Мургулия В. П., Шушарин В. П.* Половцы, Грузия, Русь и Венгрия в XII–XIII веках. М., 1998. С. 66–67.

Ростиславичем⁵²². В начале века Рюрик в союзе с Кончаком участвовал в походе на Киев в 1203 г., который был направлен в том числе и против Романа Мстиславича. В то же время главный соперник сыновей Романа – Владимир Игоревич, занявший Галицкий стол после гибели в Польше Романа и изгнания Даниила с матерью из Галича и собиравшийся, по словам автора, «искоренити племя Романово», был, как известно, связан с родом Кончака. Именно его женой была дочь хана – «Кончаковна», известная по русским летописям и Слову о полку Игореве.

Итак, автор как бы уподобил ситуацию, возникшую после гибели Романа Галицкого в начале XIII в.⁵²³, возвращению половцев на Дон после смерти его предка Владимира Мономаха. Обнаруживаемая здесь связь свидетельствует об осознанном, а не механическом и неумелом включении автором легенды об Отроке и Сырчане в повествование как своеобразной предыстории событий, не отраженных в доступных ему летописных источниках. Легенда о Сырчане и Отроке и похвала Роману также выступают средством литературного оформления топоса «*начала истории*», что мы рассмотрели в *Главе 2*.

Кроме того, несмотря на то, что героями этой легенды выведены противники Мономаховичей – род Шаруканидов, легенда о Сырчане и Отроке органично вписывается в перспективу авторской телеологии, акцентируя тему княжеского братолюбия – лейтмотив всей истории Даниила и Василька Романовичей.

Подход к *ЛвМ* как целостному авторскому повествованию позволяет пересмотреть устоявшуюся точку зрения о дефектном характере одной из её предполагаемых частей. Согласно общепринятому мнению, при соединении

⁵²² Во времена перед гибелью Романа именно Кончак и связанные с ним родством Ольговичи сыграли решающую роль в возвращении Рюрика Ростиславича на киевский престол – *Толочко П. П.* Династические браки на Руси XII–XIII вв. СПб., 2014. С. 162–163.

⁵²³ Так сообщает о событиях в Галиче после гибели Романа *Лавр*: «Галичане же целоваша крестъ къ сыну его Данилу. Слышав же се Олговичи вси и поидоша к Киеву. Рюрик же слышавъ се, оже убьень быст Романъ, иже бе и постригль, и смета с себе чернечьские порты и седее Кыеве» (*Лавр.*, 425–426).

«владими́ро-во́лынско́го» и «хо́лмско́го» источников текст последнего оказался дефектным. Потому повествование о походе Бурандая на Литву многим исследователям представлялось оборванным⁵²⁴.

По нашим наблюдениям, совершенно нет необходимости предполагать здесь какой-либо сбой повествования или дефект протографа. Автор, рассказав о первом пришествии Бурандая, завершил эпизод прямой речью – обращением Даниила к сыновьям Шварну и Льву, а также племяннику Владимиру: «Аще вы будете у мене ездити у станы к ним, аще ли – аз буду»⁵²⁵. Сама эта фраза из-за предполагаемой исследователями дефектности источника казалась исследователям незаконченной⁵²⁶. Но поскольку в ней отразились нормы живой разговорной речи, вполне объяснимо, почему в придаточном предложении оказалась опущена форма инфинитива глагола «ездити»⁵²⁷.

Поэтому предпочтительно такое понимание слов Даниила: «Если вы окажетесь у меня, вы поедете к ним в станы, а если нет – я поеду». Речь идет

⁵²⁴ «Среди летописеведов преобладает мнение, что здесь мы имеем дело с элементарной утратой текста. <...> Он обрывается буквально не только, что называется, на полуслове, но и на полустроке» – *Толочко П. П.* Статья 6731 года Галицко-Волынской летописи и время ее написания // *Ruthenica*. № 4. Київ, 2005. С. 52.

⁵²⁵ *The Old Rus' Kievan and Galician-Volhynian Chronicles*. P. 358.

⁵²⁶ *Насонов Н. А.* История русского летописания... С. 233.

⁵²⁷ И. И. Срезневский указывает значение союза «аже ли» («аже ли не») – «если не», «если нет», ссылаясь при этом на пример из Ипатьевской летописи (под 6657 г.) – обращение дружинников Андрея Боголюбского к своему князю: «Поеди княже прочь. аже ли. добудемь сорома» – *Срезневский И. И.* Материалы для словаря древнерусского языка... Т. 1. С. 9. Эти слова можно понимать как «Если ты, князь, не уедешь прочь, то окажемся в обиде». См. также эквиваленты «аще ли», «аще ли ни» – Там же. С. 36. По-видимому, такое употребление союза «аще ли» было характерно именно для устной речи, отразившейся в летописных рассказах. Так же построены фразы в ответе княгини Ольги царю Константину: «...да ащи мя хочещи крестити, то крести мя самъ, аще ли – то не крещуся» (Ип., 49), в речи послов Святополка, Владимира и Олега к Володарю: «поими брата своего Василка к собе и буди вам Перемышль <...>, аще ли – да пусти Василька семо» (Ип., 249–250). Кроме того, в значении «если не» союз «аще ли» ранее встречается в тексте самой *ЛвМ*, например, в эпизоде сражения войск Романовичей и поляков с ятвягами. Польский (либо из союзных Даниилу ятвягов) воевода Ящелт, сдерживавший наступление ятвягов, обращается к дружинникам Даниила: «...аще ли жалуете нас, то преже себе жалуйте и бесчестиа своего» (*The Old Rus' Kievan and Galician-Volhynian Chronicles*. P. 343), что в переводе О. П. Лихачевой верно передано как «если не жалуете нас, то пожалейте себя и подумайте о своем позоре» – Галицко-Волынская летопись // ПЛДР: XIII век. М., 1981. С. 319.

о том, что Даниил, услышав весть о скором приходе татар, отослал от себя сыновей и племянника, сказав им, что сможет ехать к татарам, только если те будут в безопасности. Его опасения понятны, поскольку его дети могли быть взяты Бурандаем в заложники, как незадолго до того другой сын Даниила, Роман, оказался в плену у Войшелка и Тевтивила. Вслед за этим эпизодом в *Хл* следует переходная фраза: «Посемь же минувшима двема летома, и бысть тишина по всеи земли»⁵²⁸ и далее, вполне в духе всего повествования, речь идет уже о следующем пришествии Бурандая на Волынь⁵²⁹.

Об активном авторском отношении к композиционному построению повествования свидетельствуют многочисленные авторские ремарки («рекохом», «писахом», «древле писахом», «переди списахом»). Образ автора, ведущего рассказ от первого лица, скрепляющий повествование воедино, раскрывается на всем его протяжении за счет этих традиционных средств. Так, автор постоянно использует отсылки к тем или иным эпизодам или лицам, о которых он говорил ранее (Ип., 836, 837, 842, 861, 890, 892, 908). Неоднократно встречаются замечания, что, обрабатывая источники, автор сознательно опускал их избыточные сведения. Так, договор между Белой IV и Даниилом («обеть великъ») он «за множество весь не писахом», Мстислав Данилович, покинув Владимир, объезжал собственные города, названия которых автор также «не списахом» (Ип., 905). В этом проявилась меморатная основа *ЛвМ*.

В целом сюжет *ЛвМ* как целостного авторского текста можно описать следующим образом. Открывает её эпическая экспозиция, развивающая тему подвигов основателей рода и содержащая изложенный в притчевой форме

⁵²⁸ The Old Rus' Kievan and Galician-Volhynian Chronicles. P. 358.

⁵²⁹ Здесь описывается поход Бурандая на Польшу через Галицко-волынские земли. По расчетам М. С. Грушевского он пришелся на ноябрь 1259 г. – *Грушевський М. С. Хронологія подій Галицько-волинської літописі. С. 41–42.* А. Н. Ужанков не придает значения тому факту, что речь идет о двух разных походах Бурандая: «Совершенно очевидно, что владимирский писатель воспользовался концовкой статьи 1260 г. и, развив ее, привязал свой труд к сочинению своего предшественника. Получилось как бы продолжение описания одного события» – *Ужанков А. Н. Проблемы историографии и текстологии древнерусских памятников.... С. 320.*

призыв к возвращению на «родную землю» – легенду о ханах-братьях Сырчане и Отроке. Это вступление, посвященное героическим деяниям предков главных героев *ЛвМ*, мотивирует ход дальнейшего повествования о тяжелом возвращении родовой славы и вотчинной земли сыновьями Романа Мстиславича. Тематика начального текстового блока – судьба малолетних Романовичей во время многочисленных мятежей и боярских крамол в первой четверти XIII века. Здесь автор вводит яркие эпизоды, в которых враждебные героям князя собираются «искоренити племя Романово», а братья вынуждены неоднократно покидать родную землю. Кроме того, множество эпизодов (в том числе и таких, вставной характер которых очевиден) призвано проиллюстрировать интенцию автора, что никто из князей, кроме Даниила и Василька не был достоин наследства Романа Мстиславича.

Эпизоды, объединенные в следующих далее текстовых блоках, концентрируются вокруг судьбы молодых братьев-Романовичей: от мятежей и войн, сопровождавших их юность («измлада бо не бы има покоя»), до окончательного утверждения их власти в Галицко-волынских землях. Восстановление «славы» княжеского рода, восходящего к наделенным чертами эпических героев Роману и Владимиру Мономаху, во внутренних и внешних войнах, политических и строительных деяниях придает повествованию сюжетную динамику. Драматизируя свой рассказ, автор не только последовательно отмечает этапы борьбы князей за свой удел, но и стремится доказать, что власть досталась потомкам Романа «с великим потом».

После кульминационного эпизода в этих блоках – победы, одержанной Даниилом и Васильком над Ростиславом Михайловичем и венграми в борьбе за Галич в 1245 г., – повествование направляется темой распространения славы Романовичей в войнах с языческими племенами литовцев и ятвягов, иностранных делах и достижением утраченной славы Романа Мстиславича.

Из сделанных нами наблюдений над способами обработки и цитирования источников становится очевидно, что автор *ЛвМ* обращался с

доступными материалами свободно и творчески. Его манере вовсе не было свойственно механическое и бессвязное компилирование эпизодов, взятых из доступных ему протографов. Своему повествованию он старался придать внутреннюю (как сюжетную, так и фабульно-хронологическую) связность. Несмотря на декларируемое стремление «овогда же писати въ предняя, овогда же вступати въ задняя», автор уделял внимание хронологическому соотнесению разновременных эпизодов, привязывая их к памятным для него или его информаторов событиям. При этом именно человеческая память становится организующим началом повествования. Свободное и активное отношение к сведениям источников, а также «воспоминательный» формат рассказа, являются проявлением «меморатного» принципа, положенного в основу структурирования сюжета *ЛвМ*⁵³⁰.

Вся та часть текста вплоть до сообщения о смерти Даниила Галицкого, которая Л. В. Черепниным была определена как Летописец Даниила Галицкого, посвящена рассказу о судьбе *обоих* братьев Романовичей. Внимание к делам Даниила Романовича здесь вполне объяснимо, поскольку он был старшим в роде и отцом наследника Владимира Васильковича – Мстислава Даниловича, которому автор, скорее всего, и адресовал свое сочинение. Нет необходимости предполагать какой-либо этап редактирования летописания Даниила при дворе Василька, потому что в таком случае пришлось бы допустить ещё более основательную перестройку текста под рукой «владимиристо-волынскогo редактора». Как в таком случае можно разграничить «волынские» добавления, указанные В. Т. Пашуто, от многочисленных эпизодов, где Василько Романович выведен автором на первый план: дает советы Даниилу, спасает ему жизнь, отправляет в помощь ему свою дружину и т.д.? Те эпизоды, которые Пашуто представляются

⁵³⁰ «Мемораты, как правило, не меняют текста источника (своего нового контекста), подвергаемого обработке, но за счет «припоминаний» дополняют и «поправляют» его» – *Дергачева-Скоп Е. И.* Сибирские летописи в исторической прозе XVII века: текст-контекст // Вестник НГУ. Серия: История, Филология. 2000. Т. 1, вып. 1. С. 9.

вставными, нисколько не противоречат тенденции остального повествования, а вполне органично вписываются в рамки авторской телеологии.

Повествование, несомненно, дополнялось сведениями местных летописных материалов, а также, возможно, и текстами исторических повестей, восходящих к иным летописным традициям (Калецкое побоище, Цикл повестей о Батыевом нашествии, известия Черниговской летописи 1286 г.⁵³¹).

Если в истории княжений Даниила и Василька автор тщательно прорабатывает воинские эпизоды («многие рати»), завершая их торжественными словословиями, то в изложении княжения Владимира Васильковича, который практически не принимал участия в сражениях, – прежде всего те, где Владимир выступает как благоверный правитель и миротворец. Этой цели служит и особо выделенный автором эпизод болезни князя, уничтожающей тело Владимира Васильковича при жизни, и рассказ о чудесном обретении его тела «целым и белым» после вскрытия гробницы. Поэтому здесь важнейшее значение приобретает «агиографический» план сюжета.

Линия повествования приводит к луцкому князю Мстиславу Даниловичу, вокняжение которого во Владимире автором приурочено к Пасхальному воскресенью. Мстислав, будучи одним из младших сыновей Даниила Романовича, был выбран Владимиром Васильковичем наследником на волынском столе «за его добро и правду». Видимо, он и был главным адресатом *ЛвМ*. Детальное, подкрепленное духовными грамотами изложение

⁵³¹ Несмотря на взаимную враждебность в 1230–40-е гг, волынские Мономаховичи поддерживали родственные связи с представителями черниговских Ольговичей и во второй половине XIII в. Так, дочь Василька Романовича Ольга была выдана за родного брата Михаила – Андрея Всеволодовича Черниговского (хотя, возможно, это был и другой князь из Ольговичей с тем же именем: см. *Зотов Р. В.* О черниговских князьях по Любецкому синодику и о Черниговском княжестве в татарское время. СПб., 1892. С. 91–92). Супруга Владимира Васильковича, также носившая имя Ольга, приходилась внучкой Михаилу Всеволодовичу, будучи дочерью его сына – брянского князя Романа Михайловича. Поэтому привлечение черниговского источника, датированного 1286 годом, т.е. периодом, близким ко времени работы автора, выглядит вполне исторически объяснимым.

переговоров о передаче удела от одного двоюродного брата к другому, причем в обход прав старшего на тот момент в семействе волыньских Мономаховичей – Льва Даниловича, отвечало именно интересам Мстислава. Помимо этой, чисто юридической стороны, идея преемственности власти между двоюродными братьями была развита автором в символическом плане через их уподобление историческим образцам (Давид – Соломон, Владимир Святославич – Ярослав Мудрый).

Таким образом, автор, работавший в последние годы жизни волынского князя Владимира и в начале княжения его преемника, создавал свое повествование уже для второго поколения потомков Романа Мстиславича, когда отношения между сыновьями Даниила и Василька сильно разладились. В последние блоки повествования включаются эпизоды, в которых Лев Данилович и его сын Юрий посягают на владения Владимира и Мстислава. Автор, непрерывно напоминая о взаимной поддержке и доверии между Даниилом и Васильком во время боярских мятежей, пришедшихся на годы их юности, постоянных внутренних войн и нашествий иноплеменников-татар, стремился дать их наследникам «образ братолюбия». Об этом свидетельствует настойчивое акцентирование этой добродетели как в большинстве воинских и дипломатических сюжетов *ЛвМ*, так и в прямых характеристиках героев.

В концепции Киевского свода В. А. Мельничук была отмечена особая функция авторской характеристики героев – князей из семейства Ростиславичей: «Ремарка, включенная в состав некрологов “и приложися к отцем, отдав общий долг, его же несть убежати всякому роженому”, сделанная составителем свода игуменом Моисеем, маркирует важную для него линию преемственности князей»⁵³². Функционально близким лейтмотивом в *ЛвМ* выступает формула, прославляющая братолюбие князей этого семейства. Даниил Романович «бѣше бо братолюбиемъ свѣтѣся съ

⁵³² Мельничук В. А. Стилистическая инструментовка характеристик смоленских князей Ростиславичей в составе Киевского свода XII века // Сибирский филологический журнал. 2013. № 4. С. 20.

братом своим Василком»⁵³³, Владимир Василькович «правдолюбием светясь къ всеи своеи братии»⁵³⁴. Последняя характеристика дословно повторена и в адрес его двоюродного брата и преемника Мстислава Даниловича⁵³⁵.

Также для автора было важно зафиксировать «достойные памяти» деяния предков правящих князей и их дружинников, в чем, вероятно, была потребность у его предполагаемого адресата эпохи «татарской неволи» конца XIII в. и вынужденного подчинения ордынским «цесарям».

Таким образом, право рассматривать *ЛвМ* в составе южнорусского летописного свода конца XIII в. как единый авторский текст с определенными границами редактирования дает отсутствие каких-либо примет последовательной обработки в тех известиях Киевского свода конца XII в., которые касаются деятельности основателя новой галицко-волынской династии – Романа Мстиславича. Некоторые детали в изложении истории взаимоотношений Романа и Рюрика Ростиславича и борьбе за галицкое княжение свидетельствуют, что составитель протооригинала *Ин-Хл* при соединении двух его крупных компонентов оставил без каких-либо изменений важнейшие для прав потомков Романа статьи. Это, прежде всего, те известия Киевского свода, где затрагивается порядок наследования Галицкого и Владимиро-волынского столов. По всей видимости, объединение двух крупных источников свода следует относить ко времени не ранее второй половины XIII в., когда вопросы наследования уделов уже утратили свою актуальность для волынских Мономаховичей.

При этом стремление к созданию целостной конструкции свода сильнее проявилось именно в *Ин*, редактор которого стремился встроить третью часть свода в последовательный ряд великих княжений, заданный ПВЛ и Киевским сводом. Это сказалось как во внесении киноварных заголовков, отмечающих начала княжений, так и в подчеркивании

⁵³³ The Old Rus' Kievan and Galician-Volhynian Chronicles. P. 363.

⁵³⁴ Ibid. P. 366.

⁵³⁵ Ibid. P. 386.

великокняжеского титула представителей младшего поколения Романовичей: Владимира Васильковича и Мстислава Даниловича.

В то же время рукопись общего протографа *Ин-Хл* была продолжена после того, как власть во Владимиро-волынском княжестве перешла от Мстислава Даниловича к кому-то из старших Даниловичей (Льву или, скорее, Юрию Львовичу). Однако, несмотря на это, мы не можем уверенно говорить о каких-либо серьезных попытках редактирования свода со стороны летописцев, близких Льву или его сыну, вопреки мнению М. Д. Приселкова, связывавшего составление южнорусского свода конца XIII в. именно с церковно-политическими амбициями Юрия Львовича⁵³⁶.

Анализ кодикологических особенностей *Хл* и его сопоставление с *Ин* на тех листах, где оба списка по-разному передали дефекты их общего протооригинала, позволяет сделать выводы о его формате, примерно оценить объем утрат в *Ин* и выявить закономерности при перемещении текста в *Хл*. Переброшюровкой последних листов сборника и добавлением фрагментов, в которых тенденциозно подчеркиваются внешнеполитические успехи Льва Даниловича, можно объяснить возникшую в протографе обоих списков путаницу листов, утрату возможно существовавшей хронологической таблицы к повествованию («число летомъ»), а также большей части книги Есфирь, которая входила в состав протографа *Ин-Хл*.

Подробный анализ временной структуры оригинального текста *ЛвМ*, сохраненной в *Хл* и подвергшейся коренной переработке в *Ин*, способствует выявлению принципов авторского структурирования повествования. Судя по характеру временных указаний *Хл*, автор имел определенную точку зрения на излагаемые события XIII в. Эпоха старших Романовичей предстает в повествовании как «те лета», «лета Данила и Василка Романович». Для связи эпизодов здесь используются формулы, выражающие неопределенные временные сроки – «времени минувши», «долгу времени минувши» и т.п. Однако ближе к изложению последних лет княжения Владимира

⁵³⁶ Приселков М. Д. История русского летописания XI–XV вв. С. 99.

Васильковича, пришедшихся на вторую половину 1280-х гг., временные интервалы между эпизодами становятся очень уплотненными: автор называет число прошедших недель и дней. Повествование здесь приобретает почти дневниковый характер, фиксируя «время очевидца». Учет изменений временной структуры позволяет примерно установить время работы автора над сочинением, которое пришлось на вторую половину 1280-х гг.

Будучи современником событий нашествия 1237–1240 гг. и последовавшей за ним «татарской неволи», автор не развил в их осмыслении той эсхатологической тенденции, которая распространилась в учительной литературе эпохи (поучения Серапиона Владимирского) и летописно-исторических повествованиях второй половины XIII и начала XIV вв.: Повести о битве на Калке в редакциях *Лавр* или *Н I*. Поэтому принятая в историографии атрибуция Галицко-волынского повествования Киевскому митрополиту Кириллу II либо книжникам из его окружения, активно обращавшимся в своем творчестве к эсхатологической тематике, не находит ощутимого подтверждения в самом тексте. В данном случае есть основания говорить о довольно оптимистической авторской историсофской позиции, достаточно далекой от «теории казней Божиих». В концептуальном плане, который в летописном повествовании выявляется за счёт прямого и скрытого цитирования, автор выделяет мотивы «богоизбранности» и «богоугодности» деяний волынского князя Владимира Васильковича, обращаясь, помимо обильных цитат из «Слова о Законе и Благодати» Илариона, к евангельским реминисценциям «мессианского» характера.

Близость автора к личности волынского князя Владимира Васильковича, большое внимание к состоянию его здоровья, а также осведомленность в церковной и монастырской жизни Волыни позволяет предположить его тождественность с упоминаемым в *ЛвМ* «печерским игуменом» Агапитом, тезоименитым уже прославленному к XIII в. в лике святых киево-печерскому безмездному врачувателю. По наиболее вероятному предположению, Агапит был настоятелем Зимненского

Святогорского монастыря (также известного как Печерский), расположенного недалеко от Владимира Волынского. Мы предполагаем, что игумен Агапит, носивший в монашестве имя знаменитого киево-печерского «безмездного лечьца», сам в качестве врача находился при больном князе Владимире Васильковиче, что отразилось в ряде деталей повествования.

Автор создавал свое повествование для Мстислава Даниловича – младшего на тот момент сына Даниила Галицкого, которому Владимир Василькович в 1288 г. по завещанию передал Волынское княжение в обход прав старшего в роду волынских Мономаховичей – Льва Даниловича. Вероятно, поэтому автор проявлял такой настойчивый интерес к общей судьбе предков Мстислава и Владимира, подчеркивая равное участие Даниила и Василька Романовичей в важнейших событиях первой половины XIII в. В некоторых эпизодах на первый план выводится именно младший брат – Василько Романович. И при этом не всегда есть основания для признания их тенденциозными вставками. Автор также настойчиво акцентировал добродетель «братолюбия» как в основных сюжетах, так и в характеристиках героев.

ЛвМ в редакции *Хл* мы определяем как повествование, сюжет которого строится на меморатной основе. В этом отношении она представляет собой уникальный пример среди памятников старшего летописания, поскольку такой тип исторического повествования в русской литературе начинает четко проявляться в условиях демократизации летописания только к XVII веку.⁵³⁷ Если в раннем летописании можно наблюдать довольно ограниченное проникновение такого способа обработки исторического факта (таков, к примеру, известный по «третьей» редакции ПВЛ рассказ летописца о северных народах под 1096 г.), то здесь меморатный принцип положен в основу повествования. Он проявился как во временной структуре *ЛвМ*, так и в самих способах цитирования автором сведений протографов. При

⁵³⁷ Дергачева-Скоп Е. И. Сибирские летописи в исторической прозе XVII века: текст-контекст. С. 5.

составлении памятника, безусловно, было использовано множество как письменных (в том числе и летописей, состоящих из традиционных погодных статей), так и устных источников – воспоминаний участников событий и, вероятно, самого князя Владимира Васильковича, к которому был близок автор *ЛвМ*. Однако исторический материал был осознанно организован автором в соответствии с избранным им форматом повествования.

Заключение

Со времени введения в научный оборот двух основных списков южнорусского летописного свода конца XIII в. в науке XIX–XXI вв. господствовало представление о его третьей, галицко-волынской, части как об официальном летописном своде. Формирование её текста представлялось итогом деятельности сменявших друг друга в течение века центров летописания Галицкой и Волынской земель. В работах разных исследователей (М. С. Грушевский, Л. В. Черепнин, В. Т. Пашуто, А. И. Генсёрский, П. П. Толочко и др.) памятник был проанализирован как компиляция материала, разнородного по своему происхождению, и создававшаяся в ходе долгого процесса постоянного пополнения и редактирования разнообразных официальных княжеских сводов.

Формированию такой установки и её устойчивости во многом способствовала опора исследователей XIX – начала XX в., занимавшихся текстологическим изучением южнорусского свода и подготовкой его первых изданий, на старейший список свода – *Ип* (XV в.). Действительно, его редактор стремился придать третьей части свода внешний формат официального летописца о княжениях, что отразилось в рубрицировании текста *ЛвМ*: разбивке повествования на погодные статьи, внесении киноварных заголовков, акцентировании великокняжеского титула некоторых князей из рода волинских Мономаховичей и т. д. Так составитель *Ип* в XV в. попытался сгладить уже не воспринимаемую им специфику *ЛвМ*, которая, однако, была сохранена в списке *Хл*. Переписчик последнего, как правило, очень точно передавал особенности протооригинала, даже в тех случаях, когда очевидны нарушения последовательности рассказа. Поэтому в основу нашего исследования положена именно редакция *Хл*, сохранившая и оригинальную структуру текста в целом, и множество исправных и

восходящих к архетипу чтений, в ряде случаев, как показал их текстологический анализ, проясняющих интенции автора. Именно обращение к структурным особенностям текста по *Хл* позволило выявить авторскую телеологию *ЛвМ* и описать жанровую специфику памятника как исторического повествования не летописного, а меморатного типа. В ходе анализа *ЛвМ* по списку *Хл* предложена иная, отличная от традиционно разрабатывавшейся в науке, модель его формирования: памятник последовательно рассмотрен как повествование, структурируемое автором на отличной от летописания меморатной основе.

Говоря о структуре сюжетики сложного исторического повествования, мы имеем в виду именно авторские способы структурирования его сюжета как многокомпонентного единства. Так, автор *ЛвМ* обращается к традиционным повествовательным форматам (легендарно-эпические, панегирические топосы), сложившимся ещё в раннем летописании, которые в его интерпретации исторической памяти становятся сугубо индивидуальными. Так, воплощение топоса, который мы определили как «начало истории», в *ЛвМ* не связывается с традиционной для раннего летописания топонимической или этнографической легендой. Автор обращается к фольклорной исторической памяти (возможно, и опираясь на элементы стиля устного эпоса, в частности, уже сложившихся к этому времени преданий о Романе Мстиславиче), создавая героизированные образы предков волынской ветви Мономаховичей. Эпическая стилизация в экспозиции к основному повествованию *ЛвМ* становится приёмом, направленным на соответствующее восприятие деяний предков княжеского рода. Отличие *ЛвМ* от старшего летописания проявилось и в расширении формата рассказов о строительной деятельности князей. Анализ топики летописных панегириков и соматопсихограмм, выявил их соотнесённость по своим основным позициям с остальным повествованием, что позволяет считать их именно авторским средством, придающим концептуальную целостность *ЛвМ* как единому тексту. Особенно это касается пространного

панегирика князю Владимиру Васильковичу. Выявление способов реализации в нем традиционных топосов в перспективе авторской телеологии, а также особенностей авторского цитирования источника панегирической топики святым-равноапостольным «Слова о Законе и Благодати» – позволило описать концептуальный уровень повествования. Он связан с актуальной у волынских Мономаховичей в XIII в. идеей *translatio imperii* – преемства Владимиро-Волынским княжеством духовного и культурного наследия древнего Киева.

С другой стороны – автор *ЛвМ* строит свое повествование на меморатной, «воспоминательной» основе, опираясь на «обыденное» восприятие времени. В этом состоит главное отличие *ЛвМ* от традиционного официального летописания: интонация устного, произносимого рассказа отличает памятник от характерного для летописи изложения «по ряду» лет. Крупные текстовые блоки, развивающие разные сюжеты биографий героев, организуются в целостное повествование в том числе и за счет единой интонации автора-рассказчика от первого лица.

Изучение памятника в предложенном в диссертации аспекте позволило впервые сформулировать проблемы авторского осмысления жанра сложного исторического сочинения. Вопросы своеобразия памятника, в том числе воздействия переводной хронографической литературы (Хроника Иоанна Малалы, История иудейской войны и т.д.) на стилистику *ЛвМ* получали разрешение преимущественно в рамках установления конкретных источников этого воздействия, вне связи с авторской телеологией и жанровым своеобразием сочинения. Анализ позиции автора *ЛвМ* в более широком историко-литературном контексте позволил сделать вывод о его ориентации на наследие Евсевия Кесарийского – основателя классической хронографии, положившего начало жанрам «хроники» и «истории». Проведенный анализ возможных источников познания автора о трудах Евсевия приводит к заключению, что его представления о роли основателя христианской хронистики не ограничивались только лишь вторичными

сведениями «Хроники» Иоанна Малалы, и значительно глубже, чем принято считать в исследовательской литературе, отразились на жанровых особенностях *ЛвМ*. Построение повествования дает основания для предположения, что автор имел представление о специфике жанра «истории», как он определялся на Западе в Средние века, а также и в более позднее время в традиции древнерусских Азбуковников. Знание автором «Хроники» Евсевия, состоящей из повествовательной части и «Канонов» – хронологической таблицы, могло оказать влияние на замысел его сочинения («Гронографу же ноужа есть писати все и вся бывшаа. <...> число же летом зде не писахом, в задняя впишем») ⁵³⁸. Ставшее возможным с привлечением кодикологических данных *Хл* восстановление контекстных связей в протооригинале *ЛвМ* как сборнике, содержащем в своем составе редкую разновидность книги Есфирь, подтверждает писательское самоощущение автора как историка-хронографа.

В *ЛвМ*, принадлежащей духовному лицу и современнику татарского пленения Руси, в отличие от других произведений «литературы трагического века» (Д. С. Лихачев), практически не нашла отражения та эсхатологическая и нравоучительная тенденция в осмыслении событий XIII в., которая распространилась в учительной (Серапион Владимирский) и исторической литературе (летописные повести о «Калецком побоище» в редакции *Лавр* и *Н I*, Цикл повестей о Батыевом нашествии в *Лавр*). Это особенно важно в плане установления авторства *ЛвМ*, поскольку либо автором её большей части, либо заказчиком традиционно считается митрополит Кирилл II. Для митрополита и связанной с ним школы книжников было характерно, прежде всего, активное обращение к цитированию литературы эсхатологического характера в духе «теории казней Божиих». Выразительные отличия в осмыслении событий татарского пленения в *ЛвМ*, наблюдаемые, в частности, на примере способов обработки одного из ее литературных протографов –

⁵³⁸ К сожалению, окончание *ЛвМ* как в *Ин*, так и в *Хл*, отразило уже дефектное состояние рукописи их общего протографа.

Повести о битве на Калке в сравнении с её другими древнейшими редакциями в *Лавр* и *Н 1*, позволяют говорить о независимости автора *ЛвМ* от позиции круга книжников, связанных с Кириллом.

Своеобразие временной структуры *ЛвМ* в редакции *Хл* – наиболее заметная особенность формы как мемората и истории авторского типа. Обыденное, а не заданное сеткой дат от Сотворения мира восприятие времени становится основой её повествовательной конструкции. Деяния предков волынских князей – Романа Мстиславича и Владимира Мономаха – в экспозиции к *ЛвМ* локализуются автором в «эпическом» времени, исчисляемом не хронологически, а путем апелляции к родовой памяти. Времена жизни следующего поколения княжеского семейства в изложении автора предстают как «те лета», «лета Даниила и Василька Романович». Автор использует здесь неопределенные формулы для обозначения временных интервалов («долгу времени минувшу», «малу времени минувшу», «в та же лета или прежде, или потом» и т. д). И только в изложении последних четырех лет болезни Владимира Васильковича временная структура заметно уплотняется, в повествовании появляются указания на число прошедших между отдельными эпизодами недель и даже дней. Привлечение особенностей *ЛвМ* в редакции *Хл* указывает направления для поиска авторской личности и установления времени работы над сочинением. Ряд деталей повествования – пристальное внимание автора к здоровью князя Владимира и осведомленность в его делах позволяет высказать предположение об исторической личности автора. Мы отождествили его личность с «печерским игуменом» Агапитом, упоминаемым в эпизоде погребения Владимира Васильковича. Скорее всего, игумен Агапит, тезоименный прославленному в лике святых киево-печерскому безмездному лечьцу, был врачом при страдавшем от тяжелой болезни владимиристо-волынском князе. Мы предполагаем, что он мог быть настоятелем одного из древнейших православных монастырей на Руси – волынского Зимненского Святогорского (Печерского) монастыря.

В дальнейшей перспективе интересным представляется дальнейший скрупулёзный анализ чтений *Хл* во всех его отличиях от *Ин*, в том числе с обращением к кодикологическим особенностям рукописей обоих списков.

В качестве важного направления, объединяющего проблемы историко-литературного, книговедческого, палеографического и текстологического характера, можно указать на изучение книжных центров Волынской земли, в частности волынского Зимненского Печерского монастыря. Эта обитель поддерживала длительные связи с Киево-Печерской Лаврой и могла сыграть определенную роль в трансляции культурного и книжного наследия Киевской Руси, в том числе и благодаря деятельности князя Владимира Васильковича, активно занимавшегося копированием и распространением книг.

Выполненное исследование может позволить наметить подходы к изучению и историко-литературному осмыслению того особого типа литературы, к которому мы отнесли *ЛвМ* и который фрагментарно сохранился в литературе XIII в. (например, «Слово о погибели Русской земли»). Он был напрямую связан с родовой исторической памятью различных княжеских семейств Руси и существовал в русской литературе наряду с централизованным летописанием. Применённые в диссертации методы анализа повествований подобного типа могут способствовать выявлению их контекстных связей, постановке вопросов их жанровой специфики и авторства, что может дать основания для уточнения некоторых аспектов динамической истории русского летописания.

Список источников

1. Библия 1499 года и Библия в синодальном переводе с иллюстрациями. В 10 т. Книги Священного Писания Ветхого и Нового Завета. Т. 7. Господа нашего Иисуса Христа Святое Евангелие от Матфея, Марка, Луки, Иоанна. – Москва : Изд. отд. Московского Патриархата, 1992. – 399 с.
2. Галицко-Волынская летопись. Текст. Комментарий. Исследование / сост.: Н. Ф. Котляр, В. Ю. Франчук, А. Г. Плахонин ; под ред. Н. Ф. Котляра. – Санкт-Петербург : Алетейя, 2005. – 424 с. – (Серия «Славянская библиотека»).
3. Галицко-Волынская летопись / подгот. текста, пер. и коммент. О. П. Лихачевой // ПЛДР: XIII в. – Москва : Художественная литература, 1981. – С. 236–425.
4. *Григорий Турский*. История франков / Григорий Турский. – Москва : Наука, 1987. – 464 с. – (Литературные памятники).
5. *Длугош, Я.* Польская история / Я. Длугош // Древняя Русь в «Польской истории» Яна Длугоша (книги I–VI) : текст, пер., коммент. / Н. И. Щавелева. – Москва : Изд-во «Памятники исторической мысли», 2004. – С. 213–364. – (Древнейшие источники по истории Восточной Европы).
6. *Евсевий Памфил*. Церковная история / Евсевий Памфил. Санкт-Петербург : Амфора, 2005. 491 с.
7. Изборник Великого князя Святослава Ярославича 1073 года. Фототип. изд. – Санкт-Петербург: иждивением Т. С. Морозова, 1880. – X, 266 л., 43. (Общество любителей древней письменности. Издания; 55).
8. Летописец Еллинский и Римский. Т. 1. Текст / вступ. ст., археогр. обзор и крит. аппарат подгот. О. В. Твороговым. – Санкт-Петербург : Дмитрий Буланин, 1999. – 512 с.

9. Летописец Переяславля-Суздальского, составленный в начале XIII века (между 1214 и 1219). – Москва : Унив. тип., 1851. – 113 с.
10. Летопись по Ипатскому списку / Изд. Археогр. комис. – Санкт-Петербург : Печатня В. Головина, 1871. – 699 с.
11. Літопис руський / пер. з давньорус. Л. Є. Махновця. – Київ : Дніпро, 1989. – XVI+591 с. – (Давньоруські та давні українські літописи)
12. Определения Владимирского собора, изложенные в грамоте митрополита Кирилла II // Русская историческая библиотека, издаваемая Археографической комиссией. – Санкт-Петербург : Тип. Имп. акад. наук, 1880. – Т. 6: Памятники древнерусского канонического права. – Стб. 83–102.
13. Продолжатель Феофана. Жизнеописания византийских царей / изд. подгот. Я. Н. Любарский. – Санкт-Петербург : Алетейя, 2009. – 398 с. (Серия: «Византийская библиотека. Источники»).
14. ПСРЛ. Т. 1. Лаврентьевская летопись. – Москва : Изд-во «Языки славянской культуры», 2001. – 496 с.
15. ПСРЛ. Т. 2. Ипатьевская летопись. – Москва : Изд-во «Языки славянской культуры», 1998. – 648 с.
16. ПСРЛ. Т. 3. Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. – Москва ; Ленинград : Изд-во АН СССР, 1950. – 568 с.
17. ПСРЛ. Т. 7. Летопись по Воскресенскому списку. – Москва : Изд-во «Языки русской культуры», 2001. – 306 с.
18. ПСРЛ. Т. 19. История о Казанском царстве (Казанский летописец). – Санкт-Петербург : Типография И. Н. Скороходова, 1903. – 546 с.
19. ПСРЛ. Т. 40. Густынская летопись. – Санкт-Петербург : Дмитрий Буланин, 2003. – 202 с.
20. Русские повести XV–XVI веков / сост. М. О. Скрипиль. – Москва ; Ленинград : Гослитиздат, 1958. – 488 с.

21. *Татищев, В. Н.* Собрание сочинений. В 8 т. Т. 2, 3. История Российская, ч. 2 / *В. Н. Татищев.* – Репр. с изд. 1963, 1964 гг. – Москва : Ладомир, 1994. – 688 с.
22. «Хроника» Иоанна Малалы в славянском переводе / Репр. изд. материалов В. М. Истрина, подгот. М. И. Чернышевой. – Москва : Джон Уайли энд Санз, 1994. – 473 с.
23. *Ioannis Malalae Chronographia / ex rec. L. Dindorfii.* – Bonn : Impensis Ed. Weberi, 1831. – 799 p. – (Corpus Scriptorum Historiae Byzantinae).
24. *Migne, J.-P.* Patrologiae cursus completus. Series Graeca. Vol. 92. *Chronicon Paschale / J.-P. Migne.* – Paris, 1865. – Col. 9–1160.
25. *The Old Rus' Kievan and Galician-Volhynian Chronicles: The Ostroz'kyj (Xlebnikov) and Cetvertyns'kyj (Pogodin) Codices.* – Cambridge, Massachussets : Harvard University Press, 1990. – 761 p. – (Harvard Library of Early Ukrainian Literature. Texts. Vol. 8).

Список использованной литературы

1. *Аверинцев, С. С.* Плутарх и античная биография. К вопросу о месте классика в истории жанра / С. С. Аверинцев. – Москва : Наука, 1973. – 278 с.
2. *Аверинцев, С. С.* Риторика и истоки европейской литературной традиции / С. С. Аверинцев. – Москва : Шк. «Языки русской культуры», 1996. – 447 с.
3. *Адрианова-Перетц, В. П.* Очерки поэтического стиля Древней Руси / В. П. Адрианова-Перетц. – Москва ; Ленинград : Изд-во АН СССР, 1947. – 188 с.
4. *Алексеев, А. А.* Русско-еврейские литературные связи до 15 века / А. А. Алексеев // *Jews and Slavs*. – Jerusalem ; St. Petersburg, 1993. – Vol. 1. – P. 44–75.
5. *Аристов, В. Ю.* Коли і як виник «Галицько-Волинський літопис»? / В. Ю. Аристов // *Ruthenica*. – 2012. – Т. 11. – С. 172–175.
6. *Аристов, В. Ю.* Свод, сборник или хроника? (О характере древнерусских летописных памятников XI–XIII вв.) / В. Ю. Аристов // *Studia Slavica et Balcanica Petropolitana* = Петербургские славянские и балканские исследования. – 2013. – № 1. – С. 105–129.
7. *Бегунов, Ю. К.* Памятник русской литературы XIII века «Слово о погибели Русской земли» / Ю. К. Бегунов. – Москва ; Ленинград : Наука, 1965. – 232 с.
8. *Бережков, Н. Г.* Хронология русского летописания / Н. Г. Бережков. – Москва : Изд-во АН СССР, 1963. – 376 с.
9. *Бестужев-Рюмин, К. Н.* О составе русских летописей до конца XIV в. / К. Н. Бестужев-Рюмин. – Санкт-Петербург : Тип. А. Траншеля, 1868. – VI, 158, 378 с.

10. *Бибиков, М. В.* Византийский прототип древнейшей славянской книги (Изборник Святослава 1073 г.) / М. В. Бибиков. – Москва : Изд-во «Памятники исторической мысли», 1996. – 403 с.
11. *Болотов, В. В.* Лекции по истории древней церкви. Т. 1 / В. В. Болотов. – Санкт-Петербург : Тип. М. Меркушева, 1907. – IX, 238 с.
12. *Бородихин, А. Ю.* Хроника событий и календарь: об особенностях исторического повествования в древнерусских летописях / А. Ю. Бородихин // Гео-Сибирь. – 2009. – Т. 6. – С. 91–96.
13. *Бородихин, А. Ю.* Цикл повестей о нашествии Батыя в летописных и летописно-хронографических сводах XIV–XVII вв. : дис. ... канд. филол. наук: 10.01.01 / Бородихин Андрей Юрьевич. – Новосибирск, 1989. – 221 с.
14. *Буланин, Д. М.* Античные традиции в древнерусской литературе XI–XVI вв. / Д. М. Буланин. – München : Verlag Otto Sagner, 1991. – 465 с.
15. *Вайнштейн, О. Л.* Западноевропейская средневековая историография / О. Л. Вайнштейн. – Москва ; Ленинград : Наука, 1964. – 482 с.
16. *Вальденберг, В. Е.* Древнерусские учения о пределах царской власти: очерки русской политической литературы от Владимира Святого до конца XVII века / В. Е. Вальденберг. – Москва : Изд. дом «Территория будущего», 2006. – 365 с.
17. *Васильев, В. К.* Сюжетная типология русской литературы XI–XX веков. (Архетипы русской культуры) : учеб. пособие. Ч. 1 / В. К. Васильев. – Красноярск : Краснояр. гос. ун-т., 2005. – 243 с.
18. *Васильев, В. К.* Сюжетная типология жанра жития в русской литературе XI–XVI вв. : автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.01.01 / Васильев Владимир Кириллович. – Томск, 2008. – 26 с.
19. *Вілкул, Т. Л.* Біблія у Галицько-Волинському літописі / Т. Л. Вілкул // Княжа доба: історія і культура. – Львів, 2014. – Вип. 8. – С. 227–240.

20. *Вилкул, Т. Л.* Иудейский и Софийский хронографы в истории древнерусской хронографии / Т. Л. Вилкул // *Palaeoslavica*. – 2009. – Vol. 17, № 2. – P. 69–86.
21. *Виноградов, В. В.* О языке художественной литературы / В. В. Виноградов. – Москва : Гослитиздат, 1959. – 456 с.
22. *Войтович, Л. В.* До волинського літописання / Л. В. Войтович // Дрогобицький краєзнавчий збірник. – Дрогобич : Коло, 2004. – Вип. 8. – С. 71–76.
23. *Войтович, Л. В.* Княжа доба на Русі : портрети еліти / Л. В. Войтович. – Біла Церква : Видавець Олександр Пшонківський, 2006. – 782 с.
24. *Гене Б.* История и историческая культура средневекового Запада / Б. Гене. – Москва : Изд-во «Языки славянской культуры», 2002. – 496 с. – (Studia Historica).
25. *Генсьорський, А. І.* Галицько-Волинський літопис (Процес складання, редакції і редактори) / А. І. Генсьорський. – Київ : Видавництво Академії Наук Української РСР, 1958. – 101 с.
26. *Гимон, Т. В.* Русское летописание в свете типологических параллелей (к постановке проблемы) // Жанры и формы в письменной культуре Средневековья / Т. В. Гимон, А. А. Гиппиус. – Москва : ИМЛИ РАН, 2005. – С. 174–200.
27. *Горовенко, А. В.* Меч Романа Галицкого. Князь Роман Мстиславич в истории, эпосе и легендах / А. В. Горовенко. – Санкт-Петербург : Дмитрий Буланин, 2011. – 480 с.
28. *Горский, А. В.* Описание славянских рукописей Московской Синодальной библиотеки. Отд. 1. Священное Писание / А. В. Горский, К. И. Невоструев. – Москва : Синодальная типография, 1855. – 357 с.
29. *Греченко-Журавська, В. М.* Хлебниковський список Іпатіївського літопису «Повісті временних літ» у порівнянні з давньоруським протографом (південнословянські та староукраїнські нашарування) :

- автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01 / Греченко-Журавская Виктория Михайловна. – Днепропетровск, 1996. – 25 с.
30. *Григорьев, И. Ф.* Пророчества Исаии о Мессии и Его царстве / И. Ф. Григорьев. – Казань : Типо-лит. Имп. ун-та, 1901. – 332 с.
31. *Грушевський, М. С.* История України-Руси. Т. 3 / М. С. Грушевський. – Львів, 1905. – 588 с.
32. *Грушевський, М. С.* Історія української літератури: В 6 т. 9 кн. Т. 3 / М. С. Грушевський ; упоряд. В. В. Яременко ; приміт. С. К. Росовецького. – Київ : Либідь, 1993. – 285 с.
33. *Грушевський, М. С.* Хронологія подій Галицько-Волинської літописі / М. С. Грушевський // ЗНТШ. – 1901. – Т. 41. – С. 1–72.
34. *Данилевский, И. Н.* Повесть временных лет: герменевтические основы изучения летописных текстов / И. Н. Данилевский. – Москва : Аспект-Пресс, 2004. – 370 с.
35. *Данилов, В. В.* «Слово о погибели Рускыя земли» как произведение художественное / В. В. Данилов // ТОДРЛ. – Москва ; Ленинград : Изд-во АН СССР, 1960. – Т. 16. – С. 132–142.
36. *Дашкевич, Я. Р.* Древняя Русь и Армения в общественно-политических связях XI–XIII вв. (Источники исследования темы) / Я. Р. Дашкевич // Древнейшие государства на территории СССР. Материалы и исследования, 1982. – Москва : Наука, 1984. – С. 177–195.
37. *Дергачева-Скоп, Е. И.* Древнерусский четый сборник как жанровая система (канон и творческие модификации) / Е. И. Дергачева-Скоп // Письменное наследие и информационные технологии. ЕІ'MANUSCRIPT-2015. Международная научная Школа (Новосибирск, Академгородок, 10–28 ноября 2015 г.): Материалы. – Новосибирск, 2015. – С. 61–63.
38. *Дергачева-Скоп, Е. И.* Заметки о жанре «Истории Сибирской» С. У. Ремезова. Статья 1 / Е. И. Дергачева-Скоп // Вопросы русской и советской литературы Сибири. (Материалы к «Истории русской

- литературы Сибири»). – Новосибирск : Наука, Сиб. отд-ние, 1971. – С. 48–70.
39. *Дергачева-Скоп, Е. И.* Заметки о жанре «Истории Сибирской» С. У. Ремезова. Статья 2 / Е. И. Дергачева-Скоп // Проблемы литературы Сибири XVII–XX вв. (Материалы к «Истории русской литературы Сибири»). – Новосибирск : Наука, Сиб. отд-ние, 1974. – С. 5–23.
40. *Дергачева-Скоп, Е. И.* Из истории литературы Урала и Сибири XVII в. / Е. И. Дергачева-Скоп. – Свердловск : Средне-Уральское книжное издательство, 1965. – 152 с.
41. *Дергачева-Скоп, Е. И.* «История Сибирская» (Повествовательное пространство и повествовательная достоверность) / Е. И. Дергачева-Скоп, В. Н. Алексеев // Τέχνη γραμματικῆ (Искусство грамматики). – Новосибирск : Изд-во Новосиб. гос. ун-та, 2004. – Вып. 1. – С. 67–84.
42. *Дергачева-Скоп, Е. И.* К проблеме поведения текста в контексте: древнерусская повесть в летописных сводах и летописно-хронографических компиляциях / Е. И. Дергачева-Скоп // Гуманитарные исследования: итоги последних лет : Сб. тез. науч. конф., посвящ. 35-летию ГФ НГУ. – Новосибирск: НИИ МИОО НГУ, 1997. – С. 158–160.
43. *Дергачева-Скоп, Е. И.* Сибирские летописи в исторической прозе XVII века: текст-контекст / Е. И. Дергачева-Скоп // Вестник НГУ. Серия: История, филология, 2002. – Т. 1, вып. 1. – С. 3–12.
44. *Дергачева-Скоп, Е. И.* Сибирское летописание в общерусском литературном контексте конца XVI – середины XVIII вв. : дис. в форме науч. докл. ... д-ра филол. наук: 10.01.01 / Дергачева-Скоп Елена Ивановна. – Екатеринбург, 2000. – 50 с.
45. *Дибелиус, В.* Морфология романа // Проблемы литературной формы. – Ленинград : Academia, 1928. – С. 105–135.
46. *Дмитриев, Л. А.* Откровение Мефодия Патарского / Л. А. Дмитриев // Словарь книжников и книжности Древней Руси. – Ленинград : Наука, 1987. – Вып. 1 : XI – первая половина XIV в. – С. 283–284.

47. *Домбровский, Д.* Генеалогия Мстиславичей: первые поколения (до начала XIV в.) / Д. Домбровский ; пер. и вступ. слово к рус. изд. К. Ю. Ерусалимского, О. А. Остапчук. – Санкт-Петербург : Дмитрий Буланин, 2015. – 880 с.
48. Древность Почаевской обители // Волынские епархиальные ведомости. – 1867. – № 2 (16 сент.). – С. 25–32.
49. *Еремин, И. П.* Волынская летопись 1289–1290 гг. / И. П. Еремин // ТОДРЛ. – Москва ; Ленинград : Изд-во АН СССР, 1957. – Т. 13. – С. 102–117.
50. *Еремин, И. П.* Киевская летопись как памятник литературы / И. П. Еремин // ТОДРЛ. – Москва ; Ленинград : Изд-во АН СССР, 1949. – Т. 7. – С. 67–97.
51. *Еремин, И. П.* Литературное наследие Кирилла Туровского / И. П. Еремин // ТОДРЛ. – Москва ; Ленинград : Изд-во АН СССР, 1958. – Т. 15. – С. 331–348.
52. *Еремин, И. П.* «Повесть временных лет» как памятник литературы // Литература Древней Руси (этюды и характеристики) / И. П. Еремин. – Москва ; Ленинград : Наука, 1966. – С. 42–97.
53. *Ермоленко, С. М.* Апокрифическое сказание «О лестнице, юже виде Иаков» в составе Толковой Палеи: система риторических приемов, жанровые характеристики / С. М. Ермоленко // Вестник НГУ. Серия: История, филология. – 2012. – Т. 11, вып. 12. – С. 145–154.
54. *Жданов, И. Н.* Русский былевой эпос. Исследования и материалы. I–V / И. Н. Жданов. – Санкт-Петербург : Издание Л. Ф. Пантелеева, 1895. – XII, 631 с.
55. *Журова, Л. И.* «Повесть о Луке Колочском» в рукописной традиции XVI в. / Л. И. Журова // Книга и литература : Сб. науч. ст. – Новосибирск : ГПНТБ СО РАН, 1997. – С. 79–90.

56. *Зотов, Р. В.* О черниговских князьях по Любецкому синодику и о Черниговском княжестве в татарское время / Р. В. Зотов. – Санкт-Петербург : Типография братьев Пантелеевых, 1892. – 328, 48 с.
57. *Зубрицкий, Д. И.* История древнего Галичско-Русского княжества. Ч. 3 / Д. И. Зубрицкий. – Львов: тип. Института Ставропигианского, 1855. – 314 с.
58. *Иконников, В. С.* Опыт русской историографии. В 2 т., 4 кн. Т. 2. кн. 1 / В. С. Иконников. Репр. изд. 1891–1908 гг. – Санкт-Петербург : Альфарет, 2007. – 1120 с.
59. Истоки русской беллетристики. Возникновение жанров сюжетного повествования в древнерусской литературе. – Ленинград : Наука, 1970. – 596 с.
60. *Истрин, В. М.* Александрия русских хронографов. Исследование и текст / В. М. Истрин. – Москва : Унив. тип., 1893. – VIII, 362, II, 356 с.
61. *Истрин, В. М.* К вопросу о взаимоотношении Еллинских летописцев и Архивного (Иудейского) хронографа / В. М. Истрин // ИОРЯС. – 1912. – Т. 16, кн. 4. – С. 125–142.
62. *Истрин, В. М.* Хроника Георгия Амартола в древнем славянорусском переводе. Текст, исследование и словарь. Том 1. Текст / В. М. Истрин. – Петроград : Рос. госуд. академ. тип., 1920. – 612 с.
63. *Каждан, А. П.* История византийской литературы (850–1000 гг.). Эпоха византийского энциклопедизма / А. П. Каждан. – Санкт-Петербург : Алетейя, 2012. – 376 с. – (Серия «Византийская библиотека. Исследования»).
64. *Каманин, И. М.* Судьба грамоты кн. Романа Галицкого / И. М. Каманин // Чтения в историческом обществе Нестора Летописца. – Киев : Типо-литография Т. Г. Мейнандера, 1906. – Кн. 19, вып. 1–4. – С. 71–80.
65. *Карамзин, Н. М.* История государства Российского в 12-ти томах. Т. 2–3 / Н. М. Карамзин. – Москва : Наука, 1991. – 832 с.

66. *Клеванов, А.* История Юго-Западной Руси от ее начала до половины XIV в. / А. С. Клеванов. – Москва : Типография Александра Семена, 1849. – 232 с.
67. *Ключевский, В. О.* Древнерусские жития святых как исторический источник / В. О. Ключевский. – Москва : Наука, 1988. – 512 с.
68. *Князьков, Ю. П.* Украинский хронограф как источник по отечественной истории : дис. ... канд. ист. наук: 07.00.09 / Князьков Юрий Петрович. – Днепропетровск, 1984. – 238 с.
69. *Комендова, Й.* Жанр Галицко-Волынской летописи в типологической перспективе / Й. Комендова // Письменность Галицко-Волынского княжества: историко-филологические исследования. – Olomouc : Univerzita Palackého v Olomouci, 2016. – С. 79–88.
70. *Конявская, Е. Л.* Проблема общих мест в древнеславянских литературах (на материале агиографии) / Е. Л. Конявская // Ruthenica. – 2004. – Т. 3. – С. 80–92.
71. *Костомаров, Н. И.* Лекции по русской истории. Ч. 1. Источники русской истории / Н. И. Костомаров. – Санкт-Петербург : Типография В. Безобразова и Комп., 1861. – 100 с.
72. *Котляр Н. Ф.* Галицко-Волынская летопись (источники, структура, жанровые и идейные особенности) / Н. Ф. Котляр // Древнейшие государства Восточной Европы: Материалы и исследования. 1995 г. – Москва : Наука, 1997. – С. 80–165.
73. *Котляр, Н. Ф.* Київський літопис XII століття. Історичне дослідження / Н. Ф. Котляр. – Київ : Інститут історії України НАН України, 2009. – 316 с.
74. *Котляр, Н. Ф.* Композиция, источники, жанровые и идейные характеристики Галицко-Волынской летописи / Н. Ф. Котляр // Галицко-Волынская летопись. Текст. Комментарий. Исследование. – Санкт-Петербург : Алетейя, 2005. – С. 30–60. – (Серия «Славянская библиотека»).

75. *Котляр, Н. Ф.* О возможной природе нетрадиционности структуры и формы Галицко-Волынской летописи / Н. Ф. Котляр // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. – 2006. – № 2 (24). – С. 36–54.
76. *Котляр, Н. Ф.* Структура і жанр Галицько-Волинського літопису / Н. Ф. Котляр // Ruthenica. – 2004. – Т. 3. – С. 135–149.
77. *Котляр Н. Ф.* Устные источники Галицко-Волынской летописи / Н. Ф. Котляр // ТОДРЛ. – Санкт-Петербург : Дмитрий Буланин, 2006. – Т. 57. – С. 103–111.
78. Краткие сведения о монастырях Волынской епархии в настоящее время несуществующих // Волынские епархиальные ведомости. – 1867. – № 3 (1 окт.). – С. 49–58.
79. *Крашенинникова, Н. Н.* Агапит Киево-Печерский / Н. Н. Крашенинникова // Православная энциклопедия. – Москва : Церковно-научный центр «Православная энциклопедия», 2000. Т. 1 : А – Алексей Студит. – С. 230.
80. *Кузенков, П. В.* Христианские хронологические системы. История летосчисления в святоотеческой и христианской традиции / П. В. Кузенков. – Москва : Русский изд. центр им. святого Василия Великого, 2014. – 992 с.
81. *Кучкин, В. А.* Фрагменты Ипатьевской летописи в Киево-Печерском патерике Иосифа Тризны / В. А. Кучкин // ТОДРЛ. – Ленинград : Наука, 1969. – Т. 24 : Литература и общественная мысль Древней Руси. – С. 196–198.
82. *Лимонов, Ю. А.* Культурные связи России с европейскими странами в XV–XVII вв. / Ю. А. Лимонов. – Ленинград : Наука, 1978. – 272 с.
83. *Лимонов, Ю. А.* Летописание Владимиро-Суздальской Руси / Ю. А. Лимонов. – Ленинград : Наука, 1967. – 204 с.
84. *Лихачев, Д. С.* Галицкая литературная традиция в Житии Александра Невского / Д. С. Лихачев // ТОДРЛ. – Москва ; Ленинград : Изд-во АН СССР, 1947. – Т. 5. – С. 36–56.

85. *Лихачев, Д. С.* Русские летописи и их культурно-историческое значение / Д. С. Лихачев. – Москва ; Ленинград : Изд-во АН СССР, 1947.– 499 с.
86. *Лихачева, О. П.* Летопись Ипатьевская // Словарь книжников и книжности Древней Руси / О. П. Лихачева. – Ленинград : Наука, 1987. Вып. 1 : XI – первая половина XIV в. – С. 231–241.
87. *Лурье, Я. С.* К изучению летописного жанра / Я. С. Лурье // ТОДРЛ. – Ленинград : Наука, 1972. – Т. 27 : История жанров в русской литературе X–XVII вв. – С. 76–93.
88. *Любарский, Я. Н.* Герои «Хронографии» Иоанна Малалы // Византийские историки и писатели / Я. Н. Любарский. – Санкт-Петербург : Алетейя, 2012. – С. 21–30. – (Серия «Византийская библиотека. Исследования»).
89. *Любарский, Я. Н.* О жанровой и композиционной специфике «Хронографии» Михаила Пселла / Я. Н. Любарский // Византийский временник. – Москва : Наука, 1971, – Т. 31. – С. 23–37.
90. *Майоров, А. В.* Русь, Византия, Западная Европа. Из истории внешнеполитических и культурных связей XII–XIII вв. / А. В. Майоров. – Санкт-Петербург : Дмитрий Буланин, 2011. – 800 с. – (STUDIORUM SLAVICORUM ORBIS. Вып.1).
91. *Майоров, А. В.* Царский титул Галицко-Волынского князя Романа Мстиславича и его потомков / А. В. Майоров // *Studia Slavica et Balcanica Petropolitana* = Петербургские славянские и балканские исследования. – 2009. – № 1–2. – С. 250–261.
92. *Майоров, А. В.* «Cum quodam rege Ruscie singulariter in prelio dimicans...» был ли Даниил Галицкий участником битвы на Лейте? / А. В. Майоров // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. – 2016. – № 4 (66). – С. 35–51.
93. *Махновець, Л. Є.* Від перекладача // Літопис руський / Л. Є. Махновець. – Київ : Дніпро, 1989. – С. I–XIV.
94. *Мельникова, Е. А.* Историческая память в устной и письменной традициях (Повесть временных лет и «Сага об Инглингах») /

- Е. А. Мельникова // Древнейшие государства Восточной Европы, 2001 год. Историческая память и формы ее воплощения. – Москва : Изд. фирма «Восточная литература» РАН, 2003. – С. 48–92.
95. Мельничук, В. А. Киевская великокняжеская летопись XII века. Образно-повествовательная структура свода игумена Моисея : автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.01.01 / Мельничук Валентина Александровна. – Екатеринбург, 2013. – 26 с.
96. Мельничук, В. А. Летописание двух ветвей династии Ольговичей в составе Киевского свода XII века: текст и контекст / В. А. Мельничук // Известия Уральского федерального университета. Серия 2. Гуманитарные науки. – 2012. – № 3. – С. 110–179.
97. Мельничук, В. А. Стилистическая инструментовка характеристик смоленских князей Ростиславичей в составе Киевского свода XII века / В. А. Мельничук // Сибирский филологический журнал. – 2013. – № 4. – С. 14–21.
98. Мещерский, Н. А. Древнерусская повесть о взятии Царьграда фрягами в 1204 г. / Н. А. Мещерский // ТОДРЛ. – Москва ; Ленинград : Изд-во АН СССР, 1954. – Т. 10. – С. 120–135.
99. Мещерский, Н. А. Источники и состав древней славяно-русской переводной письменности IX–XV вв. : учеб. пособие / Н. А. Мещерский. – Ленинград : Изд-во Ленинградского университета, 1978. – 111 с.
100. Миллер В. Ф. Взгляд на Слово о полку Игореве / В. Ф. Миллер. – Москва : Тип. Ф. Б. Миллера, 1877. – 261 с.
101. Мильков, М. М. Осмысление истории в Древней Руси / М. М. Мильков. – Санкт-Петербург : Алетейя, 2000. – 384 с.
102. Милютенко, Н. И. Летописец Переяславля Суздальского в летописании Северо-Восточной Руси начала XIII в. : автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.01.01 / Милютенко Надежда Ильинична. – Санкт-Петербург, 1992. – 26 с.

103. *Мургулия, М. П.* Половцы, Грузия, Русь и Венгрия в XII–XIII вв. / М. П. Мургулия, В. П. Шушарин. – Москва : Типография РАН, 1998. – 336 с.
104. *Насонов, А. Н.* История русского летописания XI – начала XVIII века. Очерки и исследования / А. Н. Насонов. – Москва : Наука, 1969. – 556 с.
105. *Орлов, А. С.* К вопросу об Ипатьевской летописи / А. С. Орлов // ИОРЯС. – Ленинград: Изд-во АН СССР, 1926. – Т. 31. – С. 93–126.
106. *Орлов, А. С.* О галицко-волынском летописании / А. С. Орлов // ТОДРЛ. – Москва ; Ленинград : Изд-во АН СССР, 1947. – Т. 5. – С. 15–35.
107. *Орлов, А. С.* Об особенностях формы русских воинских повестей (кончая XVII в.) / А. С. Орлов // ЧОИДР. – 1902, кн. 4. – С. 1–50.
108. Памятники древнего православия в г. Владимире-Волынском / в пользу Свято-Владимирского братства сост. и изд. Е. Н. Дверницкий. – Киев : Тип. Г. Т. Корчак-Новицкого, 1889. – 65 с.
109. *Панова, В. И.* Митрополиты и епископы Руси в XII веке по материалам Ипатьевской летописи / В. И. Панова. – Воронеж : Издательский дом ВГУ, 2016. – 364 с.
110. *Панченко, А. М.* Я эмигрировал в Древнюю Русь. Россия: история и культура. Работы разных лет / А. М. Панченко. – Санкт-Петербург : Журнал «Звезда», 2008. – 544 с.
111. *Панченко, А. М.* Топика и культурная дистанция // Историческая поэтика. Итоги и перспективы изучения / А. М. Панченко. – Москва : Наука, 1986. – С. 236–250.
112. *Панченко, О. В.* Поэтика уподоблений (к вопросу о «типологическом» методе в древнерусской агиографии, эпидейктике и гимнографии) / О. В. Панченко // ТОДРЛ. – Санкт-Петербург : Дмитрий Буланин, 2003. – Т. 54. – С. 491–534.
113. *Пауткин, А. А.* Беседы с летописцем. Поэтика раннего русского летописания / А. А. Пауткин. – Москва : Изд-во МГУ, 2002. – 286 с.

114. *Пауткин, А. А.* Древнерусские летописи XI–XIII вв.: вопросы поэтики : дис. ... д-ра филол. наук: 10.01.01 / Пауткин Алексей Аркадьевич. – Москва, 2003. – 392 с.
115. *Пауткин, А. А.* Южнорусские летописцы и переводная историческая литература / А. А. Пауткин // Герменевтика древнерусской литературы. – Москва : ИМЛИ РАН, «Наследие», 1998. – Сб. 9. – С. 127–134.
116. *Пашуто, В. Т.* Очерки по истории Галицко-Волынской Руси / В. Т. Пашуто. – Москва : Изд-во АН СССР, 1950. – 332 с.
117. *Петрушевич, А. С.* Волынско-Галицкая летопись, составленная с концем XIII века (1205–1292) / А. С. Петрушевич. – Львов : Тип. Ставропигийского заведения, 1871. – 148 с.
118. *Петухов, Е. В.* Серапион Владимирский – русский проповедник XIII века / А. С. Петрушевич. – Санкт-Петербург : Тип. Имп. Акад. наук, 1888. – 282 с.
119. *Подопригора, В. В.* Летопись Волынских Мономаховичей как авторский текст / В. В. Подопригора // Вестник НГУ. Серия: История, филология. – 2014. – Т. 13, вып. 2: Филология. – С. 126–133.
120. *Подопригора, В. В.* О презентации образа Романа Мстиславича в Галицко-Волынской летописи / В. В. Подопригора // Вестник НГУ. Серия: История, филология. – 2012. – Т. 11, вып. 12. – С. 163–167.
121. *Подопригора, В. В.* Топика исторического повествования Летописи Волынских Мономаховичей / В. В. Подопригора // Вестник НГУ. Серия: История, филология. – 2013. – Т. 12, вып. 9. – С. 132–141.
122. *Подопригора, В. В.* Фрагменты книги Есфирь в составе Хлебниковского списка южнорусского летописного сборника конца XIII века / В. В. Подопригора // Вестник НГУ. Серия: История, филология. – 2016. – Т. 15, вып. 9. – С. 184–192.
123. *Попов, А. Н.* Обзор хронографов русской редакции / А. Н. Попов. – Москва : Тип. Лазаревского инст. (А. Мамонтов), 1866. – IV, 288 с.

124. Православные русские обители. Полное иллюстрированное описание всех православных русских монастырей в Российской Империи и на Афоне. Сост. П. П. Сойкин. – Санкт-Петербург : Книгоиздательство П. П. Сойкина, 1910. – 712, VIII с.
125. *Приселков, М. Д.* История русского летописания XI–XV вв. / М. Д. Приселков. – Санкт-Петербург : Дмитрий Буланин, 1996. – 325 с.
126. *Приселков, М. Д.* Летописание Западной Украины и Белоруссии // История русского летописания XI–XV вв. / М. Д. Приселков. – Санкт-Петербург : Дмитрий Буланин, 1996. – С. 283–302.
127. *Ранчин, А. М.* О принципах герменевтического изучения древнерусской словесности / А. М. Ранчин // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. – 2001. – № 2 (4). – С. 69–81.
128. *Розов, Н. Н.* Синодальный список сочинений Илариона – русского писателя XI в. / Н. Н. Розов // *Slavia, časopis pro slovanskou filologii.* – 1963. – Т. 32, 2. – Р. 141–175.
129. *Ролланд, П. А.* Модели повествования в «Повести временных лет» / П. А. Ролланд // ТОДРЛ. – Санкт-Петербург : Наука, 2009. – Т. 60. – С. 259–266.
130. *Романов, В. К.* Статья 1224 г. о битве при Калке в Ипатьевской летописи / В. К. Романов // Летописи и хроники, 1980. В. Н. Татищев и изучение русского летописания. – Москва : Наука, 1981. – С. 79–103.
131. *Руди, Т. Р.* Похвальное слово князю Константину Муромскому (некоторые проблемы исследования) / Т. Р. Руди // ТОДРЛ. Санкт-Петербург : Дмитрий Буланин, 2004. – Т. 56. – С. 301–336.
132. *Руди, Т. Р.* Топика русских житий (вопросы типологии) // Русская агиография: исследования, публикации, полемика / Т. Р. Руди. – Санкт-Петербург : Дмитрий Буланин, 2005. – С. 59–101.
133. Русский биографический словарь. Гааг – Гербель. – Репр. воспроизведение изд. 1914 г.– Москва : Aspect Press Ltd, 1991. – 494 с.

134. *Рыбаков, Б. А.* Древняя Русь: сказания, былины, летописи / Б. А. Рыбаков. – Москва : Изд-во АН СССР, 1963. – 361 с.
135. *Рыбаков, Б. А.* Русские летописцы и автор «Слова о полку Игореве» / Б. А. Рыбаков. – Москва : Наука, 1972. – 520 с.
136. *Рыбаков, Б. А.* «Слово о полку Игореве» и его современники / Б. А. Рыбаков. – Москва : Наука, 1971. – 296 с.
137. *Силантьев, И. В.* Сюжет как фактор жанрообразования в средневековой русской литературе / И. В. Силантьев. – Новосибирск : Изд-во НИИ МИОО НГУ, 1996. – 98 с.
138. Словарь русского языка XI–XVII вв. Вып. 1 (А–Б). – Москва : Наука, 1975. – 371 с.
139. Службы на каждый день Страстных седмицы : в 12-ти томах. – Псков : Изд. Свято-Успенского Псково-Печерского монастыря, 1993. – Т. 3. Святая и Великая среда. – 136 с.
140. *Соколов, П. П.* Русский архиерей из Византии и право его назначения до начала XV века / П. П. Соколов. – Киев : Тип. И. И. Чоколова, 1913. – IV, 578 с.
141. *Соловьев, А. В.* Заметки к «Слову о погибели Рускыя земли» / А. В. Соловьев // ТОДРЛ. – Москва ; Ленинград : Изд-во АН СССР, 1958. – Т. 15. – С. 109–113.
142. *Софонович, Ф.* Хроніка з літописців стародавніх / Акад. наук України, Археогр. коміс., Ін-т укр. археографії, Ін-т історії України ; Підгот. тексту до друку, передмова, комент. Ю. А. Мицика, В. М. Кравченка / Ф. Софонович. – Київ : Наукова думка, 1992. – 336 с. – (Пам'ятки українського літописання).
143. *Срезневский, И. И.* Древние памятники русского письма и языка (X–XIV веков). Общее повременное обозрение / И. И. Срезневский. – Санкт-Петербург: Тип. Имп. Акад. наук, 1882. – [2] с., IV, 392 стб.
144. *Срезневский, И. И.* Материалы для словаря древнерусского языка по письменным памятникам: В 3 Т. / И. И. Срезневский. – Т. 1. – Санкт-

- Петербург : Тип. Имп. Акад. наук, 1893. – IX, 1420 стб., 49 с.; Т. 2. – Санкт-Петербург : Тип. Имп. Акад. наук, 1902. – 15 с., 1802 стб.
145. *Ставиский, В. И.* К анализу «Повести о разорении Батыем Киева» в Галицко-Волынской летописи / В. И. Ставиский // Актуальные вопросы исторической науки. – Київ : Наукова думка, 1984. – С. 14–15.
146. *Ставиский, В. И.* О возможном источнике некоторых образов летописной «Похвалы» князю Роману Мстиславичу / В. И. Ставиский // Slověne = Словѣне. International Journal of Slavic Studies. – 2015. – Т. 2. – С. 159–179.
147. *Столярова, Л. В.* Свод записей писцов, художников и переплетчиков древнерусских пергаменных кодексов XI–XIV вв. / Л. В. Столярова. – Москва : Наука, 2000. – 543 с.
148. *Творогов, О. В.* Владимир Василькович / О. В. Творогов // Словарь книжников и книжности Древней Руси. – Ленинград : Наука, 1987. – Вып. 1 : XI – первая половина XIV в. – С. 98.
149. *Творогов, О. В.* Кирилл / О. В. Творогов // Словарь книжников и книжности Древней Руси. – Ленинград : Наука, 1987. – Вып. 1 : XI – первая половина XIV в. – С. 225–227.
150. *Творогов, О. В.* Задачи изучения устойчивых литературных формул Древней Руси / О. В. Творогов // ТОДРЛ. – Москва ; Ленинград : Наука, 1964. – Т. 20 : Актуальные задачи изучения русской литературы XI–XVII веков. – С. 29–40.
151. *Творогов, О. В.* Традиционные устойчивые словосочетания в Повести временных лет / О. В. Творогов // ТОДРЛ. – Москва ; Ленинград : Изд-во АН СССР, 1962. – Т. 18. – С. 279–281.
152. *Тихомиров, М. Н.* Русское летописание / М. Н. Тихомиров. – Москва : Наука, 1979. – 384 с.
153. *Толочко, А. П.* «История Российская» Василия Татищева: источники и известия / А. П. Толочко. – Москва : Новое литературное обозрение ; Киев : Критика, 2005. – 544 с.

154. Толочко, А. П. Как выглядел оригинал Галицко-Волынской летописи? / А. П. Толочко // *Rossica Antiqua*. Исследования и материалы. 2006 – Санкт-Петербург : Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2006. – С. 175–183.
155. Толочко, А. П. Похвала или житие? (Между текстологией и идеологией княжеских панегириков в древнерусском летописании) / А. П. Толочко // *Palaeoslavica*. – 1999. – Vol. 7. – P. 26–38.
156. Толочко, П. П. Династические браки на Руси XII–XIII вв. / П. П. Толочко. – Санкт-Петербург : Алетейя, 2014. – 192 с. – (*Bibliotheca Slavica*).
157. Толочко, П. П. Летопись Владимира Васильковича и ее автор // *Восточная Европа в Древности и Средневековье*. Автор и его текст : материалы XV чтений памяти В. Т. Пашуто / П. П. Толочко. – Москва, 2003. – С. 244–250.
158. Толочко, П. П. Русские летописи и летописцы X–XIII вв. / П. П. Толочко. – Санкт-Петербург : Алетейя, 2003. – 304 с. – (Серия «Славянская библиотека»).
159. Толочко, П. П. Статья 6731 года Галицко-Волынской летописи и время ее написания / П. П. Толочко // *Ruthenica*. – 2005. – № 4. – С. 47–53.
160. Тюленев, В. М. Рождение латинской христианской историографии : с прил. пер. «Церковной истории» Руфина Аквилейского / В. М. Тюленев. – Санкт-Петербург : Изд-во Олега Абышко, 2005. – 288 с.
161. Ужанков, А. Н. «Летописец Даниила Галицкого»: проблема авторства / А. Н. Ужанков // *Герменевтика древнерусской литературы X–XVI вв.* – Москва : ИМЛИ РАН, 1992. – Сб. 3. – С. 149–180.
162. Ужанков, А. Н. Проблемы историографии и текстологии древнерусских памятников XI–XIII вв. / А. Н. Ужанков. – Москва : Изд-во «Рукописные памятники Древней Руси», 2009. – 440 с.
163. Фомина, Т. Ю. Епископская власть в домонгольской Руси: истоки, становление, развитие / Т. Ю. Фомина. – Москва : Университетская кн., 2014. – 358 с.

164. *Фонт, М.* «Житие» Даниила Романовича // Княжа доба: історія і культура / М. Фонт. – Львів : Інститут українознавства ім. І. Крип'якевича НАН України, 2008. – Вып. 2. – С. 98–108.
165. *Франчук, В. Ю.* Хлебниковский список Галицко-Волынской летописи как лингвистический источник / В. Ю. Франчук // Галицко-Волынская летопись. Текст. Комментарий. Исследование. – Санкт-Петербург : Алетейя, 2005. – С. 61–75. – (Серия «Славянская библиотека»).
166. *Черепнин, Л. В.* Летописец Даниила Галицкого / Л. В. Черепнин // Исторические записки. – Москва : Изд-во АН СССР, 1941. – № 12. – С. 228–253.
167. *Чичуров, И. С.* Политическая идеология Средневековья (Византия и Русь) / И. С. Чичуров. – Москва : Наука, 1991. – 176 с.
168. *Шахматов, А. А.* Исходная точка летосчисления «Повести временных лет» / А. А. Шахматов // ЖМНП. – 1897. – Ч. 310, март. – С. 217–222.
169. *Шахматов, А. А.* Летописи (статья из Нового энциклопедического словаря Брокгауза-Ефрона, том XXV) // Обзорение русских летописных сводов XIV–XVI вв. / А. А. Шахматов. – Москва ; Ленинград : Изд-во АН СССР, 1938. – С. 361–372.
170. *Шахматов, А. А.* Обзорение русских летописных сводов XIV–XVI вв. / А. А. Шахматов. – Москва ; Ленинград : Изд-во АН СССР, 1938. – 372 с.
171. *Шахматов, А. А.* Общерусские летописные своды XIV и XV веков / А. А. Шахматов // ЖМНП. – 1900. – Ч. 331, сентябрь. – С. 90–176.
172. *Шахматов, А. А.* Общерусские летописные своды XIV и XV веков / А. А. Шахматов // ЖМНП. – Санкт-Петербург, 1900. – Ч. 332, ноябрь. – С. 52–80.
173. *Шахматов, А. А.* Разбор сочинения И. А. Тихомирова «Обзорение русских летописных сводов Руси северо-восточной» / А. А. Шахматов // Записки Императорской Академии наук по историко-филологическому отделению. – Санкт-Петербург : Тип. Имп. акад. наук, 1899. – Т. 4, № 2 : Отчет о сороковом присуждении наград графа Уварова. – С. 103–236.

174. *Шусторович, Э. М.* Хроника Иоанна Малалы и античная традиция в древнерусской литературе / Э. М. Шустович // ТОДРЛ. – Ленинград : Наука, 1968. – Т. 23 : Литературные связи древних славян. – С. 62–70.
175. *Щапов, Я. Н.* Византийское и южнославянское правовое наследие на Руси в XI–XIII вв. / Я. Н. Щапов. – Москва : Наука, 1978. – 290 с.
176. *Щапов, Я. Н.* Государство и церковь Древней Руси / Я. Н. Щапов. – Москва : Наука, 1989. – 232 с.
177. *Щапов, Я. Н.* Княжеские уставы и церковь в Древней Руси XI–XIV вв. / Я. Н. Щапов. – Москва : Наука, 1972. – 340 с.
178. *Юсупович, А.* «Богу же изволившю Даниль созда градъ Холмъ»: когда и как Холм стал столичным городом / А. Юсупович // *Rossica Antiqua*. – 2014. – № 1. – С. 44–62.
179. *Ягич, И. В.* Рассуждения южнославянской и русской старины о церковнославянском языке / И. В. Ягич // Исследования по русскому языку. – Санкт-Петербург : Тип. Имп. акад. наук, 1895. – Т. 1. – С. 289–1067.
180. *Baumgarten, N.* Généalogies et mariages occidentaux des Rurikides Russes du Xe au XIIIe siècle / N. Baumgarten. – Roma : Pont. Institutum orientalium studiorum, 1927. – 94 p. (*Orientalia Christiana* ; vol. 9, № 35).
181. *Burgess, Th.* Epideictic Literature / Theodore C. Burgess. – Chicago : University of Chicago Press, 1902. – 263 p. – (*Studies in Classical Philology*. Vol. III).
182. *Fennell, J. L. I.* The Tatar Invasion of 1223: Source Problems / J. L. I. Fennell // *Forschungen zur Osteuropäischen Geschichte*. – Berlin, 1980. – Bd. 27. – P. 18–31.
183. *Fuhrmann, J. T.* Metropolitan Cyrill II (1242–1281) and the Politics of Accommodation / J. T. Fuhrmann // *Jahrbücher für Geschichte Osteuropas, Neue Folge*. – 1976. – Bd. 24, H. 2. – P. 161–172.

184. *Kloss, B. M.* Copies of the Hypatian Chronicle and Their Textology / *B. M. Kloss* // *Harvard Ukrainian Studies*. – 2007. – № 29 (1–4). – P. 129–147.
185. *Komendova, J.* Galician-Volhynian chronicle and the second sequel to Cosmas: the quest of new concepts in medieval historiography (Halicko-volynsky letopis a druhe pokracovani Kosmovo. Hledani novych konceptu ve stredoveke historiografii) / *J. Komendova* // *Listy filologicke (Folia philologica)*, 2008. – Vol. 131, iss. 3–4. – P. 441–452.
186. *Mouchard, F.* La maison de Smolensk. Une dynastie princière du Moyen Âge russe, 1125–1404 / *F. Mouchard*. – Paris : Institute d'études Slaves, 2015. – 306 p. – (Bibliothèque russe de l'institute d'études slaves. T. 131).
187. *Ostrowski, D.* The Galician-Volynian Chronicle, the Life of Alexander Nevskii and the Thirteenth-Century Military Tale / *D. Ostrowski* // *Palaeoslavica*. – 2007. – Vol. 15/2. – P. 307–324.
188. *Poppe, A.* The Christianization and Ecclesiastical Structure of Kyivan Rus' to 1300 / *A. Poppe* // *Harvard Ukrainian Studies*. – 1997. – Vol. 21, № 3–4. – P. 311–392.
189. *Pritsak, O.* Introduction / *O. Pritsak* // *The Old Rus' Kievan and Galician-Volhynian Chronicles*. – Cambridge, Massachussets : Harvard University Press, 1990. – P. XV–XXXVII. – (Harvard Library of Early Ukrainian Literature. Texts. Vol. 8).

Список сокращений

ГВЛ – Галицко-волынская летопись;

Густ – Густынская летопись;

Есф. – Книга Есфирь;

ЖМНП – Журнал Министерства народного просвещения;

ЗНТШ – Записки Наукового товариства імені Шевченка;

ИОРЯС – Известия Отделения русского языка и словесности Императорской Академии наук;

Ип – Ипатьевский список южнорусского летописного свода к. XIII в.;

Ис. – Книга пророка Исайи;

Лавр – Лаврентьевская летопись;

ЛвМ – Летопись волынских Мономаховичей XIII в.

Н I – Новгородская I летопись старшего и младшего изводов;

Н I Син – Синодальный список Новгородской I летописи;

ПВЛ – Повесть временных лет;

ПЛДР – Памятники литературы Древней Руси;

ПСРЛ – Полное собрание русских летописей;

ТОДРЛ – Труды Отдела древнерусской литературы Института русской литературы (Пушкинский Дом) РАН;

Хл – Хлебниковский список южнорусского летописного свода к. XIII в.;

ЧОИДР – Чтения в Императорском Обществе истории и древностей Российских при Московском университете;

PG – Patrologia Graeca (Patrologiae cursus completus. Series Graeca).